

21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

1(9)

ЕРЕВАН

2009

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

1 (9), 2009

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гагик Арутюнян (координатор)
Георгий Дерлугьян
Тигран Саркисян
Мушег Лалаян
Сергей Гриняев
Спартак Сейранян

РЕДАКЦИЯ

Гагик Арутюнян
(главный редактор)
Севак Саруханян
(заместитель гл. редактора)
Арутюн Марутян
Саргис Арутюнян
Тамара Варданян
Эдуард Даниелян
Лилит Меликсетян
(ответственный секретарь)
Лусине Баграмян
(технический редактор)

EDITORIAL BOARD

Gagik Harutyunyan (coordinator)
Georgi Derlugian
Tigran Sargsyan
Mushegh Lalayan
Sergey Grinyaev
Spartak Seyranyan

EDITORSHIP

Gagik Harutyunyan
(chief editor)
Sevak Sarukhanyan
(Deputy Chief Editor)
Eduard Danielyan
Harutyun Marutyan
Sargis Harutyunyan
Tamara Vardanyan
Lilit Meliksetyan
(Executive secretary)
Lusine Baghramyan
(Layout man)

СОДЕРЖАНИЕ

Карен Карапетян

Армения и региональные энергетические процессы
в контексте информационного обеспечения 3

Вардан Атоян, Карен Бабаджанян

Бренд страны и Армения 8

Игорь Багирян

Уроки финансовых кризисов в контексте
экономической безопасности 16

Сергей Гриняев, Александр Фомин

Темная материя мировой экономики 28

Сергей Минасян

Военно-политические итоги
«пятидневной войны» 53

Артем Саркисян

Армяно-византийские цивилизационные связи 76

Памятка автору 116

АРМЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Карен Карапетян

Регион Южного Кавказа и соседних с ним государств сегодня находится на пересечении крупных международных, в основном нефтегазовых энергетических проектов. Наличие в ряде стран региона собственных значительных запасов углеводородных ресурсов и близость региона к крупным рынкам потребления этих ресурсов и экономическим центрам трансформируют регион в крайне привлекательный для международного капитала.

Что должно лежать в основе региональной энергетической безопасности? Что должно быть для Армении ориентиром в условиях глобальной конкуренции за ресурсы, в которую все более активно включаются компании из стран, не располагающих запасами углеводородного сырья, достаточными для обеспечения их экономического развития? Какое место может занимать Армения на энергетической карте региона? И, наконец, *какую роль может и должна играть информационная поддержка в разработке и продвижении тех или иных проектов в энергетике?*

Ответы на эти вопросы являются ключевыми для выработки эффективной политики Армении, нацеленной на достижение реальной интеграции стран региона в области энергетики.

1. Информационные войны в энергетике и политизированность ряда проектов

Сегодняшние региональные энергетические проекты упираются, по политическим причинам, в ограниченность транзитных схем и не являются образцом многостороннего регионального сотрудничества. *Первопричиной такой ситуации является политическое соперничество, имеющая место конкуренция энергетических «тяжеловесов» за доступ к месторождению, скважине, трубе.* Такая

конкуренция в регионе Южного Кавказа подменяет реальное сотрудничество и втягивает наши страны в ненужную и бесперспективную полемику вокруг политически, а не экономически обоснованных проектов.

Сегодня много говорится о потребности в новой архитектуре безопасности в мире и, в частности, на Южном Кавказе. Думаю, было бы правильным и уместным говорить также и о необходимости формирования *новой архитектуры энергетической безопасности региона*.

Нужно констатировать, что на разных уровнях, в том числе на национальном, крайне недостаточно и зачастую односторонне освещается энергетическая ситуация в регионе. Не секрет, что политизированность энергетических проектов Южного Кавказа бьет по карману каждого жителя стран *региона*. Между тем *низкая осведомленность населения стран региона* приводит к тому, что элиты проводят в жизнь политические проекты, не имеющие должного экономического обоснования, тем самым закладывая «мину замедленного действия» под энергетику и генерируя дальнейшие спекулятивные проявления на международных рынках энергоносителей, *что, весьма вероятно, явится причиной очередных глобальных финансовых и экономических кризисов*.

Поэтому нужно новое качество информационного сопровождения для обеспечения поддержки инициатив политической и бизнес-элит в сфере энергетики. Нужна устойчивая обратная связь «власть-бизнес». Нужна такая ситуация, при которой креативные планы и проекты бизнес-элиты имеют объективную и высокопрофессиональную поддержку в информационной среде, тем самым создавая для политических лидеров стран региона необходимый «фон» и мотивацию распознать эти проекты как жизнеспособные и важные для развития страны. Отмеченное взаимодействие в идеале должно послужить созданию необходимой комфортной среды для взаимной интеграции энергетических программ в регионе.

В настоящее время, к сожалению, ситуация далека от указанных ориентиров. Каждая из стран, безусловно, сама выбирает свою систему и модель развития для обеспечения нужд энергетической безопасности, но при этом практически не учитываются тенденции и проекты, развивающиеся в соседних странах, где, на наш взгляд, имеются широкие возможности для взаимодействия и колоссальное поле для оптимизации национальных энергетических секторов. Отмеченное происходит:

- из-за отсутствия уверенности в возможности политической и экономической интеграции стран региона, исходя из чего каждая из стран берет на вооружение концепцию обеспечения максимальной энергетической независимости и самодостаточности,

- из-за практически полной политизированности информационного сопровождения всех энергетических проектов, как национальных, так и региональных.

На мой взгляд, сегодня необходимо:

1. совместными усилиями выработать определенный «кодекс поведения» в информационном пространстве, особенно в освещении региональных энергетических проектов. В основе данного кодекса должны лежать принципы честного и объективного взгляда на вещи, прагматизм и нацеленность на сотрудничество;
2. использовать имеющиеся информационные ресурсы для распространения прогрессивных форм и методов управления энергетикой и активного участия населения в обсуждении проблем энергетической безопасности стран нашего региона и Армении в частности;
3. неустанно повышать профессиональный уровень участников информационного процесса. Информация должна быть профессиональной и качественной. Сегодня, к сожалению, редко можно встретить высокопрофессиональный и объективный анализ энергетических проектов и моделей развития [1].

Одним из главных условий улучшения качества жизни людей в странах региона является создание на Южном Кавказе свободного рынка энергоресурсов путем равноправного объединения национальных энергетических систем, коммуникационных коридоров и всего имеющегося научно-технического потенциала стран. Эта одна из важнейших задач международной дипломатии [2].
«Энергия без границ» – это должно стать лозунгом!

2. Новое качество политики Армении

Сегодня можно констатировать, что Армения, не обладая собственными запасами углеводородных ресурсов и выходом к морю, на фоне сложных и неоднозначных политико-экономических процессов, имеющих место в государствах региона, демонстрирует яркий и мощный пример успешного решения задачи по поддержанию необходимого уровня энергетической безопасности страны.

Одним из инструментов дальнейшего повышения степени энергетической безопасности Армении является выработка на государственном уровне качественно новой экспортной политики, которая должна быть нацелена на создание уникальных и крайне эффективных возможностей для активизации

внешнеэкономического обмена Республики Армения с соседними странами, посредством которого можно существенно повысить степень энергетической безопасности страны. Армении необходимо занимать крайне активную позицию по выработке и последовательной реализации новых региональных проектов, имеющих общую «точку схождения» для стран нашего региона. В условиях протекающих глобальных финансовых и экономических кризисов реальной альтернативы региональному сотрудничеству, особенно в энергетике, просто нет.

Обладая двумя газопроводами и мощностями подземного хранения газа, а также избыточными конкурентными генерирующими мощностями, Армения имеет все шансы стать своего рода либеральной энергетической площадкой регионального масштаба. Решение этой непростой задачи предполагает реализацию в ближайшем будущем как в экономике Армении в целом, так и в энергетике, в частности, амбициозных программ, цели и задачи которых можно изложить следующими ключевыми тезисами:

- *повышение энергетической безопасности Армении посредством формирования конкурентного экспортного рынка;*
- *разработка и реализация государственной политики РА по реальной поддержке энергетических проектов, ориентированных на экспорт, в основе которой должна быть гибкая ценовая политика;*
- *выработка согласованных позиций стратегических партнеров по расширению регионального энергетического сотрудничества, в которое должны быть вовлечены не только ближайшие соседи Армении, но и Туркменистан, Ирак и другие страны.*

Вот главные условия, при которых Армения может превратиться в энергетическую «базу» региона – дальнейшая либерализация внешнеэкономического обмена, расширение доступа к инновационным достижениям, передовым техническим стандартам и методам государственного и корпоративного управления экономикой, реальный переход к новому качеству экспортной политики. Роль профессиональной информационной поддержки в реализации отмеченной амбициозной программы, безусловно, велика.

Все перечисленное не может быть реализовано в полной мере без понимания всеми странами региона объединяющей перспективы энергетического сотрудничества, готовности принять и соблюдать правовой режим, который согласован с установленными международными нормами и не подвержен произвольному, одностороннему изменению. Сегодня Армения расценивает наличие в регионе новой энергетической ситуации как очень позитивный для себя факт

и осознает реальную возможность быть вовлеченной в крупные региональные энергетические проекты, в которых она имеет все шансы стать одним из ключевых игроков на энергетической карте Южного Кавказа.

И последнее. Мы считаем, что реализовать данную масштабную задачу будет намного легче при наличии должного уровня информационной поддержки наших инициатив и проектов, на что мы и рассчитываем в нашей деятельности.

Декабрь, 2008г.

Источники и литература

1. *Գարապետյան Կ.* Հայաստանի Հանրապետության էներգետիկ անվտանգության հեռանկարները, Եր., Էդիթ Պրինտ, 2008թ.
2. *Գարապետյան Կ.,* Տարածաշրջանային համագործակցության և էներգետիկ անվտանգության հիմնախնդիրները Հարավային Կովկասում, Եր., Էդիթ Պրինտ, 2008:

БРЕНД СТРАНЫ И АРМЕНИЯ

Вардан Атоян, Карен Бабаджанян

В статье представлена сущность понятия «бренд», обсуждаются проблемы, возникающие при формировании бренда государства, а также предлагается комплекс мер, осуществление которых позволит повысить рейтинг государства. Эти меры и предложения основаны на передовом мировом опыте, и их реализация может оказаться весьма полезной при разработке стратегии позиционирования Республики Армения. В статье затрагиваются также такие важнейшие для РА вопросы, как авторитет государства, инвестиционная привлекательность страны, развитие туризма, качество экспортируемой продукции и необходимость осуществления мероприятий, направленных на повышение спроса на нее.

Формирование бренда государства – стратегически значимый процесс для любого государства. Эффективность внешнеэкономической политики и динамика экономического роста в значительной степени зависят от авторитета данной страны на внешнем рынке. Прежде всего, попытаемся вкратце представить, что такое бренд и чем он отличается от простого наименования.

Отметим, что брендом может стать любое название, например: «*FedEX*», «*Porsche*», «*Marlboro*», «Нью-Йорк», «Япония», «Моцарт» и т.д. То есть, любое имя, название, товарный знак, которые у соответствующей аудитории ассоциируются с рядом положительных качеств и свойств. Иначе говоря, понятие бренд можно определить как *совокупность эмоций, чувств*.

Если попытаться дифференцировать бренд и товарный знак, то нужно подчеркнуть, что товарный знак – правовая категория, а бренд – это, так сказать, интеллектуальная составляющая товара. Он существует только в подсознании потребителей. Примечательно, что в некоторых странах стоимость бренда включается в бухгалтерские отчеты компании в качестве материального актива (например, в Великобритании), зачастую оцениваемого выше, нежели совокупность всех производственных мощностей данной организации. Так, компания «*Phillip Morris*» приобрела товарный знак «*Kraft Food*» за \$13 млрд, что на 600% больше его балансовой стоимости, компания «*Grand Metropolitan*» приобрела

товарный знак «*Pillsbury*», который на \$5,5 млрд дороже стоимости компании, владеющей этим знаком [1].

Мы считаем, что при разработке политики по поддержанию формирования бренда государства нужно изучить несколько обстоятельств. Приведем пример: произнося слово «Париж», мы, прежде всего, понимаем моду, некий романтизм, говоря о Нью-Йорке – бизнес, энергию, Вашингтоне – силу, мощь, Токио – современные передовые технологии, Египте – древнюю культуру, Риме – прекрасную классическую архитектуру, Рио-де-Жанейро – карнавал, Германии – надежность, пунктуальность и т.д.

В современных общемировых глобализационных процессах разные страны мира, города, компании зачастую открыто, иногда – не столь явно, конкурируют друг с другом во имя привлечения внимания туристов, местных и иностранных инвесторов, потребителей и обеспечения притока дополнительного капитала в экономику. В этой конкуренции, как мы считаем, побеждают те, кому удастся максимально правильно позиционироваться на мировом рынке, в том числе проводя эффективную региональную маркетинговую политику. В этом аспекте очень ценна проведенная американской компанией «*Global Market Insite*» (*GMI*) работа по обработке данных британского ученого Саймона Анхольта и собственного маркетингового исследования, в результате которой они попытались оценить рейтинги 35 развитых и развивающихся стран и представить стоимость их брендов в денежном эквиваленте. Так, бренд России, согласно этой оценке, составляет примерно \$663 млрд [2].

Для оценки рейтинга они использовали 6 основных показателей:

- Привлекательность с точки зрения туризма
- Человеческий капитал
- Качество экспортируемой продукции
- Привлекательность культуры
- Степень справедливости политики правительства
- Привлекательность государства в качестве основного места жительства

В опросе участвовало более 25 тысяч человек, посредством которых исследователи составили рейтинг национальных брендов, затем компания «*Brand Finance*» (*BF*) определила денежное выражение каждого бренда.

Нужно отметить, что по их оценке стоимость бренда каждого государства составляет 2-10% его ВВП, а разница в процентах объясняется общим уровнем развития страны, однако окончательная стоимость формируется суммой ВВП за пять лет, рассчитанной по текущему курсу денежных средств.

Несмотря на то, что есть целый ряд методов оценки бренда, сама оценка –

достаточно трудоемкий и длительный процесс, в результате которого, однако, бывают определенные искажения. Эти методы используются в основном для оценки рейтинга торговых товарных знаков, а рейтинговая и денежная оценка бренда государства для многих внове и должна стать предметом особого исследования, однако, тем не менее, нужно отметить, что, по нашему наблюдению, на формирование стоимости бренда государства существенно влияет также совокупная стоимость брендов действующих на его территории компаний, организаций, предприятий.

В представленную ниже таблицу вошла первая десятка брендов государств по результатам третьего квартала 2006г. [3]:

1.	Великобритания
2.	Германия
3.	Италия
4.	Канада
5.	Швейцария
6.	Франция
7.	Швеция
8.	Япония
9.	США
10.	Австрия

Закономерности, лежащие в основе комплекса маркетинговых мероприятий и конкуренции между организациями, практически без изменений можно применять и при разработке маркетинговой политики государства. Думается, именно в этом контексте необходимо разработать концепцию маркетинговой стратегии Республики Армения, отдельный раздел которой будет посвящен брендингу. Важность и актуальность этого вопроса наиболее ярко проявляется в странах с переходной экономикой, где только формируются и проходят путь становления институты, присущие рыночной экономике.

Мы убеждены, что политика, направленная на формирование бренда Республики Армения, положительно повлияет прежде всего на повышение инвестиционной привлекательности Республики Армения и развитие туризма. Актуальность проблемы обусловлена также тем, что направленная на формирование бренда государства скоординированная, проработанная государственная политика чрезвычайно полезна для данного государства, в частности, в плане правильного позиционирования на международном рынке.

Сегодня каждая страна представляется со своими слышимыми и видимыми атрибутами, в том числе гербом, флагом, гимном, однако, как отмечает Мартин Линдстром, бренд формируется не только за счет слуховых и зрительных впечатлений, но и при помощи комплексных, обонятельных и тактильных ощущений.

Маркетологи в основном действуют в двухмерном мире брендинга и зачастую игнорируют важность воздействия на все пять органов чувств человека. Но ведь мы получаем информацию об окружающем мире посредством наших органов чувств! Сегодня при помощи рекламы можно повлиять только на органы слуха и зрения, однако остальные органы чувств остаются невостребованными. Так, во всех крупных специализированных торговых центрах приятно пахнет. Эту же методику приняли на вооружение и в компаниях, специализирующихся в других отраслях, в частности, такие автогиганты, как «BMW», «Rolls-Royce», «VW», «Mercedes-benz», владеют своим фирменным парфюмом, которым ароматизируют автосалоны, компания «Singapore Airlines» также является единственной в своем роде: в салонах ее самолетов пахнет фирменным ароматом этой компании. Именно подобными мерами, в числе прочего, обусловлен успех наднациональных брендов. Использование этих и иных маркетинговых инструментов может существенно повлиять на успех как действующих в Армении, так и представляющих Армению за рубежом компаний.

Развитые страны мира сильны своими хозяйствующими субъектами. Без усовершенствования последних невозможно создать бренд государства. Например, швейцарские фирмы лидируют на рынках высококачественных часов, ножей, сыра и шоколада. Всему миру известна также надежность швейцарской банковской системы и высокий уровень обслуживания клиентов. Нужно отметить, что швейцарские банки приступили к формированию собственных брендов еще с середины XIXв. и в ходе этого процесса усиленно использовали красный цвет. Сегодня красный и белый цвета стали символами Швейцарии, можно даже сказать ее синонимом, что свидетельствует о том, что у этой страны есть четко разработанная маркетинговая стратегия.

Помимо вышеотмеченного, есть также ставшие узнаваемыми символы, лозунги государств и городов. Приведем несколько примеров лозунгов государств:

- США – *American Dream* – Американская мечта
- Великобритания – *Cool Britannia* – холодная Британия
- Италия – *Dolce Vita* – сладкая жизнь
- Германия – *Vorsprung durch Technik* – прогресс за счет технологий
- Швейцария – *Keeping Privacy* – соблюдение личных тайн.

Крупные, экономически мощные и развитые страны давно уже создали предусмотренные для внутреннего и внешнего потребления и характеризующие их государства слоганы, символы, а многие страны, в том числе Республика Армения, только пытаются предпринять некоторые шаги в этом направлении.

Сегодня целый ряд стран во имя прогресса своих государств, в частности, проводят рекламные кампании или используют традиционные и нетрадиционные методы рекламы, *ATL*, *BTL*, расходуют огромные суммы, распределяемые между рекламными агентствами, консалтинговыми компаниями и специалистами по *PR*. Так, Сингапур ежегодно расходует на эти цели примерно \$60 млн, Малайзия – \$150 млн, Лондон в 2003-2004гг. на аналогичные цели потратил около \$40 млн [4]. Россия на улучшение своего международного имиджа в 2007г. израсходовала примерно \$5 млн из госбюджета, а США ежегодно выделяют на эти цели примерно \$1 млрд [5].

Примечательно, что расходы на рекламу не предполагают формирования бренда государства в том случае, если отсутствует хотя бы один из методов оценки эффективности рекламы. Сегодня маркетинговые исследования подсказывают, что реклама постепенно уступает позиции *PR* – связям с общественностью, причем – несмотря на то, что из исследований выясняется, что подавляющее большинство потребителей не верят рекламе, – тем не менее, она по сей день продолжает оставаться одним из лучших маркетинговых инструментов, позволяющих донести информацию до потребителя. Признавая это, ряд авторитетных специалистов считает, что в современном экономическом мире бренд формируют не с помощью рекламы, он формируется посредством связей с общественностью, а реклама выполняет иную функцию – сохранение уже существующего бренда.

Чтобы более образно представить необходимость формирования бренда государства, нужно просто вспомнить о том, почему люди стремятся купить немецкие автомобили, японскую технику, французскую модную одежду, чешское пиво, швейцарские часы и т.д. В этом контексте отметим несколько положительных процессов, касающихся Армении: а) на транслируемой по всему миру авторитетной телекомпании *CNN* демонстрируется рекламный ролик об Армении, который нацелен на развитие туризма в Армении и который, естественно, внес свой вклад в международное признание Армении и формирование бренда нашего государства; б) в последние годы стали традиционными проводимые за рубежом (в частности, в России, Франции) культурные мероприятия – дни Армении, год Армении и т.д., которые также оказывают чрезвычайно положительное воздействие на формирование бренда «Армения»; в) осуществленные за последние годы работы по модернизации аэропорта «Звартноц», в част-

ности, приведение в соответствие с международными стандартами зала прибытия, так же стало очень важным явлением в том плане, что турист получает свои первые впечатления от страны именно в аэропорту.

Сегодня перед Республикой Армения стоит задача собственного представления миру, и в этом контексте нужно обсудить, чем известна наша страна за рубежом, как и, особенно, с чем она должна представляться миру, дабы создать возможности наиболее продуктивного позиционирования на мировом рынке и стать привлекательной для потребителей и инвесторов. Отметим, что даже без глубоких исследований можно констатировать, что сегодня Армении и армян в мире знают преимущественно как жертв Геноцида, переживших разрушительное землетрясение 1988г. и страну, конфликтующую с соседним Азербайджаном. В этом контексте чрезвычайно положительно нужно оценить комплекс мероприятий, проведенных в Армении в 2001г. в связи с 1700-летием провозглашения христианства государственной религией страны и, безусловно, положительно сказавшихся на рейтинге государства.

Рейтинг любого государства в значительной степени обусловлен также уровнем развития туризма в этой стране, для повышения которого, естественно, необходимы соответствующие инфраструктуры. В этом контексте нашей сверхзадачей является максимальное удовлетворение потребностей посещающих Армению туристов, поскольку один довольный турист, возвращаясь на родину, увозит с собой полученные положительные впечатления, что влияет на общий рейтинг страны и дальнейшее развитие туризма. Формированию положительно имиджа способствуют также успехи в спорте, культуре, экономике, науке и т.д.

С другой стороны, нужно отметить, что формирование положительного имиджа страны напрямую отражается и на привлекательности производимых в этой стране товаров, что обеспечивает компаниям этой страны конкурентное преимущество за рубежом.

По нашим наблюдениям, осуществляемая на государственном уровне брендинговая политика Армении положительно скажется прежде всего на иностранных инвестициях, туризме и увеличении объема производимых в Армении и экспортируемых товаров. С этой целью важно иметь в структуре какого-либо госведомства РА (например, Министерства торговли и экономического развития) предусмотреть орган, занимающийся брендинговой политикой государства, который и будет разрабатывать соответствующую стратегию – в качестве компонента маркетинговой политики государства – в краткосрочной и долгосрочной перспективе, в сотрудничестве и с использованием также возможностей частных собственников. Эта стратегия обязательно должна включать в себя и современные методы прямой связи с потребителем, инвесторами, в частности:

а) территориальный брендинг – для прогресса Армении, областей республики, отдельных общин необходимо исследовать их исторические, культурные, экономические ресурсы, потенциал, на основе которых можно будет выстроить программу обзего развития республики;

б) использование образовательного ресурса;

в) современные электронные средства – в частности, использование возможностей интернета;

г) издание и распространение рассказывающих об Армении книг, предудсмотренных для туристов дорожных карт и т.д.

е) использование эвент-маркетинга, который позволит конкретнее очертить целевую аудиторию, привлечь внимание к Армении и производимой в Армении продукции.

Мы убеждены, что к этим работам необходимо привлечь как зарубежных специалистов, известные компании – с тем, чтобы использовать их опыт и профессионализм, – так и местных специалистов, знакомых со спецификой Армении. Именно это сотрудничество, совмещение возможностей, думается, должны привести к положительному результату.

Сентябрь, 2008г.

Источники и литература

1. Голова А., Что нам стоит бренд построить. Создание и строительство бренда, <http://4p.net.ua>.
2. www.bestbrand.by, www.nationbrandindex.com.
3. www.admarket.ru/library/regions/regions
4. Фуколова Ю., www.sostav.ru.
5. Коробков Дм., Ведомости, № 107 (1881), 14.06.2007, www.bestbrand.by, www.nationbrandindex.com:
6. www.stasmarketing.com
7. Пашутин С.Б., Как создать национальный бренд, Москва, 2007.
8. Райс Эл и Лора, Расцвет пиара и упадок рекламы, Ст. Петербург, 2007.
9. Райс Джек Траут-Эл, Позиционирование: битва за умы. Юбилейное издание, Ст. Петербург, 2007.
10. Портер Майкл Е., Конкурентная стратегия, Методика анализа отраслей и конкурентов, Москва, 2006.
11. Линдстром Мартин, Чувство БРЕНДА. Роль пяти органов чувств в создании выдающихся брендов, М, 2006.
12. Питерс Том, Человек-Бренд, Москва, 2006.

BRAND OF A COUNTRY AND ARMENIA

Vardan Atoyán, Karen Babajanyan

Resume

The consumers and investors today, while making and economic decisions, mainly relay on the image of a country. Thus a conclusion can be drawn that a product is bought either according to its price or basing on the brand trust of the country-producer. It is also obvious that the tourists are a kind of “massagers” of knowledge and information about a country, the most important communicators of the image of people, countries, products, traditions etc.

In the very text is analyzed the essence of a brand, is stated a complex of marketing means of introducing qualitative goods in the international market, ensuring popularity and raising competitiveness of a country as well as concrete measures are suggested to make and form a country’s brand by the example of Armenia.

УРОКИ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Игорь Багрян

Работа посвящена глобализационным рискам, возникающим в связи с принципиальной способностью современной модели фондового рынка отрываться от состояния реального сектора и тем самым становиться инструментом для провоцирования финансовых кризисов, что и произошло.

Приведены представления западных и российских экспертов о содержании понятий экономической и финансовой безопасности.

В конце работы говорится о необходимости для Армении перестройки государственной системы управления по следующим направлениям безопасности: духовно-психологическое, экономическое, правовое, военно-стратегическое.

1. Идеология государственного управления

Уже два с лишним столетия идеология государственного управления определяется представлениями об уровне оптимального соотношения планирования как выражения функции осознанного целеполагания и саморегулируемых механизмов внутри общества.

Эти механизмы обеспечивают тенденции к установлению равновесных состояний, в то время как миссия планирования состоит в формировании направления – вектора поступательного движения.

Обобщение опыта стран, вышедших за последние десятилетия на самые передовые конкурентные позиции, выводит на два фундаментальных тезиса, весьма важных как для Армении, так и для любой другой развивающейся государственности.

Первый из них состоит в том, соотношение между сферами планирования и автономного рыночного саморегулирования каждая страна должна определять, исключительно исходя из конкретики своего развития с учетом региональных и мировых реалий.

Об этом, вообще говоря, тривиальном, очевидном тезисе приходится говорить, т.к. методические материалы МВФ и других международных институтов на

стоятельно рекомендовали максимальное смещение в сторону свободного рынка.

Идеологическим фасадом прикрытия подобных рекомендаций выступили более чем устаревшие взгляды А.Смита, видевшего роль государства исключительно в обеспечении внутреннего порядка и защиты от внешних угроз. Носителями этой идеологии выступили англосаксонские страны, которые, однако, сами для себя проводили иную рациональную взвешенную политику.

Известный американский экономист Линдон Ларуш писал, что свободная торговля всегда была «политикой, навязываемой Британией тем странам, которые были ее жертвами».

Значительно ранее крупнейший дореволюционный экономист и государственный деятель С.Ю.Витте говорил о колониальной направленности теории А.Смита.

Дж.Гэлбрейт, известнейший экономист-институционалист, как-то назвал разговоры о движении к свободному рынку психическим расстройством клинического характера.

Сегодня очень многие известные западные экономисты говорят о дискредитации рекомендаций МВФ и о том, что ему теперь придется доказывать их легитимность.

Негативные последствия этих рекомендаций для Армении, не имеющей иммунитета, позволяющий осуществить селекцию внешних институциональных заимствований (а именно в этом состоит одна из самых важнейших граней понятия государственности), выразились в разрушении культуры планирования.

Этот факт сказался и на восприятии связей между производством товаров и услуг (реальный сектор) и макроэкономическими показателями инфляции и курса национальной валюты.

Прямая связь между ними состоит в том, что структура производства влияет на макропоказатели, в то время как устойчивость макропоказателей выступает необходимым условием экономического развития, т.е. имеет место обратная связь.

Структура производства выступает объектом планирования, с учетом рыночных механизмов, в то время как устойчивость макропоказателей обеспечивается текущим управлением.

Фетишизация обратной связи необоснованно превращает ее из необходимого условия в достаточное. Принимается, что механизмов рынка достаточно для формирования оптимальной структуры производства. Тем самым отбрасывается факт необходимости института планирования.

Второй тезис, который на Западе стал уже классическим, состоит в том, что в современном планировании должно преобладать новое качество – планирование развития (*development planning*). Под ним понимается не только планирование внедрения новых технологий в производство и инфраструктуру, но и в большей степени разработка и реализация новых организационных форм управления – новых систем взаимосвязей в обществе.

Целью планирования развития выступает повышение уровня самоорганизации в обществе.

Актуальность этого института, который должен стать сквозным в обществе, объясняется тем, что в обычном режиме человеческого мышления преобладает экстраполяция – перенос тенденций прошлого в будущее. Экстраполяционное мышление не способно предсказать качественные изменения, в результате чего субъект периодически попадает в кризисное состояние. Если это актуально для отдельного человека, то тем более актуально для государства.

Планирование развития сегодня выступает важнейшим компонентом понятия безопасности вообще, а экономической, и финансовой безопасности – в частности.

Имеется в виду тот факт, что ***в современном мире невозможно выжить, если в структуре системы управления государственных или коммерческих организаций и, тем более, государства в целом нет специализированных звеньев, занятых разработкой перспективных целей организации, ее идеологии, новых адекватных форм управления.***

2. Содержание понятий экономическая и финансовая безопасность

Термин экономическая безопасность ввел в обращение президент США Т.Рузвельт в 1934г., создавая соответствующий комитет. Тем самым была официально зафиксирована необходимость государственного управления экономикой. В дальнейшем были созданы структуры: Совет по экономической политике (Никсон), Национальный экономический совет (Клинтон).

Зарубежные эксперты определяют экономическую безопасность как суверенитет (исключительное право) государства в принятии решений по экономическим вопросам, осознаваемым как национально значимые. Другими словами, экономическая безопасность – это возможность проведения национальной экономической политики.

Результатом функционирования системы экономической безопасности Г.Моул (*H.Maull*) считает достижение состояния отсутствия острой угрозы ос-

новным национальным ценностям. Это определение слишком широкое и адекватно не экономической, а всей системе национальной безопасности.

Мэрдок (*C.Murdoch*) акцентирует в определениях ресурсную – в широком смысле – возможность проведения экономической политики.

В РФ экономическая безопасность определяется как «обеспечение такого развития, при котором создаются приемлемые условия для развития личности, социально-экономической стабильности общества, военно-политической стабильности».

Экстраполяция, простое распространение западного подхода на финансовую безопасность определяет ее как ресурсную возможность осуществления финансовой политики.

Цели финансовой безопасности состоят в обеспечении устойчивости:

- Экономического развития (создание адекватных прямых и обратных связей между реальным и финансовым секторами),
- Платежно-расчетной системы,
- Институтов финансовой системы в условиях внешних кризисов.

Последняя цель выглядит особенно актуальной в контексте текущего глобального финансового кризиса.

Экономическая безопасность выступает общим контекстом для государственных органов всех развитых стран.

Вместе с тем необходимо отметить, что в системах национальной безопасности развитых стран обязательно присутствуют специальные структуры, занимающиеся экономической и финансовой безопасностью.

Хотелось бы также подчеркнуть, что к этой проблематике всегда привлекаются экономисты самой высокой квалификации. Между тем за годы независимости мы не только не двигались в этом направлении, но, наоборот, штамповали «специалистов», представляющих экономику и финансы по кратким наставлениям МВФ.

3. Глобализационные риски реального сектора (производство товаров и услуг)

Последний этап экономической динамики развитых и не только стран характеризуется жесткой связью с двумя факторами, определяющими фундаментальные риски реального сектора – ускорение рассогласования спроса и предложения и виртуальность фондового рынка по отношению к реальному сектору.

3.1 Ускорение рассогласования спроса и предложения

Этот фактор связан с уровнем несоответствия спроса и предложения. На предыдущих этапах это несоответствие носило относительно временный характер.

Инновационная экономика, выступающая выражением информационного общества, буквально взрывает соответствие спроса и предложения.

Представитель среднего слоя развитых стран поставлен в ситуацию, когда ему навязывается ускоренное обновление всего парка бытовой техники, жилья, всей инфраструктуры быта.

Этот темп обновления объективно приходит в противоречие с психологической инерционностью рядового потребителя.

Наступает ситуация, которую можно назвать «усталостью спроса».

В аспекте предложения это приводит к необходимости наращивания непроизводственных затрат, связанных с использованием все более изощренных и интенсивных методов рекламы. С позиции эффективности экономики в целом это приводит к истощению невозпроизводимых ресурсов, проблеме утилизации морально устаревшей техники.

Конечно, относительным выходом является выбрасывание неликвидной товарной массы через экспорт-импорт в страны третьего мира. Но этот процесс уже обрел свои ограничительные рамки в лице конкурирующей волны товаров из Китая, которые вначале были дешевыми и некачественными, а в дальнейшем становятся все более качественными, оставаясь относительно дешевыми.

В этих условиях весомым заказчиком инновационной экономики остается «старый добрый военно-промышленный комплекс» (ВПК).

Для оправдания наращивания ВПК служат и раздувание угрозы мирового терроризма, и противопоставление Россия-США. Последнее протекает на фоне весьма странного факта размещения значительной части стабилизационного фонда и валютных резервов России в США притом, что основным торговым партнером России является Европа. Это обстоятельство наводит на мысль об определенной искусственности этого противостояния, рассчитанного на психологическое восприятие внутри страны.

Радикальным решением, уже отчетливо видимым в обозримом будущем, является переход от информационного общества к обществу знания. Последнее характеризуется тем, что ставит во главу угла изменение качества самой личности, уровень его самоорганизации, а не изменение среды обитания.

Базисными условиями такого перехода выступают научные направления, связанные с человеком: изучением процесса мышления, сознания, конструктивных особенностей психики. Именно эти институты развиваются сегодня на Западе опережающими темпами.

3.2 Виртуальность фондового рынка по отношению к реальному сектору

Под фондовым рынком понимается рынок негосударственных ценных бумаг, т.е. ценных бумаг самого реального сектора.

Взаимосвязь реального сектора и фондового рынка определяется следующими основными факторами.

Средние и крупные фирмы реального сектора обязаны планировать свою деятельность по крайней мере на год.

В условиях жесткой конкуренции в инновационной среде фирмы должны постоянно инвестировать в свои технологии. При этом очень часто внутреннего источника – прибыли – оказывается недостаточно.

Эмиссия своих ценных бумаг выступает для реального сектора весомым источником внешнего финансирования. Возможности этого финансирования существенно зависят от уровня котировки ценных бумаг на бирже.

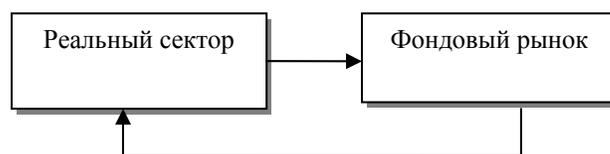
Оба обстоятельства вместе приводят к тому, что прогнозные параметры фондового рынка становятся важнейшими исходными данными в планах реального сектора. Внезапное изменение этих параметров ставит под угрозу и саму фирму, и связанных с ней рамках плана партнеров.

Ситуация усугубляется общей тенденцией втягивания в стихию фондового рынка других финансовых институтов. Так, в банковской системе уже давно идет процесс, получивший название *секьюритизация кредитов*. Суть его в превращении кредитов в ценные бумаги, которые затем обращаются на фондовом рынке.

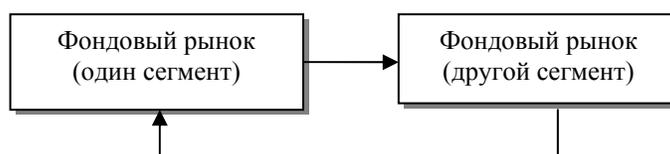
Банкам это выгодно, т.к. позволяет получать большую часть кредита до срока погашения. Пионером этого процесса выступили ипотечные кредиты.

Саморазвитие фондового рынка идет во многом за счет финансовых институтов типа «взаимных паевых фондов» (*mutual funds*), играющих на разнице между доходностью приобретаемых ими ценных бумаг реального сектора и собственными ценными бумагами, выпускаемыми для привлечения средств и быстро развивающихся рынков вторичных ценных бумаг – деривативов.

В результате уже и так непростая замкнутая схема:

осложняется замкнутыми связями внутри самого фондового рынка:

Каждая из таких замкнутых круговых схем может вызвать лавинообразный обвал финансовой системы и всей экономики.

Если к тому же учесть, что клиентами «взаимных фондов» (покупатели их ценных бумаг) могут быть пенсионные фонды и страховые компании, то вмешательство государства становится неотвратимым.

Таким образом, современный фондовый рынок превратили во всеобъемлющую, тотальную среду, внутри которой функционируют все финансовые институты и которая имеет тенденцию к постепенному усложнению своей структуры.

В контексте сложившихся реалий чрезвычайно важно для экономики и общества в целом, чтобы связь реальный сектор → фондовый рынок носила односторонний характер: положение фирмы в реальном секторе определяло бы ее положение на фондовом рынке, т.е. уровень технологического и организационного развития фирмы определял бы уровень котировки ее ценных бумаг.

К сожалению, в классическую модель фондового рынка изначально заложена возможность отрыва от состояния реального сектора.

В результате он может превратиться и периодически превращается в эффективный инструмент в руках высокоорганизованных групп для реализации различных целей, в том числе – быстрого передела собственности.

На эту возможность с самого начала указывали виднейшие экономисты в США и Европе. Об этом сегодня говорят уже и многие государственные деятели.

4. Глобализационные особенности вероятного сценария развития событий

4.1 Интегрированность национальных фондовых рынков в единую мировую систему

Конечно, руководители экономических и финансовых институтов развитых государств отдавали себе отчет о внутренне присущем фондовому рынку большому потенциале риска. В частности, в Японии и Германии постарались максимально снизить влияние такого психологически неустойчивого элемента, как население, осуществляющего портфельные инвестиции (покупка ценных бумаг с целью дохода, в отличие от прямых инвестиций, цель которых – установление контроля над фирмой).

Проблема, однако, в том, что современные национальные фондовые рынки уже давно стали частью общемировой системы, и этот процесс только усиливается.

Специалисты Финансовой академии при правительстве РФ проанализировали структуру своего фондового рынка для определения его уязвимости. С этой целью были использованы следующие показатели по состоянию на 2007г.:

- внешний долг банков и реального сектора без учета участия в их капитале зарубежных резидентов, по отношению к ВВП – 28%;
- отношение темпов роста акций к темпу роста ВВП – 3 раза;
- отношение темпов роста акций к темпу роста денежной массы – 1.8 раза;
- отношение темпов роста акций к инфляции – 6.9 раза;
- доля внутренней денежной массы, обусловленной внешними портфельными инвестициями – 77%;
- доля акций в портфеле инвестиций – 75.4%.

Анализ показывает довольно высокий уровень внешнего влияния на российский фондовый рынок и основные макроэкономические показатели.

Эксперты той же Финансовой академии рассчитали таблицу-матрицу, характеризующую тесноту связей фондовых рынков отдельных стран между собой и с мировым фондовым рынком. На пересечении строк и столбцов находятся коэффициенты корреляции, характеризующие тесноту связей между субъектами, обозначенными в строке и столбце. Минимальное значение коэффициента корреляции (0) означает отсутствие связи (точнее – линейной связи), а максимальное (± 1) говорит о детерминированной форме связей. При этом знак (-) говорит о противоположном направлении процессов.

	Мир	Россия	Китай
Мир	1	0.67	-0.49
США	0.98	0.49	-0.65
Япония	0.73	0.25	0.58
Англия	0.99	0.71	-0.43
Германия	0.99	0.67	-0.34
Франция	0.98	0.78	-0.45
Россия	0.67	1	0.07
Китай	0.49	0.07	1

Из анализа этой таблицы непосредственно следуют два наиболее впечатляющие факта.

Первый из них говорит о том, что фондовые рынки США, Англии, Германии, Японии практически неотличимы от мирового, представляют собой единое целое.

Второй факт связан с Китаем. Его фондовый рынок слабо связан с мировым, есть более или менее значимая связь с США. Но при этом процессы на фондовом рынке Китая идут в противоположном направлении. А именно: падение индексов в развитых странах вызывает их рост в Китае.

4.2 Массированная психологическая подготовка для осознания необходимости единого центра управления мировой финансовой системы

Последний глобальный финансовый кризис поставил руководителей развитых стран перед дилеммой: финансовая система или макроэкономические показатели. Выбор однозначно и правильно сделан в пользу финансовой системы.

Были произведены беспрецедентные вливания ликвидности в финансовую систему. Прежде всего это поставило под угрозу инфляцию.

Тем не менее, несмотря на весь комплекс мер, говорить о восстановлении эффективности финансовой системы пока еще рано. Более того, осознавая жесткую взаимосвязь финансового и реального секторов, часть экспертов говорит о возможной рецессии экономики США (от латинского *recessus* – отступление. В данном случае нулевой или отрицательный рост ВВП на протяжении более полугода).

На этом фоне СМИ развитых стран информируют о встречах и контактах высших эшелонов властей в самом разном формате.

Общая тональность выступлений довольно однозначно свидетельствует в пользу тезиса о необходимости изменения всей архитектуры мирового фондового рынка. Цивилизованный мир несет слишком большие потери из-за неэффективности существующей модели.

Направленность изменений также очевидна: новая модель должна быть более жестко регламентированной и контролируемой.

Отсюда полшага до аналогичных выводов относительно всей финансовой системы.

Если фондовый рынок США выступает главным виновником финансовых потрясений, то непрерывно растущий гигантский внешний долг США заставляет всю мировую финансовую и экономическую систему работать в неестественном режиме.

Цивилизованный мир действительно нуждается в единой, ***эффективно***

работающей финансовой системе.

Но центр этой системы не должен быть совмещен ни с одним национальным финансовым центром. Вот главный вывод, который явно и неявно присутствует во всех встречах и выступлениях глав государств.

Обоснованием создания единой финансовой системы служат призывы к предотвращению возможностей финансирования террористической деятельности. Примечательно, что к этим призывам практически незамедлительно присоединяется и Россия.

В этом контексте еще примечательнее одно из самых недавних выступлений В.Путина о необходимости совместной борьбы с коррупцией.

Логика здесь предельно ясная. Незаконные изъятия у общества крупных финансовых средств имеет смысл только тогда, когда есть возможность их переброски через банковскую сеть в другие места со сниженным порогом контроля – например, оффшорной зоны. Наличие единой, жестко контролируемой финансовой системы делает эту процедуру весьма проблемной.

Таким образом, речь идет не просто о реорганизации международной валютно-финансовой системы через ее организованное банкротство, как об этом говорят Л.Ларуш и другие экономисты.

Планка поднята существенно выше: интенсивно внедряется мысль о необходимости управляемой из единого центра жестко регламентированной финансовой системы.

По всей видимости, процесс пойдет в два этапа. На первом этапе сформируются три валютно-финансовые зоны, объединяющие страны, естественно тяготеющие друг к другу: американская зона, евро-российская, азиатская.

На втором этапе эти зоны объединятся в единую систему.

Выводы для Армении

На самом деле говорить надо о самом главном уроке и связанном с ним выводом.

Государственная система управления, построенная по простой линейной схеме «проблема – министерство», совершенно не приспособлена для адекватного реагирования, тем более с упреждением, на все усложняющиеся внешние воздействия.

За прошедшие годы мы так и не научились грамотно списывать у развитых стран.

Грамотно списывать означает списывать (более благозвучно – воспринимать) концептуально, а не буквально воспроизводить внешние признаки.

Последнее всегда было характерно для людей с атрибутивным (воспринимающим внешние признаки) мышлением. К сожалению, именно это мышление

совместно с его носителями продолжает доминировать.

Необходимо иметь ясную четкую концептуальную схему, объединяющую Совет национальной безопасности и правительство в единый, четко работающий механизм.

В основе этой схемы должна лежать разработка, реализация и защита процесса планирования развития (*development planning*).

Для этого необходимо перестроить систему национальной безопасности структурно по следующим направлениям: духовно-психологическая, экономическая, правовая, военно-стратегическая безопасность.

Критически важна перестройка всего менталитета управления в русле безопасности вообще и экономической в частности.

В противном случае мы не стали бы облегченно вздыхать из-за реального отсутствия фондового рынка в Армении и снижения воздействия на нас текущего финансового кризиса.

В данном случае провинциализм местных олигархов сыграл положительную роль.

При наличии мышления, основанного на принципах безопасности, и цели создания в Армении фондового рынка упор в первую очередь был бы сделан на разработку модели, максимально снижающей внешние и внутренние риски.

Перестройка системы управления важна и потому, что экономика Армении в настоящее время базируется в основном на трех составляющих: рудные ископаемые (медь, молибден), жилищное строительство, ориентированное на внешний спрос, трансферты.

Каждый из этих компонентов имеет свои существенные негативные стороны. Первый связан с экологией, второй – с демографической «экологией»: высокие цены на жилье делают его недоступным для местного населения, но дают ему возможность продажи недвижимости и отъезда за рубеж. В результате возникает опасность изменения демографической структуры населения.

Все три компонента довольно уязвимы из-за общего кризиса ликвидности, первые два – в связи с возможным резким сокращением платежеспособного спроса, а третий – в связи с повышением спроса на ликвидность.

Для Армении критически важна перестройка экономики в направлении инновационной экономики, одновременно уже сейчас имея в виду построение в будущем общества знания.

Последние шаги руководства республики в указанном направлении вселяют определенный оптимизм в этом смысле.

Октябрь, 2008г.

LESSONS OF FINANCIAL CRISIS IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SECURITY

Igor Bagiryan

Resume

The work is devoted to globalization risks resulted by principle capability of up-to-date model of a stock market to break away from the condition of real sector and in that way become a financial crisis provoking instrument, something which has happened.

In the article is spoken about notions western and Russian experts have about economic and financial security.

At the end of the work is spoken about the necessity for Armenia to reconstruct the state executive system in the following directions of security: spiritual-psychological, economic, legal, military-strategic.

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сергей Гриняев, Александр Фомин

В космологии и астрофизике существует понятие «темной или скрытой материи». Под это словосочетание попадает совокупность астрономических объектов, недоступных прямым наблюдениям современными средствами астрономии, но наблюдаемым косвенно по гравитационным эффектам, оказываемым на наблюдаемые объекты.

Считается, что примерно 30% массы Вселенной состоит из темной материи. О существовании такого вида вещества астрономы подозревали еще в середине прошлого века, когда начали изучать вращение нашей и других галактик. Природа невидимой материи до сих пор остается загадкой. Ясно одно: она состоит из частиц, которые чрезвычайно слабо взаимодействуют с обычным веществом.

Ситуация в современной мировой экономике аналогична астрофизическим проблемам: здесь тоже существуют «темные» объекты, искривляющие экономическое пространство и оказывающие существенное влияние на ход и исход мировых процессов.

В настоящей статье мы рассмотрим несколько таких «темных» объектов, которые в последнее время приобрели большую значимость или приобретут ее в ближайшее время.

После этого, на основе результатов проведенного анализа, попытаемся ответить на вопрос: какие фундаментальные силы и интересы стоят за этими «темными» объектами мировой экономики.

1. Хедж - фонды

Наиболее известными темными объектами экономики являются так называемые хедж-фонды. Слово «известными» относится к форме, а не содержанию, структуре, стратегии этих фондов.

Хотя о хедж-фондах много говорят и пишут уже на протяжении нескольких десятилетий, большинство неспециалистов в финансах имеют весьма расплывчатое представление об их деятельности. Как правило, под хедж-фондами понимают частные инвестиционные фонды, которые взимают комиссию за свои услуги и обычно открыты для ограниченного числа квалифицированных инвесторов [1].

Название «хедж-фонд» происходит от механизма хеджирования, то есть

страхования [2]. Пытаясь ограничить потенциальные потери на своих основных рынках, фонды часто пользуются методом коротких позиций, продавая ценные бумаги, которыми сами не владеют.

По определению экспертов МВФ, хедж-фонды представляют собой эклектические инвестиционные пулы, организованные обычно в форме частных партнерств и зарегистрированные зачастую в оффшорных зонах («налоговых гаванях») по соображениям, связанным с режимом налогообложения и государственного регулирования [3]. Согласно Википедии, хедж-фонд – частный, не ограниченный нормативным регулированием инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц и управляемый профессиональным инвестиционным управляющим [2].

В специальной литературе ситуация преподносится обычно таким образом, что хедж-фонд – это обычное частное инвестиционное партнерство, инвестирующее преимущественно в публично торгуемые бумаги или производные финансовые инструменты [4]. Важным отличием хедж-фондов от других институциональных инвесторов (банки, пенсионные фонды, страховые компании и другие финансовые учреждения, располагающие крупными активами) является практически полное отсутствие регулирования [5].

Считается, что первый хедж-фонд был создан в США в 1949г. Это не следует рассматривать, как случайное событие. Необходимо обратить внимание, что функционирование хедж-фондов началось через 5 лет после Бреттонвудского соглашения 1944г. и практически сразу после объявления плана Маршала по предоставлению финансовой помощи послевоенной Европе.

Справка: Бреттонвудское соглашение фактически узаконило применение доллара США в качестве единственной мировой валюты. Оно завершило многолетний процесс постепенной монополизации американской валюты за счет вытеснения сначала рубля, затем немецкой марки и французского франка и, наконец, английского фунта стерлингов. С 1944г. только доллар США имел право обмениваться на золото, а национальные валюты других стран должны были подлаживаться под него.

Отрицательный эффект этой монополизации проявился довольно скоро: в США началось масштабное печатанье не обеспеченных товарами и услугами долларов. Необходимы были срочные меры по предотвращению инфляции. И они скоро были выработаны, благо внешнеполитическая ситуация тому способствовала.

В 1945г. закончилась Вторая мировая война. Европа лежала в руинах. И США в соответствии со своей постоянной потребностью – самоотверженно спасти весь остальной мир – решили ей «помочь». По знаменитому плану

Маршалла Америка выделила Европе \$12 млрд. Причем по большей части это был даже не долг: \$9 млрд из 12 были просто подарком. Параллельно \$2 млрд было «подарено» Японии. К 1966г. денежный вал из Америки в Европу достиг пиковой величины – \$54,6 млрд.

В чем же был смысл этой неслыханной щедрости? А в том, что в Европу и Японию американцы сбрасывали свою инфляцию.

Механизм перекалывания своих проблем на чужую голову работал следующим образом. Америка печатает необеспеченные деньги, чтобы расплатиться с бюджетниками, профинансировать свои траты, купить нефть за рубежом... Понятно, что это должно привести к высокой инфляции.

План госсекретаря США Маршалла заключался в том, чтобы успеть с помощью налогов собрать необеспеченные деньги и прежде, чем они раскрутят инфляцию, «одолжить» эту бумагу европейцам под видом настоящих денег. Таким образом, можно тратить больше, чем зарабатываешь, и жить за счет других. США рассчитывали, что «евродоллары» никогда обратно не вернуться и отдавать Европе за них золото не придется. Но из-за того, что США экспортировали европейцам все-таки не деньги, а бумагу, в 1950-х годах в Европе приключилась такая инфляция, что историки ее даже назвали Великой.

Первое время, пока финансовая система США оставалась устойчивой, а доллар – относительно стабильным, на рынке ценных бумаг наблюдался рост, хедж-фонды оставались в тени и не привлекали особого внимания инвесторов. Однако в условиях ухудшения макроэкономической обстановки, роста напряженности на валютном рынке, повышения неустойчивости на рынке акций специалисты вернулись к идее использования хедж-фондов, гарантирующих не только увеличение прибыли, но и способствующих уменьшению инвестиционного риска.

В настоящее время можно выделить следующие важнейшие аспекты работы хедж-фондов [6]:

- хедж-фонды представляют спекулятивные инвестиции и характеризуются высоким уровнем риска; инвестор может потерять значительную часть своих средств;
- документация хедж-фондов (проспекты, инвестиционные стратегии и пр.) не рассматривается и не подлежит одобрению органов власти – ни государственных, ни местных, ни республиканских;
- у хедж-фонда может быть короткая история существования и деятельности (или ее может не быть вообще), и он может использовать данные о

гипотетической или формальной деятельности, которая может не соответствовать реальным операциям управляющих и советников; следовательно, к ней необходимо подходить с осторожностью; инвесторы не должны полагаться на рекламные проспекты хедж-фондов;

- управляющие или советники хедж-фондов обладают полной властью над операциями;
- хедж-фонд может не обеспечивать прозрачности в отношении своих инвестиций (включая суб-фонды в структуре фондов) перед инвесторами, что не позволяет инвесторам проводить мониторинг специфических инвестиций хеджевых фондов или распознать, являются ли инвестиции суб-фонда частью стратегии хедж-фонда или нет, и каков уровень их риска;
- к хедж-фондам не предъявляются требования регулярно предоставлять инвесторам информацию о периодически проводимых переоценках или перерасчетах цен; иначе говоря, фонды не обязаны разглашать информацию о своем финансовом состоянии; кроме того, конкретные методы торговли на рынках и стратегии инвестирования являются ноу-хау фондов, поэтому эта информация также остается закрытой.

После того, как ознакомишься с этими особенностями хедж-фондов, невольно возникает ощущение, что все это – знакомо, уже где-то было, где-то мы об этом слышали или читали. И после недолгих воспоминаний в сознании проявляются светлые образы технического директора и уполномоченного по копытам.

Действительно, это же незабвенные «Рога и копыта», только в мировом масштабе, а не в отдельно взятом г.Черноморске. О.Бендеру очень понравилась бы, что хедж-фонд может использовать данные о гипотетической или формальной деятельности. Что тут скажешь? Только то, что опять американцы в традиционной для них манере присвоили чужое изобретение.

По некоторым данным [1, 7], в США насчитывается более 9 тыс. хедж-фондов (*Рис. 1*), совокупные активы которых составляют \$1,8 трлн (примерно в 1,5 раза больше российского ВВП в 2007г.). Эксперты отмечают, что на протяжении последних нескольких лет объем активов этих фондов ежегодно увеличивается в среднем на \$130-200 млрд (*Рис. 2*). В настоящее время по совокупным активам хедж-фонды уступают взаимным инвестиционным фондам (около \$10 трлн), а также банкам и страховым компаниям. Однако по темпам развития хедж-фонды являются *наиболее быстро растущим* сегментом финансового сектора США.

Рис. 1

Для минимизации налогов американцы часто создают оффшорные хедж-фонды в зонах безналоговых юрисдикций. Наиболее известные оффшорные юрисдикции, специализирующие на регистрации и обслуживании инвестиционных фондов – Каймановы острова, Британские Виргинские острова и Нидерландские Антиллы.

Рис. 2

Необходимо отметить очень важную деталь: американские хедж-фонды не попадают под действие Закона об инвестиционных компаниях США 1940г., требующего соблюдения регулирующего режима, и Закона о ценных бумагах 1933г., обязывающего инвестиционные фонды регистрироваться в Комиссии по

ценным бумагам и биржам США (*SEC*). Таким образом, с точки зрения соблюдения регулирующего режима и других правил, касающихся операций с ценными бумагами, хедж-фонды находятся в более свободном поле по сравнению с другими участниками рынка.

В большинстве стран также отсутствуют прямые юридические определения того, что такое хедж-фонд. Поэтому, будучи частными компаниями, они избегают прямого регулирования со стороны финансовых органов. Вне непосредственного госконтроля хедж-фонды ограничены ответственностью по собственным контрактам с инвесторами, поэтому могут выбирать более сложные (часто более рискованные) инвестиционные стратегии, например продажи без покрытия, инвестиции в рынки фьючерсов, свопов и прочих деривативов.

В последние годы активность хедж-фондов на рынках публичных ценных бумаг значительно выросла. На американском рынке около 30% всех облигаций торгуется через хедж-фонды. Они же участвуют в 30% транзакций на фондовых рынках в США и Европе. Через них проходит около 50% сделок по деривативам с инвестиционным рейтингом и выше, а также более 55% объема торгов облигациями развивающихся рынков. Хедж-фонды доминируют на некоторых нишевых рынках, например в торговле деривативами с высокой доходностью. В богатом финансовыми кризисами 2007г. активность хедж-фондов резко повысилась на рынках сырьевых товаров, прежде всего нефти, металлов и зерна [1].

В этой связи необходимо сделать одно небольшое отступление. В последнее время в связи с развитием ипотечного кризиса в США и его распространением на другие сферы финансовой деятельности во многих странах предпринимаются активные действия по установлению причин этого кризиса. Первые виновники уже названы – рейтинговые агентства, якобы просмотревшие риски. Второй причиной некоторыми аналитиками все чаще называются элементы срочного рынка: фьючерсы, опционы и т.д.

По нашему мнению, американский ипотечный кризис был давно предопределен, можно сказать – он был запрограммирован. В 2000г. аналитики *S&P* на основании данных от ипотечных кредиторов сделали странный вывод, что дефолт по комбинированному кредиту – когда заемщик в дополнение к ипотечному кредиту берет второй, пуская его на первоначальный взнос, – не более вероятен, чем по обычному ипотечному кредиту. Принятое решение позднее способствовало росту рынка высокорискованных ипотечных кредитов до \$1,1–1,3 трлн.

Здесь мы не можем удержаться от комментария: интересно было бы посмотреть на тех умников, которые сделали такой вывод, и тех, кто ему поверил. Следуя этой логике, можно затем последовательно брать 3-й, 4-й, 5-й и т.д. кредиты в обеспечение первоначального взноса. И всего за \$10-100 тысяч скупить всю экономику США, причем без повышения риска дефолта.

Лишь в 2006г. *S&P* изменил мнение, но было уже поздно.

По нашему мнению, дело здесь не в срочном рынке (то есть, не в инструментах финансовой политики, которые, как и любые инструменты, могут оказаться полезными или вредными в зависимости от цели), а в закрытости тех организаций типа хедж-фондов, которые этот инструмент применяют.

На самом деле хедж-фонды являются «тайной, покрытой мраком», финансовыми «черными дырами»; они не подлежат регулированию со стороны государственных органов. Теоретическим обоснованием подобного невмешательства в дела хеджевых фондов является то, что их клиентскую базу составляют инвесторы, чей личный капитал превосходит \$1 млн и чьи доходы превышают \$200 тыс. в год. Предполагается, что такие люди должны иметь достаточно финансовой смекалки, чтобы самостоятельно контролировать свои вложения. Стандартной комиссией считается 2% при возврате на вложенный капитал 20%.

Странно, не правда ли? Для финансовых организаций с общим объемом активов, сопоставимым с капитализацией некоторых национальных фондовых рынков, в США не нашлось подходящего закона? Другими словами, хедж-фонды, которые способны если не обвалить, то, по крайней мере, существенно деформировать фондовый рынок любой развивающейся страны – Индии, Китая, России, Бразилии – и обеспечить перераспределение значительных капиталов в нужных для их организаторов направлениях, никем не регулируются и никому не предоставляют никакой информации о своей деятельности. И это происходит в стране, руководители которой выступают за рыночные отношения, со всех высоких трибун говорят о необходимости обеспечения прозрачности, реализации мониторинга и международного контроля. Понятно, что существующие прорехи в законодательстве – это не случайность или упущение нерадивых чиновников и т.д., а специально созданные лазейки, предназначенные для управления финансовыми рынками *незаконными* средствами. И грош (или цент) цена идеальной прозрачности в остальных его сегментах, если имеется абсолютно непрозрачная и весьма значительная часть – она всегда и будет определяющей в кризисных ситуациях.

Поэтому неудивительно, что хедж-фонды, особенно оффшорные, в последние годы стали объектом пристального внимания правительств ряда стран и международных институтов, которые объявили войну отмыванию «грязных денег».

Разумеется, не все оффшорные хедж-фонды используются для проведения финансовых махинаций, однако, как отмечают эксперты, нечто из того, что происходит в оффшорном мире, дает основания для беспокойства.

В качестве примера сомнительных операций с капиталом через оффшорные территории нередко приводится тихоокеанский остров Науру. Этот остров,

площадь которого составляет всего 21 км², по территории превосходит только Ватикан и Монако. На нем проживают 12,3 тысяч жителей. Зато действующие на острове законы о банковской тайне позволили в 1998г. (последнем, для которого имеются данные) «перекачать» через оффшорные банки, зарегистрированные в этой стране, более \$70 млрд капитала, сомнительным образом вывезенного из России [8].

Таким образом, хедж-фонды – это инструменты скорее не квалифицированного инвестирования, а перевода и концентрации больших капиталов в нужных для США направлениях.

Рост влияния фондов все чаще вызывает дискуссии о необходимости ввести законодательные ограничения их деятельности.

Сами организаторы хедж-фондов понимают, что полагаться только на эффективность менеджмента неправильно. В конце января 2008г. группа из ведущих лондонских хедж-фондов (известная как *HFWG*) объявила о создании списка добровольных правил для менеджеров хедж-фондов. В группу входят 14 крупнейших хедж-фондов Британии, включая *Man Group*, *GLG Partners*, *Lansdowne Partners*, *Marshall Wace* и *Breva Howard*. Фактически это первая попытка ввести саморегулирование для этой отрасли финансов, которая традиционно считалась свободной от какого бы то ни было надзора.

Как заявил Эндрю Лардж, бывший замглавы Банка Англии, возглавивший «группу *HFWG*», британский кодекс будет зависеть от требований к хедж-фондам со стороны инвесторов – по принципу «подчиниться требованиям или объяснить отказ». Новые стандарты в отрасли окажутся под надзором Совета по стандартам (*HFSB*). Менеджеры тех фондов, которые войдут в совет, будут либо подчиняться правилам, либо объяснять свой отказ.

Кроме того, от базирующихся в Британии хедж-фондов потребуется большее раскрытие операций и сути инвестстратегий, принятых на себя рисков и методов оценки сложных активов.

Важное нововведение – правила не будут разрешать распространенную до сих пор практику использования полученных в заем акций для голосования на собраниях акционеров. Такая практика во время ряда сделок по слияниям и поглощениям в Британии и в США подверглась серьезной критике, поскольку позволила хедж-фондам оказывать влияние на происходящее в компаниях без собственных инвестиций.

Внимательнее вчитайтесь в предыдущий абзац. О какой рыночной экономике может вообще идти речь при подобном порядке совершения миллиардных сделок? Уже только этот один факт подтверждает то, что мировая экономика серьезно, – может быть, уже неизлечимо – больна.

Ассоциация британских страховщиков (многие ее члены являются инвесторами в хедж-фонды) выступила с оптимистичным заявлением, что новые правила – это «хорошее начало», но отрасли требуется большая прозрачность для мониторинга действия правил.

Но новая система не предполагает жесткого исполнения стандартов – за решение не использовать их к хедж-фондам никаких санкций применяться не будет. Таким образом, новые правила оказываются практически бесполезными. «Хотя поначалу система может функционировать нормально, достаточно будет одного случая, чтобы она перестала работать. Если тот или иной фонд заявляет о своей приверженности правилам, а потом оказывается, что это не было правдой, то вся репутация системы стандартов оказывается под угрозой», – прокомментировал новый кодекс саморегулирования хедж-фондов Том Браун, консультант по этой отрасли из *KPMG*.

Эксперты считают, что во многом это решение фондов было вызвано участвовавшими призывами со стороны политиков взять деятельность хедж-фондов под госконтроль. Например, об этом говорил немецкий министр финансов Пьер Штайнбрюк во время прошлогоднего саммита *G8*. Германия, а вслед за ней и Франция обрушились на хедж-фонды с волной критики, называя их «ковбоями от финансов», деятельность которых никак не регулируется и ведет к непредсказуемым последствиям. Осенью 2007г. министерство финансов США образовало специальную группу из ведущих инвесторов и менеджеров хедж-фондов, чтобы создать кодекс для отрасли на территории США.

2. Государственные инвестиционные (суверенные) фонды

Другим объектом «темной стороны» мировой экономики по силе влияния могут быть с уверенностью названы государственные инвестиционные фонды.

Во всем мире активы государственных инвестиционных (суверенных) фондов примерно вдвое превышают совокупные активы хедж-фондов. К 2012г. могут увеличиться с \$3,2 трлн до \$5 трлн, считают аналитики *Deutsche Bank*, опубликовавшие 11.09.2007г. обзор деятельности этих структур [9]. Суверенные фонды становятся крупнейшими игроками мировых финансовых рынков.

Во многих регионах мира, включая Россию, США, Китай, ЕС, или обсуждаются, или уже принимаются законопроекты, в разных формах ограничивающие возможности корпораций, контролируемых иностранными правительствами, инвестировать в стратегические отрасли экономики. Суверенные фонды стали вторым после хедж-фондов объектом критики со стороны политиков.

По некоторым оценкам, в настоящее время активы суверенных фондов составляют около 7% капитализации мирового фондового рынка и около 5% активов мировой банковской системы [9, 10].

Табл. 1¹

Страна	Фонд	Капитал, \$млрд	Год осно- вания	Источник доходов
ОАЭ	Инвестиционное агентство Абу-Даби	875	1976	Нефть
Сингапур	Правительственная инвестиционная корпорация Сингапура	330	1981	Не сырьевой
Норвегия	Правительственный пенсионный фонд Норвегии	350	1990	Нефть
Саудовская Аравия	Несколько фондов	300	Н.д.	Нефть
Кувейт	Инвестиционное агентство Кувейта	250	1953	Нефть
Китай	Инвестиционная компания Центрального Худжина	100 ^{*)}	2003	Не сырьевой
Китай	Инвестиционная компания Китая	200	2007	Не сырьевой
Гонконг	Инвестиционный портфель монетарного агентства Гонконга	140 ^{*)}	1998	Не сырьевой
Россия	Стабилизационный фонд	158	2003	Нефть
Сингапур	<i>Temasek Holdings</i>	159	1974	Не сырьевой
Австралия	Правительственный фонд будущего	61	2004	Не сырьевой
Ливия	Резервный фонд	50 ^{*)}	Н.д.	Нефть
Катар	Инвестиционное агентство Катара	40 ^{*)}	2000	Нефть
США	Постоянный резервный фонд Аляски	40 ^{*)}	1976	Нефть
Канада	<i>CPP Investment Board</i>	119		
Бруней	Инвестиционное агентство Брунея	85 ^{*)}	1983	Нефть
Ирландия	Национальный фонд пенсионных резервов	29 ^{*)}	2001	Не сырьевой
Алжир	Резервный фонд	25 ^{*)}	Н.д.	Нефть
Южная Корея	Инвестиционная корпорация Кореи	20 ^{*)}	2006	Не сырьевой
Малайзия	<i>Khazanah</i>	18 ^{*)}	1993	Не сырьевой
Казахстан	Национальный фонд Казахстана	18 ^{*)}	2000	Нефть, газ, металлы

¹Помеченные *) данные приводятся по [10].

Суверенные фонды по их влиянию на мировую экономику – существенно неоднородны. Среди них присутствуют фонды Норвегии, Ирландии, Южной Кореи, стратегические цели которых прозрачны и реализуемы, поскольку они находятся в русле финансовой политики США.

Вторая группа – суверенные фонды, которые ориентированы на национальные цели соответствующих государств, но которые представляют или могут представить в будущем конкуренцию финансовым интересам США. У таких фондов, как правило, рано или поздно возникают проблемы и сложности с реализацией целей. Пример – крупнейший в мире суверенный фонд *Abu Dhabi Investment Authority* из Объединенных Арабских Эмиратов. Он уже столкнулся с противодействием со стороны западных регуляторов. Контролируемым им фирмам не позволили ни купить 6 американских портов, ни блок-пакет скандинавской биржи.

Наконец, существуют суверенные фонды в таких странах, как Россия. Эти фонды не только не служат национальным интересам, но искажают и деформируют экономики своих стран. Так же, как их физические аналоги – астрономические «черные дыры», искривляющие пространство-время и безвозвратно втягивающие в себя вещество и энергию.

Действительно, согласно требованиям МВФ, которым почему-то следует Россия, вся валютная выручка российских сырьевых компаний должна продаваться на валютной бирже. Основным игроком здесь выступает Центральный Банк (ЦБ). Это – первая странность (подобных странностей будет еще много по ходу дальнейшего изложения) – допускать к торгам организацию, которая имеет исключительное право печатать деньги, и при этом представлять дело таким образом, что курсы валют справедливо устанавливаются рынком.

Естественно, что ЦБ решает этот вопрос в свойственной ему манере – просто печатает и запускает в обращение дополнительные рубли, часть из которых через некоторое время возвращается Минфину в виде налогов. Но оставшаяся часть свеженапечатанных рублей продолжает свое обращение.

Естественно, что возвращенные рубли целесообразно вывести из обращения, иначе они приведут к дополнительной инфляции. Поэтому они поступают на специальный счет Минфина и оседают в стабилизационном фонде, получая адекватное отражение в золотовалютных резервах ЦБ. Иначе говоря, эти средства формально являются пассивами ЦБ и «растворены» в составе золотовалютных резервов (ЗВР). Динамика величины активов стабилизационного фонда представлена на Рис. 3 и в Табл. 2.

Рис. 3

Источник: Минфин

Табл. 2

Наименование параметра	2008г.	2009г.	2010г.
Резервный фонд, млрд руб.	3848	4324	4997
Фонд национального благосостояния, млрд руб.	851	1066	1027
Суммарные активы в фондах, млрд руб.	4699	5390	6014
ВВП, млрд руб.			
Прогнозируемая среднегодовая цена нефти, \$/баррель	74	66	62

Источник: МЭРТ

С 2008г. стабилизационный фонд разделен на 2 фонда: резервный и фонд национального благосостояния.

На момент написания данной статьи в этих 2-х приемниках стабилизационного фонда сосредоточено \$125,4 млрд и \$32 млрд соответственно.

Все бы ничего. Но только, как известно, российские ЗВР размещены в якобы надежных низкопроцентных ценных бумагах США, проценты по которым значительно ниже реального темпа инфляции доллара США. Поэтому при любом раскладе внешнеполитической ситуации эти деньги в Россию уже не вернуться.

Стабилизационный фонд обречен оставаться без движения: если его использовать на внутренние цели, то инфляция в российской экономике значительно увеличится. Поэтому у нас и происходят такие чудеса – при якобы больших объемах суверенного фонда появляются проблемы с ликвидностью, а российские формы и организации берут долги не в собственной стране, а за рубежом.

Средства российского стабилизационного фонда (точнее – их валютное отражение в ЗРВ) до сих пор расходовались только на погашение внешних задолженностей или формально перемещались в другие фонды (Табл. 3)

Табл. 3

Время транша	Направление использования средств фонда	Объем транша, млрд руб.
Январь 2005г.	Погашение долга МВФ	93,5
Июнь 2005г.	Досрочное погашение части долга странам-членам Парижского клуба	430,1
Декабрь 2005г.	Покрытие дефицита Пенсионного фонда РФ	30
	Досрочное погашение задолженности перед Внешэкономбанком по кредитам Минфину в 1998-1999гг.	123,8
Август 2006г.	Досрочное погашение части долга странам-членам Парижского клуба	616,8
Ноябрь 2007г.	Имущественный взнос в капитал Банка развития	300

Источник: Минфин

Но в конце 2007г. российские финансовые интеллектуалы придумали новое направление инвестирования. «Интерфакс» со ссылкой на «источник в одном из профильных ведомств» сообщил, что «ЦБ РФ некоторое время назад разместил около \$40 млрд в ипотечных агентствах *Freddie Mac* и *Fannie Mae*». В 2008г. предполагается инвестировать в облигации 15 американских и европейских институтов развития, в том числе в указанные выше ипотечные агентства, еще 15% средств резервного фонда и фонда национального благосостояния, или более \$20 млрд [12].

То есть, в то время, когда западные банки объявляют себе банкротами и признают ошибочность своей стратегии вложения средств в американскую ипотеку, Россия готова пожертвовать десятками миллиардов долларов для стабилизации ситуации. Заметьте, \$60 млрд – это более трети финансовых средств (\$160 млрд), которые выделяет правительство США на ликвидацию негативных последствий ипотечного кризиса и в помощь рядовым американцам. Получается, что Россия должна в этом тоже поучаствовать, забыв про многочисленные и гораздо более серьезные проблемы своих граждан.

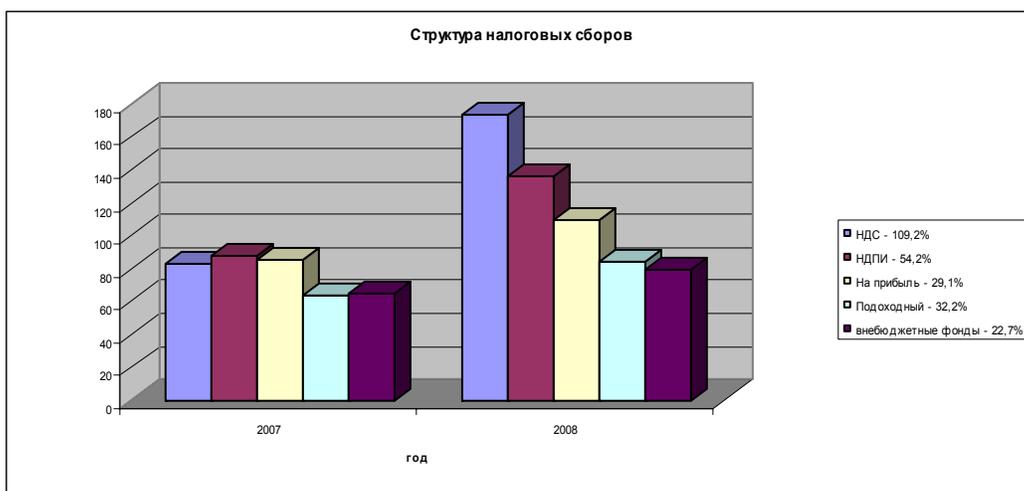
В связи с этим, еще одна странность – постоянный, от года к году, профицит федерального бюджета при непрерывно возрастающей налоговой нагрузке (Рис. 4), которая возрастает не только в номинальном, но в реальном выражении

(т.е. с поправкой на инфляцию). Ей может быть только одно объяснение – в правительстве четко осознают, что средства российского суверенного фонда (суверенных фондов) никогда в экономику не вернутся.

И что особенно раздражает, так это примитивные аргументы финансовых чиновников, пытающихся скрыть истинное положение дел.

Но не все напечатанные ЦБ рубли удастся вернуть в виде налогов – часть из них продолжает циркулировать в экономике, разогревая инфляцию.

Рис. 4

Именно наличие рублей, не обеспеченных товарами и услугами, является основным источником высокой инфляции. А не злонамеренные китайцы, которые всеми своими 1,5 миллиардами вдруг начали пить молоко. И не российские перекупщики сельскохозяйственной продукции – можно подумать, что их не было в прошлые годы (именно об этом, как об основной причине мирового финансового кризиса, писал ряд СМИ).

Для выявления «масштаба бедствия» оценим мощность этой «черной дыры» российской экономики.

В 2007г. в российские ЗВР было перечислено около \$160-170 млрд, то есть около 12-13% валового внутреннего продукта. Другими словами, каждый гражданин РФ – люди активного возраста, дети, старики, инвалиды – фактически заплатил дань США в размере восьмой части общего дохода. Именно дань, а не налог, потому что налоги возвращаются в виде социально значимых инвестиций. А здесь – навсегда выведены из экономики активы.

При татаро-монгольском иге жители Руси платили примерно десятую часть

всех доходов. И это привело к глубокой и длительной деградации хозяйства.

Сейчас платим больше. Поэтому не стоит удивляться тому плачевному состоянию, в котором реально оказалась российская экономика к началу 2008г. Не преувеличивая, можно сказать, что основные беды современной России на 90% обусловлены ежегодным выводом из ее экономики сотен миллиардов долларов.

На начало 2008г. у России и Тайваня валютные резервы составляют примерно по \$0,5 трлн, у Китая – около \$1,5 трлн, у Японии – около \$1 трлн. Все эти деньги переведены в долгосрочные облигации США. При этом утверждается, что эти облигации – надежные, хотя и низкопроцентные.

По поводу низкого процента вопросов нет – процент действительно низкий. Такой, что даже не перекрывает реальную инфляцию в США (по дефлятору ВВП).

А вот по надежности таких облигаций вопросы есть, и очень большие. Дело в том, что уровни надежности устанавливаются рейтинговыми агентствами. В последнее время эти организации находятся под управлением финансовых властей. Поэтому с надежностью здесь все очень проблематично – ипотечный кризис 2007г. в США это наглядно прояснил. Кроме этого, нет абсолютно никаких гарантий, что в случае обострения отношений между США и страной, формирующих свои резервы в долларах, на эти резервы не будет наложен арест, и все они будут просто безвозмездно реквизированы. При наличии у США военной мощи, способной в одиночку противостоять всему остальному миру, на перспективах возврата этих средств можно смело поставить жирный крест.

Значит, в лучшем случае такие ЗВР обесценятся более высокой инфляцией, а в худшем – они будут просто изъяты. Во всех вариантах триллионы долларов будут выведены из обращения, то есть стерилизованы.

Как известно из физики, в окрестности черной дыры время замедляется. Похоже, в экономике существует аналогичный эффект – за счет снижения уровня инвестиций темпы развития страны снижаются, консервируя на длительное время все негативные тенденции, например, коррупцию, сырьевую направленность экономики, технологическое отставание.

3. Госкорпорации

Несмотря на большие объемы используемых активов и высокую эффективность для их создателей, суверенные и хедж-фонды в некотором смысле – уже отыгранные карты в большой теневой финансовой игре. Они уже засвечены, попали или скоро попадут под контроль; скоро от них придется отказаться. Поэтому актуально создание новых теневых образований, по крайней мере, если не по содержанию, то по форме. А если актуально, то рано или поздно они будут созданы.

Но уже сейчас можно предугадать основные черты подобных теневых новообразований. Действительно, по мере истощения разведанных запасов легкодоступного сырья, обострения в мире экологических и водных проблем, ростом народонаселения объективно усиливаются планирующие и регулирующие роли государства и международных организаций, повышаются целесообразность жесткого централизованного планирования и управления ограниченными ресурсами. В связи с этим, новые формы «темной материи» мировой экономики будут обречены интегрироваться с государственными структурами. Причем, представляется логичным, что в первую очередь такие новообразования должны возникнуть в развивающихся странах, в которых все основные социально-экономические проблемы наиболее обострены.

Похоже, что в настоящее время мы как раз наблюдаем начальную фазу формирования этих новых теневых форм. В России они получили гордое название – «госкорпорации». Подразумевается, что госкорпорации будут представлять собой некоторое подобие министерств, но со значительно более свободными схемами использования финансовых ресурсов, неподконтрольными обычным финансовым органам.

Первоначально в понятие «госкорпорации» вкладывался совсем другой смысл. Предполагалось, что они должны предназначаться для защиты отечественного бизнеса на внешних рынках.

Действительно, в силу ряда объективных причин, производство большинства видов продукции в России сопряжено с большими затратами труда и энергии, чем во многих странах Европы и Азии. Поэтому на мировом рынке российская продукция будет менее конкурентоспособна, особенно если ее российские продавцы будут еще и конкурировать между собой.

Госкорпорации первоначально замыслились, как структуры, исключаящие внешнюю конкуренцию между российскими производителями и способствующие продвижению российского бизнеса, как своеобразные шлюзы между находящимися в различных условиях областями экономики – российской – с одной стороны, и европейской или азиатской – с другой. То есть предполагалось что-то вроде улучшенного варианта современных Газпрома или Рособоронэкспорта.

Но при необходимом условии создания сильной конкурентной среды между производителями продукции на внутреннем российском рынке. Для этого предлагалось создать специальную биржу по торговле за рубли стратегически сырьем и товарами (товарная секция), валютой (валютная секция) и производными финансовыми инструментами (срочный рынок). На ней могли бы рас-

торговываться экспортируемые товары и продаваться импортируемое сырье и товары. Госкорпорациям при этом отводилась роль формирования заявок на приобретаемые услуги и продвижения российской продукции на внешних рынках. Иначе говоря, госкорпорациям отводилась важная роль совмещения преимуществ плановых и рыночных экономических механизмов.

В ближайшее время в России будет окончательно оформлено несколько десятков госкорпораций (Рис. 5).

Но так уж устроена наша страна, что в ней многие полезные задумки имеют особенность превращаться в свои противоположности. Не избежали этой участи и госкорпорации. Сейчас они постепенно трансформируются в своеобразные внутренние оффшоры, вотчины, контролируемы людьми, близкими к верховной власти. Цели и задачи многих из них – во многом декларативны, или вообще – фиктивны. Недаром уже широко распространена поговорка: «Если не знаешь, что делать – создай госкорпорацию». Поэтому не случайно, что большинство российских госкорпораций образовано перед парламентскими и президентскими выборами. Скорее всего, прикрываясь высокими социально значимыми целями, в госкорпорации из-под общественного контроля будут выведены большие финансовые средства.

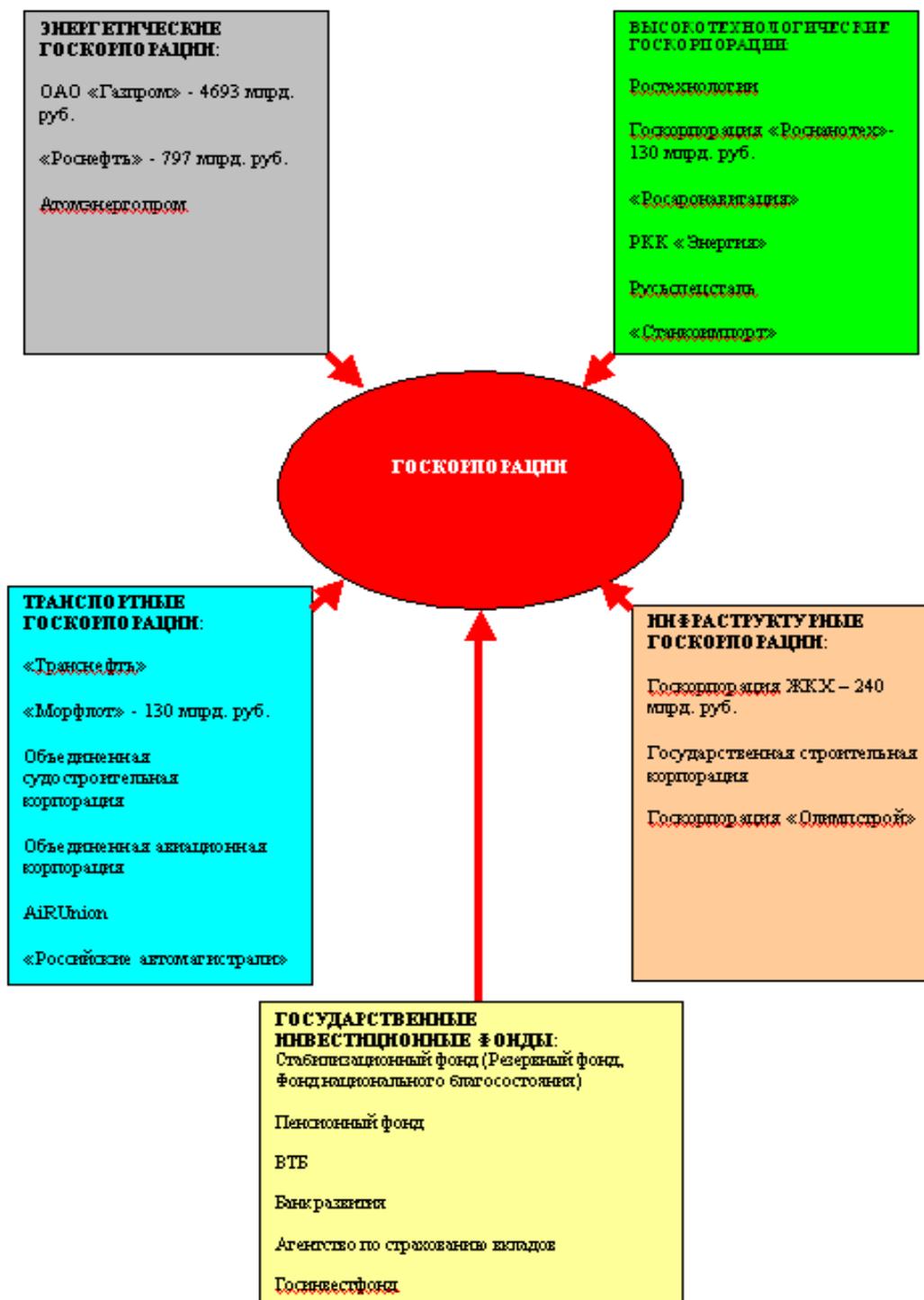
То есть, образуется «крышуемая», покрываемая государством новая форма теневой экономики, новая «темная материя» – аналог и худшее подобие хедж-фондов.

Казалось бы, прежде чем создавать подобные структуры, целесообразно законодательно закрепить их права и обязанности, условия взаимодействия с уже созданными структурами-аналогами, с элементами финансовой системы и органами власти. Иначе говоря, необходимо было принять соответствующие федеральные законы. Но ничего подобного не произошло. Государственная Дума каждую сессию продолжает рассматривать и принимать десятки, если не сотни второстепенных законов (о пчеловодстве, о сексуальных меньшинствах, об автогражданке, о чистоте русского языка, о знамени Победы и т.д.) при отсутствии до настоящего времени законов о недрах, о президенте, о противодействии коррупции, о госкорпорациях. Поэтому страна продолжает жить в основном не по законам, а по понятиям.

В связи с этим, оптимисты полагают, что новое русское изобретение – госкорпорации, так же, как «Рога и копыта», займут достойное место и в других странах в перечне темных объектов будущей мировой финансовой системы.

Мнения пессимистов в печатном издании лучше не приводить.

Рис. 5

4. Кризисы на фондовых рынках

В последние годы на мировом фондовом рынке все чаще возникают и развиваются кризисные явления. Любители технического анализа ситуаций на таких рынках пытаются выделить в происходящих хаотических процессах известные, установленные несколько десятилетий назад, закономерности («волны Элиота» и т.п.). Но целостной картины получить не удастся. Причина проста – эти закономерности установлены для *реального* фондового рынка, функционирующего в *реальной* экономике, в которой отсутствует искажающая ее «темная материя».

Опять же, проводя аналогии с астрофизикой, можно сказать, что кризисы на финансовых рынках – это «темная энергия» мировой экономики. А сами рынки – детекторы наличия «темной материи», что-то вроде детекторов сильных гравитационных волн, приходящих с места масштабных космических катастроф.

Современные фондовые рынки, как и рынки середины 20 века, также хаотичны, но, в отличие от реальной экономики, этот хаос хорошо организован. В современных условиях фондовый и валютные рынки превратились в эффективное средство стерилизации долларовой массы.

Для оценки масштаба явления приведем данные о глубине кризисных явлений в последние годы (Табл. 4, 5).

Табл. 4

Индекс	весна 2007		изменен. величины индекса, %	лето 2007		изменен. величины индекса, %	осень 2007		изменен. величины индекса, %
	начало	оконч.		начало	оконч.		начало	оконч.	
	26.02	5.03		23.07	16.08		1.11	26.11	
DJIA	12632,3	12050,4	-4,6	13943,4	12845,78	-7,87	13705,7	12743,4	-7,02
NASDAQ 100	1830,6	1712,9	-6,43	2036,3	1846,09	-9,34	2219,2	1989,4	-10,36
FTSE-100	6434,7	6058,7	-5,84	6624,4	5858,9	-11,56	6586,1	6180,5	-6,16
NIKKEI-225	18215,4	16642,3	-8,64	17963,6	16148,49	-10,1	16870,4	15135,2	-10,29
HANG SENG	20508	18664,9	-8,99	23365,6	20672,39	-11,57	31492,9	27626,6	-12,28
PTC	1970,77	1737,71	-10,14	2091,26	1820,3	-12,96	2220,16	2177,07	-1,94

В 2007г. на мировом фондовом рынке произошли 3 периода кризисных явлений: зимне-осенний, летний, осенний. Каждому из них соответствуют три столбца в Табл. 4. В столбцах указаны верхние и нижние значения основных фондовых индексов на моменты начала и окончания кризисов, а также изменение (в %) величин индексов.

Табл. 5

Индекс	Начало	Окончание	Изменение величины индекса, %
DJIA	13395,4	12182,1	- 9,96
NASDAQ 100	2111,7	1773,7	- 19,06
FTSE-100	6461,2	5784	- 11,7
NIKKEI-225	15307,78	13017,2	- 17,6
HANG SENG	27370,6	23469,5	- 16,62
PTC	2290,51	1870,93	- 22,43

С начала 2008г. начался новый масштабный спад на всех фондовых рынках. Не исключено, что момент написания этой статьи он еще не завершился, но пока минимальная точка спада обозначилась 8 февраля 2008г. Изменения величин основных фондовых индексов представлено в Табл. 5.

Как видно из таблиц 4, 5, снижения величин основных фондовых индексов в каждом кризисе 2007г. составляло 7-10%. Глубина спада в 2008 г. значительно – 1,5-2 раза больше. Такое впечатление, что негативные последствия имеют тенденцию к увеличению.

По состоянию на начало сентября 2007г. капитализация мирового фондового рынка оценивалась в \$170 трлн. Поэтому в ноябре 2007г. общие потери капитализации компаний составили примерно \$10-12 трлн. В 2008г. потери капитализации оцениваются на уровне \$15-20 трлн (хотя, некоторые аналитики дают более скромные оценки – \$6,7 трлн). То есть, в любом случае речь идет о величине порядка \$10 трлн.

Часть этих денег была вложена в резко подорожавшую недвижимость, другая часть – в драгоценные металлы и нефть. Но возрастание цен этих активов не покрывает общие потери фондовых рынков.

По оценкам, значительная часть активов (примерно 30-50%) была выведена с фондового рынка темными и серыми финансовыми структурами, связанными с Федеральной Резервной системой США: естественно, что при общем доминировании в производстве мировой валюты США способны управлять большинством кризисов. Иначе говоря, только за один месяц (характерная продолжительность последних кризисных явлений) удастся вывести из обращения около \$3-5 трлн. Соответственно, на \$3-5 трлн снижаются долговые претензии всего остального мира к финансовой системе США. Напомним, что общая величина американского долга в настоящее время оценивается в \$40 трлн. Так что еще 8-10 таких «кризисов» и через 5 лет американский долг сам собой рассосется. А вы говорите: «Волны Элиота».

Но и это еще не все. Фондовый рынок имеет инерцию. Поэтому свои по-

зиции он восстанавливает не сразу, а через 3-4 месяца. Именно такая периодичность обнаруживается в современной динамике фондовых индексов. Поэтому при наличии кризисных явлений скорость оборота доллара вне США искусственно замедляется, что способствует снижению темпов увеличения долларовых цен и замедляет рост недоверия к американской валюте.

В связи с этим, большинство аналитиков уверены, что заметные колебания на фондовом рынке в ближайшем будущем продолжатся, а ситуация на американском рынке еще долго будет определять динамику мировых площадок.

Если в 2008г. в США повторится история с ипотечным кризисом, который случился в августе 2007г., то дальнейшее снижение учетных ставок окажется невозможным или, по крайней мере, очень затруднительным. В этих условиях доллар практически обречен на дальнейшее падение. Вопрос только в том, как долго он может обесцениваться без серьезных последствий для мировой финансовой системы и глобальной экономики. По мере девальвации доллара в мире разгоняется инфляция: все основные сырьевые товары номинированы в американской валюте и дорожают в результате ее удешевления. При этом американцы используют свой излюбленный метод экспорта инфляции, когда за их внутренние проблемы расплачивается остальной мир.

Анализируя последствия финансовых кризисов, можно выдвинуть 2 альтернативы:

- мировая экономика погружается в состояние хаоса, которым уже никто управлять не в состоянии; тогда возникает логичный вопрос об эффективности мировой рыночной экономике и целесообразности процесса ее глобализации;
- этот «хаос» – на самом деле совсем не хаос, а очень неплохо организованная система мероприятий; тогда получается, что единственной страной, способной это сделать является США – финансовых возможностей других стран недостаточно, чтобы в течение месяца сначала обвалить, а затем восстановить мировой финансовый рынок, перегруппировав структуру активов в выгодном для себя образе.

Получается, что развивающимся странам в любом случае нельзя надеяться на мировую экономическую систему.

В этой связи уместно привести мысль, высказанную в одном из писем в редакцию газеты «Ведомости»: «...У США есть интересное свойство выходить сухими из воды при ликвидации различных дисбалансов. Страдают их партнеры, причем это происходит независимо от характера дисбаланса. Например, в 80-е у США был значительный торговый дефицит с Германией и Японией. Он

был ликвидирован, а в Германии и в Японии началась рецессия, причем в Японии – на 15 лет. В 70-е у США был кредитный дисбаланс с Латинской Америкой в пользу США. Ликвидация дисбаланса привела к 10-летней стагнации в Латинской Америке. Сейчас США усиленно работают над выходом из очередного дисбаланса. Теперь основной «партнер» по дисбалансу – Китай» [13].

Поскольку в настоящее время другим странам надеяться на помощь мировых финансовых структур типа МВФ – иллюзия, то естественной реакцией на указанное развитие событий является повышение региональной обособленности финансовых систем разных стран и групп стран, в том числе – введение новых региональных валют: золотого юаня, динара Залива, российского рубля [14].

Заключение

Если звезды зажигаются, значит это кому-то нужно. Если в мировой экономике и финансовой системе длительное время существует «темная материя», искажающая реальную систему материального производства и распределения, значит, такой мировой порядок соответствует чьим-то целям и интересам.

Нетрудно понять – чьим именно. Последние 20 лет в мире существует только одна страна, способная без серьезных последствий для своей национальной безопасности деформировать все мироустройство. Это – США.

И совершенно понятно, для чего они это делают – для экспансии американского доллара. Фактически уже с 1944г. США печатают и распространяют по всему миру необеспеченную товарами и услугами зеленую бумагу. То, что это действительно так, документально подтверждено президентом США Р.Никсоном, 15 августа 1971г. разорвавшим связь американского доллара с золотом и, тем самым, превратившим валютные резервы многих стран в ворохи зеленой бумаги.

Но лишние доллары периодически целесообразно выводить из обращения (по американской терминологии, принятой и российскими финансистами, – стерилизовать) – иначе произойдет резкая потеря доверия к этой валюте, она обесценится и не будет никем восприниматься.

С другой стороны, обесценивание доллара выгодно для США, т.к. это позволит решить проблему огромного долга этой страны, величина которого, по некоторым оценкам, приближается к \$40 трлн.

То есть, перед США стоит сложная трехцелевая задача: так организовать процесс обесценивания своей валюты (1-я цель), чтобы она не перестала использоваться в мировой финансовой системе (2-цель), а обращающиеся в мире доллары не вернулись в американскую экономику (3-я цель). Это позволит США еще некоторое время выкачивать из других стран материальные ресурсы в обмен на бумагу.

Эта проблема очень непростая, требующая применения специальных инструментов: финансовых, дипломатических, военных, а также их комбинаций. Поэтому недаром было сказано: «Думайте Бушу легко?!» Чувствуется, что пожалевший американского президента знает, о чем говорит. Недаром он тоже 8 лет пахал, как раб на галерах.

Дело дошло до того, что выступивший 10 февраля 2008г. на 44-й ежегодной конференции по вопросам безопасности первый вице-премьер Сергей Иванов в своем докладе заверил собравшихся, что Россия «не стремится скупить весь Старый Свет за *свои* (выделено нами) нефтедоллары» [15]. То есть, российское правительство вынуждено оправдываться, что оно предприняло некоторые шаги по приобретению западных активов за доллары и евро, полученные от продажи своего сырья. Если назвать вещи своими именами, то этой фразой фактически признается конец процесса декларируемой глобализации мировой экономики и обозначается ее истинная роль. Эта фраза также характеризует реальную степень самостоятельности российского правительства в принятии важных стратегических решений.

Для стерилизации лишней долларовой массы по всему мировому экономическому пространству создается и распределяется «темная материя»: в странах с развитой рыночной экономикой – хедж-фонды, в странах с управляемыми режимами – подконтрольные США суверенные фонды, периодически устраиваются масштабные кризисы на фондовых рынках.

В астрофизике существует понятие критической плотности материи. Если реальная плотность вещества и энергии будет ниже критической, то ситуация в конце концов стабилизируется. Но если плотность материи станет выше критической, то Вселенная через некоторое время начнет необратимо сжиматься и все закончится новым Большим взрывом – глобальной катастрофой.

Что-то подобное происходит и в мировой экономике. Причем, похоже, процесс уже принял необратимую форму: количество «темной материи» уже превысило критический уровень. На это указывает расширение перечня применяемых инструментов внешней политики США, которая, при попустительстве других стран, становится все более безапелляционной. Применение других инструментов указывает на то, что традиционные схемы уже не срабатывают.

Все более просматривается желание США создать дополнительные проблемы своим партнерам-конкурентам, которые бы облегчили распространение и хождение доллара по всему миру. Войны в Ираке, нагнетание напряженности около Ирана, оккупация Афганистана, превращенного в мирового лидера по производству героина, из-за которого на наркотической игле оказалось половина Европы и Азии. Наконец, обстановка вокруг Сербии и Косово – бомба под

государственное устройство десятков стран Европы и Азии.

Только совсем наивный человек может не увидеть, что проблемы с американским долларом на фоне сокращающихся запасов углеводородов и урана, агрессивность внешней политики США – это звенья одной цепи. Мы не хотим никого запугивать, но, по нашему мнению, современные тенденции развития мировой экономики и финансовой системы при резком наращивании военного потенциала США и отсутствии действенной системы международного контроля чревата новой мировой войной. По крайней мере, предыдущие мировые войны во многом имели корни именно в дефектах мировой финансовой системы.

Для предотвращения войны требуется серьезная модернизация ООН и целого ряда других международных организаций, т.к. ключевые проблемы экономической безопасности – это проблемы не отдельных стран или даже регионов, а мира в целом.

Мы понимаем, что разочаруем тех читателей, которые по прочтении настоящей статьи хотели бы увидеть четкие рекомендации для себя или своей фирмы. Но болезнь очень серьезна и сильно запущена; даже потенциала всей страны или даже группы стран может оказаться недостаточно для ее решения.

Февраль, 2008г.

Источники и литература

1. *Кокшаров А.*, На этот раз не подвели. М., «Эксперт» № 7(596), от 18-24 февраля 2008.
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B5%D0%B4%D0%B6-%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4>
3. *Миронов Е.*, Хедж-фонды: кошмар нашего времени или нормальные инвесторы? М., Информационный бюллетень «Консультации на фондовом рынке», 2000.
4. «Летучие голландцы налоговых оффшоров». «Российская газета» № 453 от 30.03.2004
5. *Мартыненко В.А.*, Хедж фонды – потенциальная опасность для развивающихся экономик, http://www.newforum.stockportal.ru/main/invest/world/hedge/hf_danger?print=yes
6. *Хмыз О.В.*, Особенности работы хеджиевых фондов во время кризисов на формирующихся рынках. М., «Управление рисками» №1 2006, с. 47-54.
7. Онлайн-информационный портал HedgeCo.Net.
8. «Хедж-фонды - корабли-призраки в "налоговых гаванях"», http://www.k2kapital.com/analytics/investment_funds/detail.php?&BID=6&ID=93613&nav_page_6=1&to_date=23.11.2006
9. *Угодников К.*, Нежелательные инвестиции, http://www.karavan.ru/Paper2007.nsf/Article/Itogi_2007_09_16_01_5905.html

10. «Коммерсантъ», № 165(3741), 12 сентября 2007.
11. Данные компаний, Bloomberg, РИА РБК, 6 марта 2008.
12. Американская ипотека угрожает российским деньгам. http://www.pron.ru/readarticle.php?article_id=166
13. «Ведомости», № 29 (2051) от 18 февраля 2008.
14. <http://www.polit.nnov.ru/2008/01/15/multigcconsens/>
15. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=162307>

DARK MATERIAL OF THE WORLD ECONOMY

Sergey Grinyaev, Alexander Fomin

Resume

In cosmology and astrophysics there is a concept of “dark or latent material.” Under this concept is to be understood aggregate of astronomical objects beyond the reach of direct observations with the help of contemporary astronomical tools. The nature of invisible material has been a secret up to our days. It is clear one thing – it consists to particules which interact too weakly with ordinary substance. The situation in up-to-date world economy is analogical with astrophysical problems: There are also “dark” objects distorting the economic plane and having considerable influence on course and outcome of world processes. In the very article are considered some such-like “dark” objects, which have recently acquired great significance or will acquire it in the near future.

After that, on the basis of the results of the analysis made, an answer is given to the question: which fundamental forces and interests stay behind these “dark” objects of world economy.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ «ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ»

Сергей Минасян

В статье освещаются основные итоги «Пятидневной войны» августа 2008г. между Россией и Грузией и сложившаяся новая политическая ситуация в регионе Южного Кавказа. Анализируется их влияние на политические процессы в зоне карабахского конфликта, в том числе в контексте попыток активизации политики Турции и России на Южном Кавказе в поствоенный период, а также перспектив региональной безопасности и конфликтного урегулирования. Отдельно в статье рассматриваются также военные итоги «Пятидневной войны» применительно к карабахскому конфликту.

Введение

Поздно вечером 7 августа 2008г. грузинская армия начала массовый обстрел из реактивных систем залпового огня (РСЗО), тяжелой артиллерии и минометов столицы Южной Осетии – г.Цхинвал, а также осетинских населенных пунктов практически вдоль всей зоны конфликта [1]. Ударам грузинской армии подверглись также посты и казармы российских и североосетинских миротворцев. Рано утром 8 августа грузинские войска перешли в наступлении на Цхинвал, а также к западу от него в Знаурском районе и далее к северо-западу, в направлении Зарской дороги, а также райцентра Джавы и Джавского ущелья. Грузинское наступление осуществлялось силами 2-й, 3-й и 4-й пехотных бригад, а также ряда подразделений 1-й и 5-й пехотных бригад, отдельного танкового батальона, артиллерийской бригады, частей специального назначения Министерства обороны и МВД Грузии. С воздуха поддержку наступающим грузинским войскам обеспечивали штурмовики Су-25 и ударные вертолеты Ми-24 ВВС Грузии. Так началась «Пятидневная война» в Южной Осетии...

Итоги боевых действий в Южной Осетии, Абхазии и Грузии и последующих политических развитий в зоне конфликта широко известны. Прямое вовле-

чение российской армии в боевые действия на стороне осетин, открытие «второго фронта» в Абхазии, осуществление «блицкрига наоборот» – в виде вторжения российской армии в пределы собственно Грузии, неожиданно быстрая деморализация и последующее отступление грузинских войск – получили широкое освещение в репортажах мировых СМИ, оценках и заявлениях экспертов, политиков, представителей международных организаций и руководителей ведущих стран мира. И хотя в принципе пока еще рано давать полный и детальный анализ всех военно-политических итогов «Пятидневной войны», однако уже вполне можно извлекать некоторые первоначальные уроки из произошедшего для региона Южного Кавказа.

1. Новый региональный статус-кво

Можно с уверенностью отметить, что сложившаяся после «Пятидневной войны» в регионе ситуация создала на Южном Кавказе как потенциальные возможности и перспективы, так и новые угрозы и вызовы региональной безопасности и стабильному развитию. Вообще, такого рода кризисные ситуации, военные конфликты и форс-мажорные обстоятельства всегда повышают общие ставки в региональной геополитической игре, где степень возможных потерь и приобретений сторон значительно повышаются. И в этом плане общая конфигурация и геополитический расклад внутренних и внешних акторов в регионе весьма напоминает ситуацию на Южном Кавказе начала 1990-х гг.

Очень похоже, что в среднесрочной геополитической перспективе на Южном Кавказе складывается ситуация, когда ослабленная и, возможно, нестабильная после военного поражения Грузия будет пытаться (и, видимо, безуспешно) получать еще большую политическую и экономическую поддержку Запада, Азербайджан будет пребывать в некотором смятении, проецируя результаты августовских боевых действий на карабахский конфликт, опасаясь реальной угрозы для нефтяных коммуникаций страны и реанимировав реальность для себя «русской угрозы», а Армения будет искать свое место в новой ситуации, стараясь выиграть от региональных политических процессов.

С другой стороны, в регионе ситуативно значительно повысилась роль России, впрочем, находящейся пока в состоянии некоторой неоправданной эйфории. Хотя в краткосрочной и даже в среднесрочной перспективе Россия упрочила свое положение и присутствие на Южном Кавказе – достаточно просто учесть итоги ее войны с Грузией, признание Кремлем независимости Абхазии и Южной Осетии и открытую дислокацию российских военных баз в этих бывших грузинских автономиях. Тем не менее, в долгосрочной перспективе ухудшение отношений с Западом из-за событий августа 2008г. и создание (или вос-

становление) нового агрессивного образа Москвы в западном политическом сознании еще приведут к новым серьезным проблемам при реализации российской политики на Южном Кавказе. Россия в настоящее время фактически потеряла возможность каким-то образом политически влиять на Грузию, и, в силу этого, Южный Кавказ для нее в настоящее время практически ограничен рамками границ Южной Осетии и Абхазии (где она фактически на неопределенное время уже закрепилась), а также «площадками» Армении и Азербайджана. Для того, чтобы продолжать вести какую-либо активную политику на Южном Кавказе, Москва может использовать лишь свое влияние на Ереван и Баку, в том числе в рамках той проблемы, которая уже более 20 лет «объединяет» эти конфликтующие страны, – Карабах.

Возможно, именно в силу осознания этого факта, российское руководство пытается инициировать некий процесс вокруг карабахского мирного урегулирования (в виде создания видимости его эффективного разрешения при посредничестве Москвы). Цель данной российской инициативы – попытка дезавуировать на Западе негативные последствия войны с Грузией и признания Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии. Однако вряд ли эти российские инициативы по Карабаху будут успешными в практической плоскости, причем не только в силу внутреннего сопротивления конфликтующих сторон, но и ввиду вполне ожидаемого противодействия этим российским планам со стороны США и ЕС. Можно утверждать, что наглядной иллюстрацией результативности этой российской инициативы по карабахскому урегулированию явились итоги встречи президентов Армении и Азербайджана, состоявшейся именно при посредничестве и при участии президента РФ Дмитрия Медведева 2 ноября 2008г. в Подмоскowie. В некотором смысле все указанные действия Москвы являются чуть ли не зеркальным отражением всех предыдущих попыток уже Вашингтона также урегулировать карабахский конфликт вплоть до зимы-лета 2006г. (достигшие своего пика во время встреч президентов Р.Кочаряна и И.Алиева в Рамбуйе и Бухаресте). Однако в данном случае уже не американская или американо-европейская инициативы сталкиваются с противодействием России, а теперь уже США, НАТО и европейские структуры стремились всеми силами торпедировать какие бы то ни было попытки (пусть в реальности и не такие принципиальные) российской стороны вынудить конфликтующие стороны пойти на подписание соглашения, по которому, согласно амбициозным планам Кремля, роль миротворцев, разъединяющих азербайджанскую, армянскую и карабахскую стороны, стали бы выполнять российские войска.

Таким образом, активизация Кремля в карабахском урегулировании преследовала в реальности вполне даже прагматичную, пусть и несколько ограни-

ченную цель – создание на Западе и в мировом информационном поле некой видимости «конструктивности» действий России, способной не только вести и выигрывать войны на постсоветском пространстве против «малых стран» (как в августе 2008г. против Грузии), но и умеющей урегулировать и главное – контролировать региональные этнополитические конфликты, например, вокруг Нагорного Карабаха или в Приднестровье. Представляется, что теперь в Москве будут считать, что принятой 2 ноября «Декларацией трех президентов» (первого после достигнутого в 1994г. перемирия совместно подписанного документа руководителей Армении и Азербайджана по карабахской проблеме) эта задача решена, а С.Саргсян и И.Алиев – что им удалось, исходя каждый из своих собственных соображений, подыграть в этом Д.Медведеву.

Стабильно проявились в августовском кризисе вокруг Южной Осетии роль и место ЕС: Брюссель пытается занять свою нишу в региональной политике и ищет новые форматы институционализации своего присутствия на Южном Кавказе. Фактически, размещение в буферных зонах вокруг границ Южной Осетии и Абхазии европейских наблюдателей явилось первой серьезной самостоятельной инициативой Евросоюза по проецированию своего политического и отчасти военного потенциала в осуществлении миротворческих операций вне своих границ и без прямой поддержки структур НАТО или же США. Хотя, конечно же, согласование позиций Евросоюза с Североатлантическим альянсом и с Соединенными Штатами по Южному Кавказу происходит в очень плотном режиме.

Несмотря на усилившуюся антироссийскую риторику на Западе, можно говорить о резком снижении вероятности предоставления Грузии в декабре 2008г. Программы действий по членству в НАТО (MAP). Несмотря на все оптимистические заявления грузинских официальных лиц, равно как вполне успешные для Тбилиси итоги конференции стран-доноров по предоставлению пострадавшей от военных действий Грузии финансовой помощи, прошедшей в октябре 2008г. под эгидой ЕС, очевидно, что ряд ключевых западноевропейских членов Североатлантического союза выступают резко против ускоренного членства Грузии (а также Украины) в НАТО.

Турция в изменившихся условиях тоже пытается сыграть свою региональную игру, выдвинув новую инициативу по стабилизации Южного Кавказа. Хотя перспективы осуществимости предложенной Анкарой региональной инициативы несколько пессимистически оцениваются политологами, но это, видимо, один из тех весьма частых в политике случаев, когда сам политический процесс важнее, чем его прогнозируемые результаты. Впрочем, турецкая инициатива заслуживает того, чтобы рассмотреть ее несколько более детально...

На этом фоне пока неясно, насколько изменилась роль Соединенных

Штатов в регионе: имеем ли мы дело с ситуативным снижением значимости США после событий в Грузии, и вскоре все возвратится на «круги своя», или же произошедшее является началом более глубоких процессов, которые приведут к изменению места Южного Кавказа в американской политике? Впрочем, эксперты практически единодушны в том, что «ответный удар» Вашингтона на Южном Кавказе наступит уже после первых шагов новой американской администрации Барака Обамы. Тем не менее, не столько от новых лиц в администрации демократов, которые будут заниматься региональными проблемами на Южном Кавказе, но еще более – от глобальных финансовых, экономических и политических развитий в мире зависит то, будут ли активизироваться США на Южном Кавказе, или же смена общих политических приоритетов снизит значимость этого региона в планах Вашингтона. Хотя вряд ли Южный Кавказ в ряду многих более актуальных мировых проблем будет для новой американской администрации иметь столь серьезное значение на фоне внутренних экономических проблем, глобального финансового кризиса и обещаний Б.Обамы начать серьезные изменения внутри самих Соединенных Штатов.

Одним из важнейших региональных итогов августовского конфликта стало значительное повышение оценки рисков Грузии в качестве транзитно-коммуникационной страны, энергетического и транспортного коридора, особенно ввиду прецедента последующего вторжения российских войск на территорию Грузии, захвата и установления контроля над стратегически важными в коммуникационном плане грузинскими населенными пунктами – такими, как порт Поти, города Гори, Сенаки и Хашури. Необратимо пострадал имидж Грузии не только как «маяка демократии» в регионе, но и вообще как адекватной и предсказуемой страны с эффективной системой управления.

С разными временными промежутками во время и после боевых действий в зоне конфликта прекратили функционировать практически все масштабные международные энергетические и коммуникационные проекты, проходящие через территорию Грузии. Встали нефтепроводы «Баку-Тбилиси-Джейхан» и «Баку-Супса», газопровод «Баку-Тбилиси-Эрзерум», не транспортировалась нефть по железнодорожному маршруту «Баку-Батуми», приостановилось на неопределенный период строительство железной дороги «Карс-Ахалкалаки». Казахстан принял решение отказаться от строительства крупного нефтеперерабатывающего завода в районе Батуми. В результате, за август 2008г. Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) не смогла использовать ни один из этих транспортных маршрутов и фактически не экспортировала нефти за рубеж в течение этого месяца. В свою очередь, в августе 2008г. Азербайджанская международная операционная компания (АМОК) была вынуждена вос-

пользоваться исключительно нефтепроводом «Баку-Новороссийск» и переориентировать все свои экспортные нефтяные потоки на российский маршрут [2].

Ситуация вокруг Грузии и простой проходящих через эту страну каспийских нефте- и газопроводов также существенно сказались на общей финансово-экономической ситуации в Азербайджане [3]. С учетом большой зависимости Баку от экспорта нефти и газа, августовские события негативно отразились не только на выполнении государственного бюджета за 2008г., но и внесли существенные коррективы при формировании бюджета страны на следующий год. Более того, усугубление мирового финансового кризиса и резкое падение цен на нефть, практически совпавшие по времени с завершением боевых действий в Грузии, способны создать еще более серьезные проблемы для находящегося на «нефтяной игле» Азербайджана не только в экономической, но и в политической и социальной сферах, а также негативно отразится на процессах дальнейшей исламизации азербайджанского общества [4].

Из основных политических последствий для непосредственных участников военных действий – Грузии, Абхазии, Южной Осетии и России – следует отметить полную ликвидацию грузинонаселенных анклавов в Южной Осетии (Тамарашени, Кехви, Эредви), депортацию местного грузинского населения и установление контроля Цхинвала над всей территории бывшей Юго-осетинской автономной области, в том числе и над Ахалгорским (бывшим Ленингорским) районом, который с 1992г. фактически контролировался грузинской администрацией¹.

В Абхазии главным итогом скоротечных боевых действий явилось установление полного контроля абхазских властей над территорией всей бывшей Абхазской автономной республики после занятия абхазскими войсками при поддержке российской армии Кодорского ущелья (т.н. Верхней Абхазии).

Тем самым, получив фактическую этническую однородность, Южная Осетия (даже в условиях полного российского политического контроля) в настоящий момент превратилась в реальный этнополитический фактор в регионе Южного Кавказа, значительно усилив параметры обеспечения своей физической безопасности. В свою очередь Абхазия, установив контроль над Кодорским ущельем, на долговременную перспективу решила проблемы своего самостоятельного экономического и политического развития.

Вполне естественно, что сложившаяся ситуация «фактического этнического размежевания» в Южной Осетии в обозримом будущем создаст серьезные

¹ По данным Международной кризисной группы, основанным на сведениях, представленных Управлением Верховного комиссариата ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), количество беженцев-грузин, депортированных из Южной Осетии в августе 2008г., составило примерно 15 тыс. человек. См. подробнее: Россия против Грузии: последствия // Европейский доклад №195, International Crisis Group, Тбилиси - Брюссель, 22.08.2008. С.4.

препятствия для каких-либо попыток грузинской стороны добиться выгодного для Тбилиси развития событий в Южной Осетии, как, впрочем, и в Абхазии. Возможно, что после определенного периода реабилитации Тбилиси вновь попытается реанимировать проекты «альтернативных правительств Абхазии и Южной Осетии в изгнании», однако теперь они уже действительно будут находиться в изгнании, то есть за пределами всех прежних административных границ этих бывших грузинских автономий.

Ну и, наконец, важнейшее политическое значение не только в региональном масштабе будет иметь юридическое признание 26 августа 2008г. независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России, а также решение Москвы о размещении на территории этих республик российских военных баз и фактическое закрепление сложившейся ситуации путем реализации двух вариантов политического документа «Шести пунктов Медведева-Саркози».

2. Турецкая инициатива по Южному Кавказу

Естественно, что не только страны Южного Кавказа, но и иные региональные и внерегиональные силы стремятся извлечь выгоду из сложившегося нового статус-кво в регионе, пытаясь использовать те возможности, которые сложились в результате военного поражения Грузии, резкого обострения отношений России с Западом, и других сопутствующих региональных процессов.

Одним из основных результатов этого стала новая турецкая политическая инициатива – т.н. «Кавказская платформа», впервые озвученная премьер-министром Турции Р.Эрдоганом в ходе его визита в Москву 12 августа 2008г. Хотя инициатива Анкары начала разрабатываться в общих чертах турецкой стороной еще до начала боевых действий в Южной Осетии, тем не менее, «Пятидневная война» создала для ее выдвижения очень благоприятный региональный фон. Само по себе содержание этой инициативы, формально имеющее целью установление мира и стабильности в кавказском регионе, мало кому известно и в действительности очень похоже на все предыдущие инициативы по некоему установлению региональной стабильности на Кавказе – типа «Кавказского дома» 1990-х гг. или европейской инициативы в виде Пакта стабильности начала 2000-х гг.

Важно другое – путем выдвижения этой инициативы Турция (с согласия Москвы), попыталась начать на Кавказе «свою игру», воспользоваться, возможно пока еще временным, но ощутимым ослаблением позиций США на Кавказе после «Пятидневной войны». При этом, если реакция ЕС относительно турецкой инициативы была в целом скорее положительной, то Вашингтон в начале был более чем удивлен и обеспокоен ею. Хотя впоследствии Анкаре удалось не-

сколькo смягчить подходы Вашингтона к своей инициативе, видимо, гарантировав, что она не преследует целью полное вытеснение США из региона, тем не менее, очевидно, что Турция и Россия попытались всерьез воспользоваться периодом некоторого ослабления американских позиций на Южном Кавказе в своих целях.

В свою очередь, и Армения, и Азербайджан в целом поддержали турецкую инициативу, в то время как Грузия отнеслась к ней более чем настороженно. Позиция Тбилиси была вполне очевидна и понятна, так как турецкая инициатива предполагает широкое участие России, что в контексте недавней российско-грузинской войны более чем нежелательно для Грузии, а с другой стороны – для Тбилиси также нежелательно участвовать в некоем региональном процессе, из которого сознательно практически исключаются США.

Впрочем, первоначально в середине августа 2008г. в Баку также несколько настороженно восприняли турецкую инициативу, особенно с учетом ожидавшегося визита президента Турции А.Гюля в Ереван. В Азербайджане всерьез и весьма нервно опасались, что данная турецкая инициатива по формированию общих рамок регионального сотрудничества может поставить под угрозу идею продолжения кампании экономического и коммуникационного «удушения» Армении путем ее блокады как со стороны Азербайджана, так и со стороны Турции. Ведь эта идея еще с начала 1990-х гг. являлась фактически краеугольным камнем политики Азербайджана за все годы его противостояния с Ереваном и Степанакертом [5]. Несмотря на то, что за все это время указанная концепция так и не доказала свою эффективность, подтверждением чего явился бурный двузначный экономический рост Армении в течение последних нескольких лет в условиях «полублокады» со стороны Турции и Азербайджана, тем не менее, в Баку вплоть до последнего времени, видимо, искренне верили в ее действенность и перспективность. Поэтому уже примерно с середины августа 2008г. даже само известие о реальности визита президента Турции в Армению вызывало в информационном и политическом поле Азербайджана негативные настроения, т.к. тем самым подрывало саму концепцию действенности на любом уровне какого-либо открытого турецкого вовлечения в карабахский конфликт на стороне Баку. Однако визиты турецких высших должностных лиц в Баку и их двусторонние консультации с азербайджанскими коллегами несколько изменили подходы руководства Азербайджана и успокоили их. Более того, возможно, что у азербайджанского руководства даже появилась надежда попытаться путем лоббирования через Анкару получить возможность достижения выгодных для себя развитий в карабахском вопросе в рамках именно новой региональной инициативы Турции.

Для Армении августовская турецкая инициатива первоначально в целом была приемлемой, особенно в контексте ожидаемого визита президента А.Гюля в Ереван 6 сентября 2008г. Армяно-турецкие отношения стали проявлять положительную тенденцию еще до августовских боевых действий в Южной Осетии (достаточно вспомнить озвученное еще в мае 2008г. и адресованное своему турецкому коллеге приглашение президента Армении С.Саргсяна посетить Ереван и резко активизировавшее армяно-турецкий политический диалог). Тем не менее, проявившиеся в результате этой войны коммуникационные риски Грузии еще более подстегнули интерес уже в первую очередь Анкары к возможности открытия границ с Арменией и использования ее территории в качестве некоего альтернативного транспортного и даже энергетического коридора для Турции. В контексте результатов «Пятидневной войны» и временного прекращения функционирования всех коммуникационных и энергетических проектов, проходящих через Грузию, со стороны ряда турецких экспертов и политиков, даже на уровне главы МИД Турции Али Бабаджана, стали высказываться мнения, что «Армения могла бы стать также альтернативой для прохождения газопровода, идущего на Запад со стороны Каспийского моря по территории Грузии, ставшей ненадежной после российской интервенции» [6]. В целом, можно утверждать, что война в Южной Осетии значительно активизировала, а вернее – реанимировала кавказскую политику Турции. В результате состоялся беспрецедентный визит президента Турции А.Гюля в Ереван 6 сентября 2008г., и в целом перспектива налаживания или нормализации армяно-турецких отношений создает перспективы кардинально новой геополитической ситуации во всем регионе Южного Кавказа. Попутно в ходе событий августа-сентября 2008г. вновь подтвердилось, что в общем формате армяно-турецких отношений карабахская проблематика имеет лишь инструментальное значение и в политических приоритетах Анкары значительно уступает по актуальности вопросу признания Геноцида или же налаживания нормальных отношений с Арменией в контексте амбиций Турции на членство в Евросоюзе.

В то же время, возможно, что в определенном смысле указанная турецкая инициатива может содержать в себе определенные риски и угрозы для Армении. Хотя инициатива была отчасти согласована Ереваном с Москвой (а затем еще и благосклонно воспринята в Вашингтоне и в Брюсселе), у армянской стороны существуют смутные опасения насчет того, что Россия и Турция могут за спиной Армении договориться о неких региональных проектах, в результате которых могут быть поставлены под угрозу интересы Армении. Тем более что существуют прямые исторические аналогии в виде русско-турецких договоренностей 1920-х гг. против Армении и известного Московского договора от 16

марта 1921г. между большевистской Россией и кемалистской Турцией. Однако нынешний политический контекст в регионе несколько иной: и Турция и Россия, тактически поддерживая совместные политические инициативы на Южном Кавказе, направленные против Вашингтона, тем не менее продолжают оставаться «конкурирующими союзниками» и взаимно опасаются чрезмерного усиления позиций друг друга в регионе. Как отмечают некоторые российские эксперты, «новое положение дел заставляет официальную Анкару искать возможности сосуществования с Россией на фоне ее притязания на роль сильного регионального лидера» [7]. Однако, в свою очередь, и Россия, судя по некоторым признакам, всерьез высказывает негласные опасения, что ускоренное в случае успеха двусторонних переговоров армяно-турецкое потепление может создать объективные предпосылки для снижения российского военно-политического влияния в Армении.

Как уже отмечалось, турецкая инициатива первоначально содержала в себе элементы к вытеснению США и отчасти ЕС из конкретных политических процессов на Кавказе. В частности, это касалось зондирования попыток замены формата Минской группы ОБСЕ по Карабаху неким трехсторонним (Армения, Турция и Азербайджан) или четырехсторонним (с дополнительным привлечением Москвы) переговорным механизмом. Впрочем, этот первоначальный зондаж Анкары оказался весьма поверхностным, т.к. тенденций или особых угроз скорого развала Минской группы уже не следует ожидать, особенно после подписания 2 ноября «Декларации трех президентов», в тексте которой формат сопредседателей Минской группы был вновь четко подтвержден.

Но надо особо отметить, что сама по себе турецкая инициатива не имеет реальных перспектив успешной и долговременной реализации в силу слабости ее основной «стимулирующей» составляющей – попытки оставить «за бортом» региональной процессов Вашингтон и отчасти Брюссель. Несмотря на ситуативное ослабление позиций США и европейских структур в регионе, это абсолютно не значит, что в долговременной перспективе произойдет полное вытеснение Вашингтона и Брюсселя из региональной политики на Южном Кавказе. Представляется, что и в Анкаре это хорошо понимают, но для них важность осуществления данной инициативы заключается в том, что создает возможность для некоего смещения регионального баланса на Южном Кавказе в свою пользу. Аналогичные последствия, но несколько в ином контексте, могут иметь также преднамеренные попытки Турции оставить в стороне от политических процессов на Южном Кавказе также и Иран.

Что же касается возможности достижения декларативно заявленных целей турецкой инициативы, то представляется, что в это вообще мало кто серьезно ве-

рит даже в самой Турции. «Кавказская платформа» – это лишь политический ресурс Анкары в довольно конкретный временной промежуток, где сама политическая инициатива намного более важна, чем ее декларативный результат.

3. Изменение политического фона вокруг карабахского конфликта

Другим важным результатом новой геополитической ситуации – скорее даже нового регионального статус-кво – на Южном Кавказе стало изменение общего политического и психологического фона вокруг карабахского конфликта. Претерпело значительную корректировку также восприятие дальнейших процессов вокруг карабахского урегулирования внутри политических элит и обществ конфликтующих сторон. В первую очередь это проявилось в значительном снижении вероятности инициирования боевых действий в Карабахе со стороны Азербайджана и осознании этого факта политической элитой данной страны. На это особо повлияло проецирование азербайджанскими политиками и экспертами результатов неудачной для Грузии – как бывшей метрополии – военной операции по возврату Южной Осетии.

Естественно, первоначально утром 8 августа 2008г. многие в Азербайджане с удовлетворением восприняли известие о начале грузинской армией штурма Цхинвала, воспринимая его как логичный пример для осуществления в последующем аналогичной операции в Нагорном Карабахе. И вообще, надо признать, что одним из важных элементов т.н. «карабахской стратегии» Азербайджана долгое время являлась открытая и публичная угроза возобновить боевые действия в зоне конфликта. Силовой шантаж проявлялся как в заявлениях государственных и политических деятелей Азербайджана самых разных уровней, так и превалирует в настроениях и оценках большей части азербайджанской политической элиты и широкой общественности. Дополнительную аргументацию указанной политики Азербайджана в глазах его руководства и политической элиты добавляли также неоправданно высокие ожидания от роли нефтяного фактора и желания навязать Армении и Нагорному Карабаху экономически изматывающую «спираль» гонки вооружений.

Поэтому вполне естественно, что в информационно-пропагандистском поле Азербайджана эти настроения достигли своего пика именно 8-9 августа 2008г., когда все азербайджанское информационное поле заполнили репортажи и комментарии бакинских экспертов, политологов и даже официальных представителей азербайджанского МИД, активно поддерживавших действия грузинского руководства, деловито рассуждавших о неспособности Москвы предпринять что либо против шагов М.Саакашвили и все время подводящих аналогии «к теперь уже скорому началу» Азербайджаном такой же операции по возвраще-

нию Карабаха [8]. А затем в течение ближайших дней вдруг все стихло.

Практически целых две недели, примерно со второй половины дня 8-го августа, когда окончательно стало ясно, что Россия все же вступила в войну, ни один из высших официальных чинов Азербайджана не выступал с заявлениями или комментариями по поводу военных действий в Грузии. И даже эксперты и политологи молчали или же ограничивались общими словами в своих комментариях по сложившейся ситуации в регионе после шокового исхода «Пятидневной войны».

Августовский «блицкриг наоборот» и неожиданно быстрое поражение армии бывшей «метрополии», т.е. Грузии, вновь решившейся силовым путем вернуть себе отколовшуюся мятежную автономию – Южную Осетию (а в последующем, видимо, и Абхазию), оказали вполне ясное и предсказуемое впечатление в Баку. Аналогии для политической элиты Азербайджана напрашивались более чем зеркальные. Крах самой возможности «украинского прецедента» в Южной Осетии и Абхазии, очевидность полной потери Грузией в среднесрочной перспективе даже надежды на восстановление своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвалом, юридическое признание независимости этих бывших советских автономий пусть даже еще только одним влиятельным международным актором, многочисленные жертвы и фактическая деморализация грузинской армии, угроза потери власти в стране командой М.Саакашвили – все эти примеры вряд ли явились желанной перспективой для правительства Ильхама Алиева в случае возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта.

То, что продолжение силового шантажа Армении и Нагорного Карабаха может неожиданно привести к весьма опасным последствиям для самого Азербайджана в случае реального возобновления боевых действий, в самом Баку похоже также успели оценить. Следствием этого явилось радикальное изменение с конца августа 2008г. самой риторики высказываний азербайджанских руководителей относительно перспектив карабахского конфликта – появилась некая «конструктивность» и упоминание необходимости продолжения сторонами мирного переговорного процесса, исчезли обязательные упоминания о скором и неизбежном восстановлении Азербайджаном «конституционного порядка» в Карабахе всеми способами и т.д.

Правда, ко всему этому надо еще добавить резкое усиление за последние два месяца антизападных настроений среди азербайджанской политической элиты и дальнейшее углубление давно уже заметной тенденции исламизации страны, а также подъем прорусской «ориентации» среди части общественности Азербайджана. Но это уже скорее издержки или, вернее, результаты претворения в жизнь «азербайджанского комплементаризма» – ведь дружить с фактиче-

ски победившей (пусть и довольно неожиданно для самой себя) в региональной войне Россией все-таки приятнее и безопаснее, чем продолжать выступать против нее на Южном Кавказе в тандеме с еще не пришедшими в себя после августовских событий США и европейскими странами. И это в полной мере показали неудачные для американской стороны итоги блиц-визита вице-президента США Р.Чейни в Баку в начале сентября 2008г. [9]. В еще большей степени это соображение подтвердила подпись Ильхама Алиева под текстом «Декларации трех президентов», принятой 2 ноября 2008г. при посредничестве Москвы и фактически подразумевающей декларативный отказ официального Баку от попыток военного решения карабахского конфликта.

Впрочем, не только осознанием российской угрозы объяснялся такой крен в политической ориентации Азербайджана. В новых условиях Баку оказывается в заведомо невыгодном положении в качестве инициатора возобновления боевых действий в Карабахе. Среди политиков и экспертов, занимающихся проблемами региональной политики и безопасности Южного Кавказа, уже давно существует четкое осознание того, что Армения при любых внешних обстоятельствах всегда будет намного более «прозападной», чем Азербайджан, и одновременно будет восприниматься Москвой как намного более близкий региональный партнер и союзник, чем АР. Тем самым, при любом геополитическом раскладе, гипотетическое начало военной операции против Карабаха и Армении будет воспринято на Западе с большим неудовольствием, чем аналогичная попытка Грузии в Южной Осетии. Одновременно Азербайджан также не сможет получить поддержку со стороны Москвы в борьбе против единственного военно-политического союзника России на Южном Кавказе и члена ОДКБ. Более того, Баку никак не сможет представить на Западе ситуацию в зоне конфликта как прямое столкновение «пророссийской» Армении и «прозападного» Азербайджана. Имеющееся на Западе политическое восприятие Нагорного Карабаха – в условиях отсутствия в зоне карабахского конфликта каких-либо миротворцев или военных баз третьих стран, факта ежегодного предоставления Конгрессом США прямой финансовой помощи Степанакерту, активных контактов карабахских властей и общественности с различными европейскими организациями и структурами и т.д. – абсолютно не похоже на восприятие западными странами Абхазии и тем более Южной Осетии.

Вместе с тем, проводимая официальным Ереваном политика комплементаризма за все 17 лет независимости страны привела к тому, что на фоне очень тесного уровня политических контактов с США и европейскими странами у Армении на данный момент есть и реальные союзнические отношения с Россией, и формат ОДКБ. А у России, в свою очередь, есть вполне конкретные обяза-

тельства перед Арменией в сфере безопасности. Хотя, конечно же, сам факт членства Армении в ОДКБ не означает, что Еревану следует надеяться, что все члены этой военно-политической организации в случае необходимости поддержат его при агрессии со стороны Азербайджана. Вряд ли можно представить себе, что казахский флот на Каспии вдруг появится у берегов Апшерона, или что таджикские пехотинцы будут воевать за Карабах. Но то, что двусторонний формат армяно-российских военно-политических отношений прямо вовлекает Россию в случае возобновления военной фазы карабахского конфликта, не вызывает сомнения даже у самых воинственно настроенных политиков в Баку.

После боевых действий в Южной Осетии значительно повысились и внутривнутриполитические риски для Азербайджана в случае инициирования войны в Карабахе. Поражение в новой войне для Азербайджана будет означать не только окончательную потерю Карабаха. Результатом нового поражения Баку в войне за Карабах может стать падение правящего режима Алиевых, замена всей нынешней политической элиты Азербайджана, разрушение нефтегазового и коммуникационного секторов азербайджанской экономики, а также возможно и иные потери.

4. Военные уроки применительно к карабахскому конфликту

Оценивая первоначальные уроки «Пятидневной войны» в военно-технической сфере, прежде всего надо отметить, что по сравнению со многими недавними локальными войнами и конфликтами, августовские боевые действия в Южной Осетии отличались очень активным использованием тяжелой артиллерии и боевой авиации грузинской и российской сторонами. В частности, операция грузинских сил в Южной Осетии в начальный период характеризовалась необычно массовым применением тяжелой артиллерии, реактивных систем залпового огня (РСЗО), а в первые два дня, вплоть до активного вовлечения российских ВВС, и боевой авиации – модернизированных штурмовиков Су-25. Впрочем, на завершающем этапе действия российской артиллерии и авиации также приобрели очень широкий размах, что в итоге и явилось важнейшей причиной столь быстрой деморализации и разгрома грузинских войск в Южной Осетии.

Ставка грузинского командования на успех в скоротечной дистанционной бесконтактной войне не оправдалась. Массовое применение грузинскими войсками РСЗО в ходе первого огневого налета на Цхинвал и его окрестности в ночь с 7 на 8 августа, конечно же, выглядело весьма эффектно и устрашающе, но с чисто военной точки зрения не решило поставленных задач и не смогло полностью подавить позиции осетинских войск и российских миротворцев в Цхинвале. Более того, несмотря на заявленные осетинскими властями и рос-

сийскими СМИ значительные жертвы среди мирного населения, потери от использования РСЗО против жилых кварталов столицы Южной Осетии и окрестных сел в реальности были ниже. Хотя в результате обстрелов грузинскими РСЗО «Град» и их чешскими аналогами – системами RM-70, Цхинвалу был причинен значительный материальный ущерб, тем не менее, жертвы среди мирного населения и осетинских ополченцев, согласно докладам ряда международных организаций (например, центра «Мемориал» и *Human Rights Watch*) в реальности оказались на порядок меньшими, чем было объявлено ранее [10].

Впрочем, не вполне эффективное использование 122-мм РСЗО «Град» грузинскими войсками при штурме Цхинвала, возможно, компенсировалось более удачным использованием нескольких систем более мощного калибра (122/160-мм израильских РСЗО *GradLAR*, а также, возможно, югославских 262-мм «Орканов»). В частности, данные системы, как свидетельствуют очевидцы, использовались при обстреле более удаленных населенных пунктов к северу от Цхинвала, а также при дистанционном минировании и обстрелу коммуникаций в направлении Рокского туннеля и Транскама, с целью затруднения прибытия подкреплений на помощь защитникам осетинской столицы.

Намного более эффективно непосредственно в ходе боев проявила себя ствольная и самоходная артиллерия грузинской армии – 152-мм орудия «Гиацинт-Б», 152-мм САУ «Дана» и 2С3 «Акация», а также дивизион из 6 тяжелых 203-мм САУ «Пион». Они действовали с активным использованием данных от беспилотных летательных объектов (БПЛО) и современных западных систем управления, целеуказания и корректировки огня. В частности, это особенно проявилось в боях со второй половины дня 8 августа и вплоть до 10 августа, когда грузинская тяжелая самоходная артиллерия (совместно с артиллерией и батальонными минометами 2-й и 3-й пехотных бригад) довольно эффективно вела огонь по колоннам пробивающихся к Цхинвалу по объездной Зарской дороге частей 58-й российской армии. Как известно, именно эти колонны наступающий по Зарской дороге 19-й мотострелковой дивизии Северокавказского военного округа, а также участвующие в боях к северу от Цхинвала – в районе Тлиакана и высоты Сарабук - подразделения российских войск понесли самые существенные потери за весь период «Пятидневной войны», в первую очередь именно от действий грузинской артиллерии, огонь которой корректировался БПЛО, отрядами спецназа и т.д.

Довольно эффективно действовала ПВО грузинской армии, оснащенная поставленными из Украины ЗРК «Бук-М1» среднего радиуса действия, а также ЗРК «Оса» и «Оса-АКМ» ближнего радиуса. По не уточненным данным, на вооружении грузинской армии находилось также несколько новых ЗРК ближнего

радиуса действия *Spyder*, поставленных Израилем. По самым скромным оценкам, в ходе боев ПВО Грузии сбили не менее 7 самолетов ВВС России, в том числе средний стратегический бомбардировщик Ту-22М3. Но эффективность грузинской ПВО могла бы быть значительно выше, а потери российской авиации – значительно большими, если бы она попыталась бы действовать до последнего дня боев. Однако паника, охватившая грузинскую армию, видимо, не обошла стороной и зенитчиков, иначе российские войска не захватили бы в районе Сенаки в Западной Грузии несколько брошенных грузинской армией пусковых установок ЗРК «Бук-М1» в рабочем состоянии, а группировка российских войск в Южной Осетии – еще несколько грузинских ЗРК «Оса».

По имеющимся данным, российская армия на заключительной фазе боевых действий в Южной Осетии весьма эффективно использовала для ударов по позициям грузинской армии в Южной Осетии РСЗО «Ураган» и тактические ракетные комплексы «Точка-У», а также возможно и РСЗО «Смерч». Именно в результате использования этих систем в сочетании с массовыми бомбо-штурмовыми ударами авиации российская армия нанесла грузинским войскам значительные потери, повлекшие их деморализацию и последующее отступление.

Анализ многих из вышеуказанных аспектов «Пятидневной войны» привлекает особое внимание многих экспертов по проблемам безопасности, занимающихся карабахским конфликтом. Можно уверенно утверждать, что по многим аспектам уроки августовских боев создают почти зеркальные аналогии с военно-политической ситуацией вокруг Нагорного Карабаха, но с другой стороны – наоборот, имеются кардинальные отличия.

Например, сразу же бросается в глаза схожая ситуация в вопросе форсирования милитаризации и ускоренного оснащения своих вооруженных сил обеими странами – бывшими «метрополиями», готовящимися к военному пути разрешения конфликтов со своими бывшими автономиями. Это заметно, в первую очередь, в ускоренных и массовых закупках наступательных вооружений, особенно бронетехники, а также тяжелой и реактивной артиллерии и ракетных систем. В частности, Азербайджан в последнее время особое внимание уделяли закупкам именно различных систем тяжелой артиллерии, РСЗО, и даже оперативно-тактических ракет. Кроме этого, Азербайджан (как и Грузия) в последние годы закупил в Украине 203-миллиметровые тяжелые самоходные гаубицы «Пион» и израильские РСЗО *GradLAR*. В отличие от Тбилиси, Баку приобрел также модернизированный и более мощный вариант израильской РСЗО *Lupx* с 300-миллиметровыми ракетами *EXTRA* [11]. Предполагается наличие на вооружении Азербайджана также 220-мм РСЗО «Ураган», являющихся дальнейшим и несколько более мощным развитием 122-мм систем БМ-21 «Град». Азербайджан также закупил в Украине не имеющие аналогов в настоящее время 300-

миллиметровые РСЗО «Смерч», а в России – оперативно-тактические ракетные комплексы «Точка-У». Кроме того, азербайджанские войска, как и грузинская армия, в последнее время приобрели большое количество израильских БПЛО различных типов, что позволяет им более эффективно использовать артиллерийские и ракетные системы в случае ударов по позициям карабахских войск и армянской армии. Особенно ощутимые последствия это будет иметь в случае первого удара азербайджанской артиллерии и ракетных систем по позициям ПВО Армии обороны Нагорного Карабаха.

Как и Грузия, Азербайджан за все последние годы активно увеличивает танковый парк своих вооруженных сил, и опять таки основным его поставщиком является Украина, где с 2003г. Баку закупил десятки танков Т-72. По примеру Тбилиси Баку также принял решение закупить в Украине зенитно-ракетные комплексы «Бук-М1», видимо учитывая то, что они довольно хорошо зарекомендовали себя в ходе «Пятидневной войны». Согласно подписанному осенью 2008г. контракту на сумму около \$336 млн, компания «Укрспецэкспорт» планирует до конца года поставить Азербайджану 46 танков Т-72 и 3 зенитно-ракетных комплекса «Бук-М1» (ЗРК «Бук-М1» встанут на боевое дежурство только весной 2009г., так как азербайджанские специалисты, которые должны их обслуживать, должны пройти специальное обучение в Украине) [12]. Однако не только Украина активно пополняет танковый парк Азербайджана. По сведениям Регистра ООН по конвенциональным вооружениям, Россия также в 2007г. поставила Баку фактически два батальонных комплекта – 62 танка Т-72, а также 4 ББМ [13].

Несмотря на активное использование сторонами дальнбойной артиллерии¹, РСЗО и боевой авиации, «Пятидневная война» в Южной Осетии, как и многие иные локальные конфликты современности, подтвердила, что основной исход боевых действий решается в ближнем контактном бою. Именно от слаженности, технической оснащенности, наличия боевого духа и морально-психологической мотивировки небольших подразделений противостоящих сторон зависит исход войны в подобного рода локальных вооруженных конфликтах, особенно если эти конфликты еще и являются этнополитическими². Это в

¹ По сведениям грузинских источников, в ходе «Пятидневной войны» одни только 203-мм САУ «Пион» в течение первых 3 дней боев выпустили более 600 снарядов по Цхинвалу и окрестным населенным пунктам, а РСЗО *GradLAR* израильского производства – свыше 300 ракет. См. подробнее: *Аладашвили И.* «300 артиллерийских снарядов были выпущены одновременно, утверждает начальник штаба грузинской артиллерийской бригады» // «Квилис палитра», 25.08.2008 (на груз. яз.).

² Во многом аналогичная ситуация складывается и в зоне карабахского противостояния. В частности, это подтверждают итоги боя 3-4 марта у села Леонарх Мартакертского района НКР, который явился самым масштабным боевым столкновением на линии противостояния в Карабахе после заключения перемирия в мае 1994г. В ходе этого боя разведывательная рота 703-й бригады азербайджанской армии, воспользовавшись поствыборными событиями в Ереване 1-2 марта 2008г., попыталась провести «разведку боем» карабахских позиций на северо-восточном участке линии фронта, но потерпела неудачу, понесла ощутимые потери.

полной мере вновь подтвердили боевые действия в Цхинвале 8-10 августа 2008г., когда, несмотря на многократное численное превосходство, грузинские войска так и не смогли окончательно взять под свой контроль столицу Южной Осетии и пробиться к грузинонаселенным анклавам к северу от города – Тамарашени, Кехви, Курта. По утверждениям главнокомандующего сухопутными войсками России генерала армии В.Болдырева, вплоть до 9 августа 2008г. численное превосходство грузинских войск над российскими частями в зоне конфликта и осетинскими подразделениями было почти десятикратным, да и в дальнейшем группировка российских войск в Южной Осетии была сравнима по численности с грузинскими войсками [14].

Скоротечная «Пятидневная война» в Южной Осетии и операция абхазских сил в Кодорском ущелье показали и то, как важно в современных локальных конфликтах правильное соотношение и верное использование сторонами регулярных частей постоянной готовности и массовых контингентов резервистов. В условиях скоротечности боевых действий обернулась полным провалом массовая мобилизация грузинских резервистов, прошедших минимальную подготовку, мало знакомых с военным делом и театром военных действий. Они не только не повысили боеспособность грузинской армии, а, скорее, наоборот: с одной стороны, массы неподготовленных резервистов перегружали коммуникации грузинских войск, с другой – вскоре начавшаяся среди резервистов паника перекинулась на регулярные войска и местное население в грузинонаселенных анклавах Южной Осетии¹. Кроме того, после боев значительная часть стрелкового оружия так и осталась на руках у резервистов и не была возвращена властям, что в перспективе, естественно, будет способствовать криминализации страны.

И наоборот, очень эффективной оказалась мобилизация резервистов в самих непризнанных республиках, обеспечиваемая практически со стопроцентным результатом (с учетом того, что в Абхазии и Южной Осетии, как и в Нагорном Карабахе, резерв формируется на так называемой милиционной основе из числа практически всего мужского населения). Это связано с тем, что у населения непризнанных республик значительно более высокая мотивировка к участию в боевых действиях. Причем в рядах абхазских или осетинских резервистов удельный вес ветеранов и участников боевых действий был несравнимо выше, чем среди необстрелянных молодых грузинских резервистов. Применительно, скажем, к Нагорному Карабаху это означает, что при возобновлении боевых действий у армии обороны НКР будет больше возможностей повысить

¹ До сих пор в Грузии не опубликованы данные о потерях среди резервистов в ходе августовских боев 2008г., хотя уже имеются списки погибших военнослужащих Министерства обороны и сотрудников МВД. Это позволяет предположить, что, несмотря на малую эффективность использования резервистов грузинской армией, их потери в ходе боев были весьма значительными.

численность своих вооруженных сил боеспособным резервом, чем у Азербайджана. Впрочем, в такой ситуации проблема с призывом резервистов может встать не только перед Азербайджаном, но и перед Арменией.

Технически очень хорошо оснащенная, с первоначально высоким боевым духом грузинская армия уже на исходе третьего-четвертого дня боевых действий в Южной Осетии в основном оказалась деморализованной (за исключением подразделений спецназа и части артиллерии) и не смогла восстановить свою боеспособность за счет призыва новых частей резервистов. С аналогичной ситуацией может столкнуться и азербайджанская армия в Карабахе. Таким образом, с учетом опыта августовских боев, возможность ведения долговременных боевых действий в Карабахе с военной точки зрения для Азербайджана не будет настолько выгодной, как это кажется на первый взгляд.

Другим серьезным уроком как «Пятидневной войны», так и многих последних локальных войн, должна стать переоценка эффективности применения полевых и долговременных фортификационных сооружений, созданных с учетом рельефа местности. Одним из важнейших уроков войны в Ливане 2006г. явилось удачное использование «Хизбаллой» развитой системы фортификационных сооружений, максимально приспособленных для мобильной обороны, вдоль всей южной границы Ливана с Израилем. В результате, летом 2006г. бойцы «Хизбаллы» смогли не только нанести значительный урон противнику, но и существенно задержать его продвижение в глубь Ливана в условиях полного господства израильской авиации и значительного преимущества ЦАХАЛ в артиллерии и бронетехнике, не понеся при этом серьезных потерь. В случае же с августовскими боями в Южной Осетии у осетинских частей не было возможности подготовить такого рода фортификационные линии (в силу «шахматного» расположения населенных пунктов со смешанным грузинским и осетинским населением и недостаточной глубины позиций). В силу этого был вполне закономерным быстрый прорыв грузинскими войсками позиций осетинских войск и постов миротворцев к югу от Цхинвала и продвижение в центр города. Если же рассматривать данную ситуацию применительно к Нагорному Карабаху, то абсолютно ясно, что нынешняя линия фронта и существующие фортификационные позиции Армии обороны НКР вдоль всей линии соприкосновения сторон значительно облегчают ведение оборонительных действий карабахской армией, снижают силу первого удара азербайджанских войск и исключают саму возможность осуществления ими «блицкрига». Фортификационные линии абсолютно не являются панацеей в современных локальных конфликтах, но очевидно, что при умелом использовании они значительно усложняют задачи наступающей стороны и дают существенные преимущества обороняющейся.

Российские военные эксперты объясняют столь неожиданно быструю деморализацию и коллапс грузинской армии в ходе августовских боев 2008г. результатом имеющейся у грузинского военно-политического руководства (наряду с демонстративной самоуверенностью) излишней веры в *априори* бесспорное превосходство так называемых «западных военных стандартов» над «незападными». Ведь в военной сфере, как и во многих других сферах общественно-политической жизни, «имитационное» и показное наложение «западных стандартов» абсолютно не дает никаких гарантий для их эффективного функционирования. Приводя аналогию с неожиданно быстрым развалом армии Южного Вьетнама в 1975г., эксперты отмечают, что, как и грузинские войска, южновьетнамская армия была хорошо оснащена и вооружена американским оружием, построена и обучена в соответствии с американскими военными стандартами и уставами и под руководством американских военных инструкторов, но в очень короткое время была разгромлена армией Северного Вьетнама, представляющей собой некий гибрид местной специфики полупартизанских формирований с использованием советской и китайской военной организации, тактики и вооружения. «Сами по себе «западные стандарты» военной организации не гарантируют превосходство над «незападными» армиями» [15]. Анализ осуществляемых в азербайджанской армии военных реформ позволяет предположить, что военное руководство Азербайджана так же, по всей видимости, пошло по аналогичному пути декларативного копирования «западных стандартов» вместе с численным наращиванием ВВТ и личного состава вместо реального повышения боеспособности своих вооруженных сил путем глубоких структурных реформ в системе управления, комплектования и кадров. В результате, как подчеркивают эксперты авторитетной Международной кризисной группы (*ICG*), стереотипно мыслящее военное руководство Азербайджана лишь использует «про-натовскую» пропаганду и формально имплементирует западные военные стандарты, что не может серьезно сказаться на реальном повышении боеспособности азербайджанской армии [16].

И, наконец, важнейшим именно военным итогом боевых действий стало очередное подтверждение вечно тезиса Клаузевица о том, что любой первоначальный успех в войне бесполезен, если нет ее политической составляющей. Несмотря на значительные недостатки в чисто военной сфере, основные причины поражения грузинской армии в «Пятидневной войне» лежат в политической плоскости. Исход «Пятидневной войны» предопределило то, что возможность быстрого и открытого вовлечения российской армии в боевые действия в Южной Осетии властями Грузии всерьез не рассматривалась. Заместитель министра обороны Грузии Бато Кутелия в одном из интервью даже признал, что вероят-

ность открытого военного столкновения с Россией не предусматривалась и была абсолютно неожиданной для военного и политического руководства Грузии [17]. Более того, как подчеркивают западные военные эксперты, грузинское военно-политическое руководство не только всерьез не рассматривало возможность быстрого и прямого вовлечения России в боевые действия, но даже в текстах действующих фундаментальных документов страны в сфере национальной безопасности и обороны, таких как Стратегия национальной безопасности, Военная стратегия и Обзор национальных угроз (*National Threat Assessment*), прямо отмечалась очень низкая вероятность «открытой военной агрессии против Грузии» [18].

С вовлечением российской армии в боевые действия против Грузии их исход уже не зависел ни от каких факторов внезапности, первоначального технического и психологического превосходства или же уровня боеспособности отдельных подразделений грузинской армии – теперь дело решала обыкновенная арифметика. Как представляется, именно первичность политических обстоятельств (или политических ограничителей) по отношению к любым военным возможностям, даже изначально очень выгодным для одной из сторон, и должна рассматриваться как важнейший военный урок августовской войны 2008г.

Заключение

Таковы основные параметры развития политических процессов и позиций основных мировых центров силы на Южном Кавказе после августовской войны между Россией и Грузией. Можно утверждать, что после «Пятидневной войны» динамика процессов вокруг Карабаха остается в основном прежней, но региональный фон и политические составляющие вокруг вовлеченных в конфликт сторон несколько изменились. Девальвировались также и политические предпосылки для возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта, следовательно – снизились общие военные риски в регионе Южного Кавказа.

Конечно же, вышеуказанные обстоятельства не способны в обозримом будущем снизить общую напряженность в зоне карабахского конфликта или же, например, ликвидировать полностью риск возобновления боевых действий по инициативе Баку (даже на фоне напрашивающейся аналогии с неприятными для другой бывшей «метрополии» итогами войны в Южной Осетии или же на фоне подписания 2 ноября 2008г. Ильхамом Алиевым своеобразного «Пакта о ненападении» в виде «Декларации трех президентов»). Естественное и неизбежное состояние реваншизма азербайджанской политической элиты, как показывает мировой опыт, может сохраняться в течение долгого времени. Как указывал в свое время немецкий военный классик Карл фон Клаузевиц, поражение в войне практически никогда не рассматривается потерпевшей стороной как аб-

солютная и окончательная реальность, «ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями» [19]. Равно как и изменение регионального политического фона не в пользу проигравшей страны также не всегда снижает остроту восприятия конфликта или же усиливает в ней «миротворческие» настроения.

Временной фактор, тем не менее, играет определенную роль в деактуализации радикальных настроений в обществах стран, находящихся в состоянии конфликта с соседями. Радикализм проигравшей в локальном этнополитическом конфликте стороны может ослабнуть лишь тогда, когда у нее пропадет внутренняя надежда вновь выиграть у победителя. В исторической перспективе это может быть результатом или значительного усиления потенциала победителя над проигравшим за все время после победы и осознанием нереальности реванша, или же повторным или многократным поражением страны-реваншиста. Еще более существенным фактором является динамика внешнеполитического фона и корректировка подходов ведущих мировых и региональных игроков или же изменение существующего статус-кво в данном регионе. Впрочем, последнее обстоятельство – изменение или скорее формирование совершенно нового статус-кво на Южном Кавказе после «Пятидневной войны» – уже произошло и стало политической реальностью.

Ноябрь, 2008г.

Источники и литература

1. *Авалиани Д., Букия С., Цхурбаев А., де Ваал Т.*, Как началась война в Грузии // IWPR CRS, №456 (www.iwpr.net), 27.08.2008.
2. *Мишин В.*, Плата за форс-мажор: упущенная выгода и убытки Азербайджана и Грузии в августе 2008 года превысили миллиард долларов // НГ-Энергия, 14.10.2008.
3. Простой нефтепровода Баку – Джейхан и каспийских нефтяных платформ сказано на банковском секторе Азербайджана // www.regnum.ru, 29.09.2008.
4. См. подробнее: *Минасян С.* Нефтяной фактор в карабахской стратегии Азербайджана: «ресурс» или «проклятие»? // www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=1118, 25.04.2008.
5. См. подробнее: *Минасян С.* Особенности «карабахской стратегии» Азербайджана: политика «периферийных действий», нефтяные ресурсы и гонка вооружений // 21-й Век, № 2 (8), 2008.
6. Армения в турецкой схеме – альтернативный Грузии маршрут прокачки азербайджанской нефти: Али Бабаджан // www.regnum.ru, 08.09.2008.
7. *Охрименко И.В.*, Турция и кризис на Кавказе: некоторые политические и экономические аспекты // www.iimes.ru, 19.10.2008.
8. *Гулиев Э.*, Браво Грузия, или как нам отныне называть Россию? // Day.az,

- 09.08.2008.
9. *Габуев А., Соловьев В., Мустафаев Р., Двали Г.*, Дик Чейни ошибся Каспием: Ильхам Алиев не торопится поддержать проект *Nabucco* // Коммерсантъ, №159 (3976), 05.09.2008.
 10. Правозащитники не смогли установить точное число погибших мирных жителей в Южной Осетии // www.rian.ru, 11.09.2008.
 11. Крупные поставки израильского оружия в страны СНГ // Военный вестник Израиля, №13, 24.08.2008.
 12. Украина поставит Азербайджану очередную партию оружия // <http://azertopnews.3dn.ru/news/2008-10-09-476>.
 13. http://disarmament.un.org/UN_REGISTER.nsf.
 14. Броня. Огонь. Маневр. На вопросы «Красной звезды» отвечает главнокомандующий сухопутными войсками генерал армии Владимир Болдырев // Красная звезда, 30.09.2008.
 15. *Barabanov M.*, The August War between Russia and Georgia // Moscow Defense Brief, №3 (13), 2008, p. 11.
 16. Azerbaijan: Defence Sector Management and Reform // Europe Policy Briefing №50, International Crisis Group, 29.10.2008, p.10.
 17. *Cienski J.*, Tbilisi Admits Misjudging Russia // Financial Times, 21.08.2008.
 18. *Giragosian R.*, Georgian Planning Flaws Led to Campaign Failure // Jane's Defence Weekly, 15.08.2008.
 19. *Клаузевиц К.*, О войне. М. – СПб, 2007, с. 27.

MILITARY-POLITICAL CONSEQUENCES OF “FIVE-DAY WAR»

Sergey Minasyan

Resume

In the article are elucidated the main consequences of “Five-day war” in August 2008 between Russia and Georgia and the new political situation in the South Caucasian region. Here is analyzed their influence on political processes in the Karabakh conflict zone as well as in the context of attempts activating policy carried out by Turkey and Russia in the post-war period, as well as perspectives of regional security and conflict settlement. In the article it is also spoken about military consequences of “Five-day war” in conformity with the Karabakh conflict.

АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СВЯЗИ

Артем Саркисян

В статье рассматривается цивилизационный аспект армяно-византийских взаимоотношений, в том числе, в общих чертах, деятельность византийских армян. Хотя между прошлым и настоящим прямая связь не проводится, тем не менее, затронутый в статье материал, несомненно, обретает актуальность в свете современных мировых интеграционных процессов и представляет интерес с точки зрения перспектив участия армянства в этих процессах.

I

Сегодня, когда человечество решительно вступило в эру глобализации и на первый план выдвигаются межцивилизационные отношения, для каждой из цивилизаций приоритетное значение получает поиск тех средств, которые позволят сохранить собственную идентичность. Это особенно верно для такой своеобразной цивилизации, как армянская. На вызовы глобализации Армения и армянство в принципе могут дать минимум три ответа: а) объявить «войну» этому процессу, закрыть перед ним собственные «двери», создать тепличные условия собственного существования; б) поддаться глобализации, не сумев сохранить свою самобытность, и стать, в лучшем случае, жалким придатком более крупных цивилизационных субъектов; г) мобилизовав собственные цивилизационные ресурсы, достойно интегрироваться в мировые процессы и суметь обозначить в пределах единого мира собственные национально-цивилизационные границы. Бесперспективность первых двух вариантов армянского цивилизационного развития очевидна, чего не скажешь о третьем.

Мобилизация цивилизационных ресурсов, в числе прочего, предполагает наличие такого стратегического фактора, как создание целостного представления о собственном историческом прошлом. При этом собственная история рассматривается и как органическая целостность внутренних отношений (концепция целостности и перманентности истории), и как компонент системы внешних взаимосвязей (национальная история в контексте всемирной истории). И

внутренние, и внешние отношения исторической структуры предстают в качестве доказуемых (следовательно – осмысляемых) реалий, что позволяет понять истоки настоящего и во многом предвидеть грядущие перспективы. Таким образом, постоянное обращение к историческому прошлому, его переосмысление всегда актуально. Правда, обстоятельства прошлого и настоящего отличаются друг от друга, но неизменны (по большому счету) принципы и векторы исторического развития. И каждая новая интерпретация последних может привести к новым вехам национального становления.

II

Рассматривая армянскую историю в контексте всего вышесказанного, можно заметить, что армянство не было безучастно к целому ряду глобализационных процессов прошлого: например, в древности – к становлению иранской, эллинистической, а затем и древнеримской цивилизаций, распространению христианства на заре средневековья, позднее – к формированию так называемого «византийского содружества»¹. В ряду этих процессов последний стоит особняком. Во-первых, он в той или иной степени включал в себя плоды предыдущих и, будучи их логическим продолжением, носил более широкоохватный и глубокий характер. Если, например, созданная в VIв. до н. э. Персидская империя (куда входила и Армения) опиралась преимущественно на военно-административные механизмы, содержала значительный элемент насилия и представляла собой по большей части искусственное объединение разных народов, то в «византийском содружестве» в качестве объединяющего фактора выступала культура. Активные культурные взаимовлияния народов «содружества» чаще протекали независимо от их политических отношений и того, объединены ли эти народы в рамках одного государства. Во-вторых, Армения вступила в «византийское содружество», будучи по сравнению с прошлым более зрелой цивилизацией. До эпохи раннего средневековья Армения находилась в тени ближневосточной (в первую очередь, персидской) цивилизации и проходила через некий, так сказать, инкубационный период. При этом в Армении происходило постепенное накопление собственных и заимствованных цивилизационных технологий, среди которых важнейшее значение имели принятие христианства и изобретение армянского алфавита. Христианизация (особенно в условиях падения царства Аршакидов) принесла с собой новые векторы бытия. Изобрете-

¹ Конечно, упомянутые процессы лишь с оговорками можно называть глобализацией. По сравнению с настоящим, их география и охват были в той или иной степени ограниченнее. Кроме того, глобализационные процессы прошлого носили дискретный характер. Впрочем, с другой стороны, очевидна их историческая роль в подготовке современной всемирной интеграции.

ние же алфавита, обобщив формирование армянской цивилизации как самостоятельного информационного пространства, предоставило возможности осуществления этих новых векторов.

Армяно-византийские интеграционные процессы выделяются и геополитическими условиями той эпохи. Как известно, Армения издревле находится в зоне перекрестка-столкновения цивилизаций (упрощенно – Запада и Востока). На смену начавшимся в результате восточных походов Александра Македонского (IV в. до н. э.) интеграционным процессам в начале нашей эры пришло постепенное нарастание напряженности между, с одной стороны, обобщенным в лице Римской империи Средиземноморьем и, с другой стороны, противостоящей ему той или иной восточной империей (в некоторой степени – парфянской, более выражено – сасанидской, наконец – арабской). Эта конфронтация достигла апогея, когда Запад и Восток были отделены друг от друга христианской и исламской религиями. В условиях разобщенности между двумя этими полюсами для Армении постепенно становится недостижимым осуществление внешнеполитической доктрины, провозглашенной еще армянским царем Трдатом I (52-80-ые гг.): «Дружба с Римом и Ираном» [1, § 31]. Уже в III-IV веках, после Сасанидского переворота в Иране перед Арменией встал вопрос внешнеполитической (и цивилизационной) ориентации, который армянский царь Трдат II (298-330гг.) решил категорически в пользу Рима (Византии). Существующая ранее формальная зависимость Армении от Рима стала реальной. Более того, отношения между Арменией и Римом обрели новый духовный смысл. Дело в том, что при римском императоре Диоклетиане (284-305гг.) была разработана (или, во всяком случае, получила окончательный вид) идея «идеальной или духовной семьи», куда по иерархическому принципу входил сам император («духовный отец»), младшие представители его династии («младшие духовные братья»), а также зависимые от Рима правители и монархи («духовные сыновья») [2, § 41; 3, сс. 24-25; 4, с. 246]. После христианизации всей империи эта идея получила новое обоснование. Согласно формулировке, предложенной в начале IV в. одним из известных отцов церкви Евсевием Кессарийским, Римская империя являлась земной ипостасью идеального Царствия небесного. В свою очередь, император рассматривался как подобие Господа и «духовный отец» всех верующих, источник и гарант благоустройства во всем христианском мире [5]. Христианский мир – ойкумена, воспринимался как одна семья (с единой всемирной церковью), где Римской империи (после распада которой в 395г. ее место заняла Восточно-римская, или Византийская) отводилась роль центра. В Западной Европе эта идея, пусть и формально, признавалась вплоть до 800г., когда правящий франками Карл Великий был провозглашен римским импера-

тором [6, с. 120]. О том, что византийских императоров и армянских царей из династии Багратуни связывали отношения «любимых (духовных) отцов и сыновей», свидетельствуют средневековые источники [7, т. 143, 163, 203; 8; 4, с. 250; 9, р. 234]. Эти отношения носили сакральный характер и были унаследованы от эпохи Аршакидов, когда они обладали реальным политическим содержанием. После падения царства Аршакидов (во всяком случае, с конца VI в. – начала VII в.) в иерархии римского (византийского) мира место армянских царей заняли министры и армянские нахарары (князья). В соответствии с этим они получали от византийского двора почетные титулы – куропалатов, патрикиев, магистров и т.д., и рассматривались как «подопечные» императора. Эти сакральные связи не прервались и тогда, когда империя в результате арабских завоеваний утратила контроль над Арменией. Для действующей под игом мусульманского ига армянской элиты сохранение этих связей имело нравственное и политическое значение. Положение того или иного деятеля в римской иерархической системе поднимало его в глазах остальных. Одновременно «родственные» отношения с императором способствовали определенному сдерживанию арабской политики в Армении. Наконец, в случае необходимости они позволяли армянским министрам найти в Византии пристанище и интегрироваться в тамошнюю общественно-политическую жизнь [9, pp. 233-239; 2, т. 40].

В отличие от Западной Европы, в связях Армении с Византией (вплоть до XI в.) наиболее выраженными и эффективными были именно отношения в духовной сфере. Вместе с крещением они приняли и ту, так сказать, специфическую для христианства миссию, суть которой заключается в создании общества, живущего в соответствии с божественными заповедями, – нового Израиля [7, т. 187, 219; 10, с. 88]. В отличие от подобных миссий языческого периода, христианская характеризуется как внутренней, так и внешней направленностью. Во внутренних отношениях она заключается в создании зиждущихся на христианском миропонимании ценностей в самых разных сферах (общественная мысль, искусство, социальные отношения, право и т.д.), то есть – в расширении духовных границ христианства. Внешние проявления этой миссии заключались в распространении Слова Божия среди язычников (расширение географических границ христианства), а также активном обмене культурными ценностями с единоверными народами. В этом процессе лучшими партнерами во всей христианской ойкумене, благодаря занимаемому положению, были Византия и Армения. Находясь на границе христианского мира и ведя непрерывающуюся борьбу за сохранение собственной идентичности, эти две страны фактически выполняли роль авангардных защитников христианства, обладающих общими историческими задачами. В эпоху раннего средневековья Европа пережила тра-

гедию и глубокий упадок в связи с падением Рима. В свою очередь, раннехристианские центры Востока – в Ассирии, Египте, Междуречье, Карфагене и проч., в VII веке подверглись арабским нашествиям и постепенно были поглощены мусульманским миром, лишившись широких перспектив духовного развития. В этих условиях Византия и Армения несколько веков оставались основными центрами, созидающими христианские цивилизационные ценности.

Естественно, в их взаимоотношениях главная роль принадлежала Византии. И причиной тому не только имперский статус последней со всеми его ресурсами. Главным преимуществом этой империи были унаследованные ею мощные традиции античности, в недрах которых, кстати, и зародилось христианство. Армения в дохристианский период была знакома с этими традициями, но только после принятия христианства армянство получило возможность полноценного ознакомления с ними. Византия, точнее стоявший у ее истоков эллинистический мир, предстала перед Арменией как достойный подражания мир идеальных парадигм или архетипов обеспечения симбиоза в сфере культуры.

В основе этого подхода лежит осознание того, что эллинистический духовный мир первым распростерся до пределов ойкумены, обретая мировое значение [ср. 11, 69, 444 У, 444 Ф]. Таким образом, Византия, по крайней мере на первых порах, выступила для Армении в качестве своеобразного законодательного центра христианского бытия. В первую очередь, у империи были позаимствованы церковная иерархия, правила, символы, обряды и церемониал. Из распространившихся в Византии в IV-V вв. конфессиональных течений официального признания в Армении удостоилось учение Александрийских отцов (в основном патриарха V в. Св. Кирилла) о монофизитстве Христа¹.

Наряду с организацией церкви и изобретением алфавита армяне переняли от империи и духовные песнопения, несколько веков развивая их созвучно византийскому образцу. В V в. в новосозданную армянскую духовную музыку проникли разные жанры: псалом, гимн (шаракан) и т.д. По аналогии с византийцами армянские церковнослужители так же основное внимание обращали на гимны. Вслед за греческой церковью в VIII в. был учрежден официальный репертуар литургии – канон. По своему содержанию примыкал к греческому источнику

¹ Не нужно воспринимать принятие монофизитства армянской церковью (на Двинском соборе 506г.) как стремление окончательно противопоставиться Византии, где в 451г. на Халкидонском вселенском соборе был принят догмат о двойственности природы Христа. Армянская церковь всего лишь сохранила верность решению Эфесского вселенского собора 431г., на котором одержало верх учение Св. Кирилла. Кроме того, армянская церковь одобрила меры императора Зенона (474-491гг.), направленные на примирение халкидонян с антихалкидонянами, значительное число которых сохранялось в Византии еще несколько сот лет. Наконец, монофизитство было принято в Армении тогда, когда это учение временно было признано самими имперскими властями, в частности благодаря усилиям императора Анастасия I (491-518гг.). Другое дело, что победа разных конфессиональных течений в Армении и Византии способствовала их определенной конфронтации.

ку и составленный в Vв. армянский часослов. В качестве основного чина литургии армяне выбрали чин, составленный в IVв. Василием Кессарийским. Позднее, в VIв. в Византии сформировалась признанная и в Армении система традиционных музыкальных ладов – восьмиголосие (октоикос). Наконец, была перенята греческая система нотной записи (невмаграфии, знаменной записи), заложившая основу искусства хазов-нот [12, h. 2, էջ 468, h. 4, էջ 272, h. 5, էջ 703, h. 8, էջ 460, h. 9, էջ 146-147, h. 12, էջ 199].

Настоящий переворот в армянской действительности вызвало знакомство с греческой общественной мыслью и наукой, ставшее возможным благодаря изобретению армянского алфавита (кстати, основанного на греческом принципе письма). Обладающие богатыми научными традициями ранние византийские центры – Александрия, Афины, Константинополь, Антиохия, Эдессия, Трапезунд и т.д., в Vв. стали центрами образования и для армянского юношества с самым широким кругом интересов. Преуспевшие в греческом языке, эллинистической науке и поэтическом искусстве юноши развернули широкомасштабную переводческую деятельность. За короткое время на армянский были переведены многочисленные греческие произведения, представляющие самые разные сферы греческой культуры: философию, логику, грамматику, риторику, историографию, теологию, мартирологию, художественную литературу, музыкальное искусство. С переводами в армянский язык проникли и свойственные греческому богатство мысли и изысканность вкуса, логическая последовательность речи, научная терминология (благодаря созданию армянских аналогов). Эта продолжавшаяся несколько столетий (V-VIII вв.) неустанная работа составила содержание деятельности так называемой греческой школы, благодаря которой стало возможно зарождение разных направлений науки уже на самой армянской земле. Если в V-VI вв. в переводной литературе предпочтение отдавалось гуманитарным наукам, необходимым для идейного укрепления основ ортодоксального христианства в Армении, то в VIIв., благодаря деятельности Анания Ширакаци, большое значение стало придаваться и естествознанию. С греческой научной мыслью армяне усвоили и унаследованную от античности систему образования, основанную на «семи свободных искусствах» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка).

Это «грекофильское» движение, у истоков которого стояли Саак Партев и Месроп Маштоц, не прерывалось в течение всего средневековья и пережило новый расцвет в XI-XII вв. (благодаря Григорию Магистру, Нерсесу Шнорали и др.). В целом за период средневековья на армянский были переведены произведения примерно 70 эллинских авторов [13, էջ 151]. Пожалуй, мы не ошибемся, если отметим, что благодаря этому движению армянская идентичность стала

осознаваться как органичная часть мирового целого¹.

Менее значительным было византийское влияние на армянскую архитектуру. В раннехристианский период (IV-VI вв.) под греческим и ассирийским влиянием в Армении строились арочные базилики, которые, однако, не пользовались большой популярностью [14, р. 58].

Армянская скульптура, будучи ближе к восточному искусству барельефа, сравнительно мало обязана Византии, кирпичные церкви которой не позволяли развивать технику настенной скульптуры. Однако в раннем средневековье Армения в некоторой степени переняла византийский стиль капителей (например, в Звартноце). Точно так же большинство армянских орнаментальных форм перенято с форм позднеантичного периода, а раннехристианские барельефы по своей тематике примыкают к искусству восточных провинций Византийской империи. Зато в течение всего средневековья Византия оказывала сильное влияние на армянское прикладное искусство (ларцы для мощей, трехскладные изображения, посеребренные оклады книг). Это влияние заметно в выборе тем, иллюстрациях, стилистике [14, pp. 84, 86, 98-99].

Средневековая живопись достигла наивысшего уровня развития именно в Византии². Поэтому и армянское искусство живописи более всего обязано византийскому. Правда, фрески и росписи в Армении не обрели большого значения, что было обусловлено использованием камня в качестве строительного материала, а судить об армянских иконах чрезвычайно сложно, так как они не сохранились. Однако армянская миниатюра пережила бурный расцвет и подверглась сильному византийскому влиянию (пластика монументальный характер миниатюр и т.д.). По свидетельству местоблюстителя Католикоса Вртанеса Кертога (начало VII в.), именно при нем искусство миниатюры было привнесено в Армению из греческого мира. Оттуда же был усвоен прием изображения на миниатюре текста предыдущей или последующей страницы, а также цикл изображений, приуроченных к 12 основным христианским праздникам, который утвердился в миниатюрах и иконографии империи начиная с X в. Наконец, благодаря византийскому влиянию в армянской миниатюре постоянно ощущалось пантеистическое начало [14, pp. 110, 113, 115, 119, 133, 135].

В качестве отдельного, самостоятельного этапа византийского влияния выступает киликийское искусство XI-XIV вв.: архитектура, миниатюра, прикладное искусство (переплеты книг).

¹ Лучшее подтверждение сказанному – «Армянская история» Мовсеса Хоренаци и «Ашхарацуц» («Армянская География») неизвестного автора, где Армения (соответственно и ее историческое прошлое и география) рассматривается в общемировых рамках.

² Это было обусловлено не только сохранившейся со времен античности сложной техникой, но и той спасительной ролью, которую византийцы приписывали живописи [15, с. 469; 10, с. 166].

Однако армянское искусство не было ни провинциальным проявлением византийского, ни, тем более, его пассивной копией. Подвергаясь византийскому влиянию, армянское искусство проявляло и свою самобытность, а греческие мотивы подвергались его трансформации и, в свою очередь, влияли на соседнюю культуру. Сама византийская культура постоянно выступала как синтез античных традиций и ценностей народов региона, в котором свое достойное место занимали и армянские ценности. Так, определенно выявлено влияние армянской эпической, гусанской и духовной музыки на средневековые греческие эпические песни («Дигенис Акрит», «Песнь о сыне Армуриса», «Сказание о Феофилакте»), а также в духовной музыке – в дальнейшем развитии системы восьмиголосия и витиеватого стиля [12, h. 2, էջ 468, h. 3, էջ 378]. Взаимным было и влияние отдающей предпочтение декоративной отделке армянской живописи на византийскую. Так, с IX века в греческих миниатюрах помимо образов стал прорабатываться и орнамент. В следующем веке в декорировании византийских книг замечаются армянские мотивы: изображения птиц, листья граната, кусты ягод и т.д. В созданном XIв. армянском Евангелии появились изображения нагого Христа, распятого или получающего крещение, которые получили распространение также в византийской и европейской живописи. Разработанные в армянской миниатюре приемы отразились и во фресках каппадокийских церквей IX-XI вв. Влияние армянского декоративного искусства заметно также в византийской скульптуре. С IXв. по аналогии с армянскими мотивами на монументальных строениях европейской части Византии ваялись скульптуры реальных и вымышленных животных, переплетенные карнизы, декорированные кресты. Армянские хачкары повлияли на украшенные крестами греческие плиты X-XI вв. [14, pp. 108-109, 120, 136; 4, с. 480].

В армянском средневековом искусстве, пожалуй, самой самобытной и наиболее повлиявшей на византийское искусство была архитектура. Особенности последней были отличающиеся друг от друга, но искусно взаимосвязанные как внешняя, так и внутренняя планировка и обусловленное ею подчинение структурных и функциональных задач декоративным (пластичным и геометрическим) эффектам. Основной вклад армянской архитектуры в византийское строительное искусство – крестово-купольный тип церквей. Хотя купол как архитектурный элемент был привнесен в Армению извне, однако, согласно известному искусствоведу Йозефу Стрижиговскому (*J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien, 1918*), именно здесь купольные церкви получили целостное развитие (VII-XI вв.) наряду с решением сложных строительных задач. Купольные храмы разделились на два типа: купольные базилики и церкви с центрально-купольной планировкой. Последние, в свою очередь, были

представлены церквами, имеющими четырехугольную планировку или опирающимися на *трилистник*, *четырёхлистник*, *ниши*, купольными залами-церквами и крестово-купольными церквами. Переместившись в Византию, армянские архитектурные формы подверглись некоторой трансформации (например, произошедшая, согласно Й.Стржиговскому, в XIв. замена опирающегося на ниши четырехугольника барабаном), однако в своих основных чертах сохранились. План-трилистник широко применялся при строительстве церквей на горе святой Афон (Греция), начиная со старейшего католического храма Великой Лавры (961г.), основателем которой был армянин по национальности Св. Афанасий. Что касается армянского крестово-купольного типа, то в 880-ые гг. он в византийской архитектуре стал стандартным планом, благодаря осуществленному императором Василием I (867-886гг.) строительству церкви «Неа» (Новая). По всей видимости, Византия Армении и Грузии обязана развитием в IXв. двухэтажных прихрамовых часовен, предшествующие формы которых были переняты этими странами из Ассирии и Египта самое позднее в VIIв. Византийская архитектура также переняла из Армении трюмп, получивший признание в Константинополе и Элладе в конце X – начале XI вв. В это время армянская архитектура пользовалась большим признанием в Византии. Так, знаменитому Трдату было поручено восстановление купола константинопольского кафедрального собора Св. Софии, пострадавшего во время землетрясения 989г. [подробнее см.: 14, pp. 55 sqq.; 16, part I, pp. 615-616; 17]. Усвоенные Византией армянские архитектурные формы благодаря культурным связям империи не только распространялись в православных странах Европы, но и повлияли на западноевропейское зодчество Средневековья [14, pp. 55-57, 73, 76; 16, part II, pp. 369-371; 4, с. 519].

Примечательно, что активное воздействие армянского искусства на византийское (IX-XI вв.) хронологически совпадает, с одной стороны, с бурным расцветом культуры багратунийской Армении, а с другой – с так называемым «Македонским возрождением» в Византии (по имени императорской династии, имеющей армянское происхождение). Причем во взаимных контактах Армения служила своеобразным мостом, передавая Византии достижения восточного искусства (особенно декоративного), предварительно подвергнув их переобработке. В свою очередь, Византия служила таким же мостом при передаче армянских ценностей (особенно в сфере архитектуры) Европе.

Следует отметить, что распространение армянских (а через них и ближневосточных) культурных ценностей или влияния в Византии было в значительной степени обусловлено деятельностью императора и государственных деятелей армянского происхождения и, главное, наличием многочисленного армян-

ского населения, среди которого, естественно, были люди искусства и искусные мастера. Последние жили и творили не только в армянонаселенных областях Малой Азии или армянских областях империи, но и в Константинополе и сопредельных территориях (Фракия, Македония), участвуя в становлении, кристаллизации и развитии искусства в столице. То есть, армяне не только влияли на развитие византийской цивилизации в качестве соседей, но и напрямую участвовали в нем «изнутри».

III

Число армян, живших на территории империи еще с античной эпохи, возросло в средние века, когда Армения или большая ее часть оказалась сначала под персидским (V-VII вв.), затем под арабским (VII-VIII вв.) игом и стала яблоком раздора и ареной войн сопредельных государств. В первую очередь в Византию переселялись бунтующие против иноземного ига представители армянских княжеских родов, которые удостоивались признания в империи, приобретали новые имения (в основном в восточных и балканских пограничных районах), вовлекались в государственную службу, с собственными или доверенными им вооруженными силами участвовали в византийских войнах (против персов, арабов, германских турецких племен, славян) и защищали границы государства. На раннем этапе в Византии были представлены такие дворянские династии, как Аршакуни, Багратуни, Мамиконяны, Максараканы, Хорхоруни, Гнуни, Аматуни, Андзеваци и др. [18, с. 380-381]. Особенно в VII-VIII вв. в империю эмигрируют также многочисленные армянские простолюдины (в том числе халкидоняне и павликийцы). Помимо переселенцев, армяне – подданные империи, естественно, жили также на входящих в состав Византии исконно армянских землях (Малый Аик, западные провинции Большого Айка). Причем время от времени география этих земель расширялась, как в конце VI в. или в XI в., когда большая часть Армении оказалась под византийским владычеством.

Византийские власти не только поощряли иммиграцию армян, но зачастую (начиная со второй половины VI в.) осуществляли принудительное переселение. И на это были свои весомые причины. Блистательную эпоху императора Юстиниана I (527-565гг.) сменил тяжелый для Византии переходный период, который продлился до VIII в. включительно. Масштабный общественный кризис, внутренние и внешние потрясения (жестокая гражданская война начала VII в., постоянные внутривосточные дразги, разорительные набеги варваров в VI-VII вв., тяжелые войны против персов и арабов) привели к экономическому разложению, уничтожению большей части правящих ранее социальных слоев (сенаторского класса крупных землевладельцев, класса средних землевла-

дельцев – муниципальных чиновников и служителей курии), огромным территориальным потерям империи (до 2/3), обоснованию у имперских границ мятежных славянских племен, а на местах – к ослаблению позиций центральных властей и связей между разными частями империи. Зачастую вынужденная бороться за элементарное выживание, империя испытывала острую нужду в бое- и трудоспособных силах, государственных и военных кадрах, грамотных людях [4, сс. 12-18; 19, с. 61].

Армения и армянство являлись для Византии прекрасным источником для существенного заполнения этой брешы. Армянское воинство, с достоинствами которого в Римской империи были знакомы еще в IIIв.¹, уже в армии императора Маврикия (Морик, 582-602гг.) было крупнейшим инородным компонентом и играло большую роль [20, pp. 17-18]. В дальнейшем эта роль только возрастала. Это было связано с увеличением числа армянских воинов во все уменьшающейся византийской армии². Армяне выгодно отличались, с одной стороны, от пережившего в IV-VII вв. ощутимый спад боеспособности собственно византийского (позднеримского) общества, с другой – от воинственных, но находящихся на низком организационном уровне варваров. И все это благодаря обладающему вековыми общественно-политическими и военными традициями институту нахарарутюн (князей-нахараров), который составлял социальную основу возглавлявшей армянскую военную структуру конницы.

Наличие этого института позволило армянам не только выделиться в рядах сражающихся армий Византии, но и приобрести неадекватное своему количеству высокое и влиятельное положение. Уже император Маврикий использовал хорошо владеющих копьем и тяжеловооруженных армянских конников в качестве главной ударной силы своих войск, сражающихся во Фракии против аварцев. В длительной и тяжелейшей войне против персов (особенно в ходе контрнаступления 620-х гг.) император Ираклий I (610-641гг.) в первую очередь опирался на армянские войска. В многовековой борьбе против персов и арабов огромное стратегическое значение имело основание фемы Армениак (до 622г.) в восточных, преимущественно армянонаселенных провинциях империи (Малый Айк, Высокий Айк, Понт, часть Каппадокии)³. Эта фема, в основном контролируемая армянскими силами, в VII-IX вв. по своему потенциалу и зна-

¹ В этом веке армянские конные лучники участвовали в войнах Рима против германских варваров и считались одной из самых боеспособных сил [21]. В Vв. (до 488г.) армянам доверяли обязанности гвардии, охраняющей императорский дворец [22, էջ 114]. Большой известностью пользовались армянские полководцы армии Юстиниана (в первую очередь – гениальный Нарсес), число которых достигало 17 [20, p. 16].

² Согласно арабским и византийским источникам, во второй половине VIIIв. византийская армия насчитывала 80-90 тыс. человек, где армянский элемент составлял, по грубым подсчетам, примерно 25% [23, էջ 533; 20, pp. 20-21; 24].

³ О фемах см. ниже.

чению стала второй в империи (после примыкающей к ней с юго-запада фемы Анатолик), служила главной опорой общей оборонительной системы империи на востоке и контратак против врагов.

В военно-политической жизни Византии более ста армянских полководцев сыграли неоценимую роль. Пожалуй, излишне поочередно называть их имена и большие услуги, оказанные империи [об этом см.: 20; 25; 26]. Достаточно отметить, что им доверялись важнейшие военные посты: domestikов скол, командующих императорской гвардией, фем (особенно малазийских – Арменияк, Анатолик, Фракия, Буккелар, Опсикий и др.), крупных военных подразделений (в первую очередь действующего на главном фронте восточного), императорским флотом, силами наемников. Византия весьма обязана своим полководцам-армянам и вообще армянскому воинству – на начальном этапе (с половины VIв.) за оборону от нападений соседей, укрепление авторитета центральной власти на территории империи, переселение армянского и иного населения с сопредельных территорий на территорию в границах империи, затем (IX-X вв.) за обеспечение перелома в борьбе против врагов и, наконец, за контратаки и новые наступления на всех фронтах.

Занимаемое ими положение в армии внушало армянам уверенность в собственных силах. Особенно высоким авторитетом они обладали в фемах, где уже в VIIIв. преимущественно в своих руках сосредоточили командование местными войсками. Опираясь на последние, армянские полководцы вовлекались также в борьбу между столичными политическими группировками, иногда возглавляли их, участвовали в мятежах или сами их поднимали, наконец, сами претендовали на самое высокое политическое положение, вплоть до императорского трона. По всей видимости, армянского происхождения был представитель малоазиатских землевладельцев, полководец Ираклий [20, р. 18]. Основанная им династия правила вплоть до 711г.¹ Армянами были также императоры Вардан Филиппик (711-713гг.) и Левон V Арцруни (Лев V Армянин, 813-820гг.), которые до восшествия на престол были военными. Уже начиная с Ираклия до начала IXв. у большинства византийских императоров были армянские конкуренты, среди которых полководцы Ваган (635г.), Валентин Аршакуни (командующий восточными войсками, 640-ые гг.), Мжеж Гнуни (668г.) и его сын Иоанн (при Константине IV), Артавазд (742-743гг.), Вардан (по прозвищу «Турок», начальник фемы Анатолик, 802г.), Аршавир (Арсабер, 808г.) и др. Среди них особенно выделяется Артавазд – зять императора Льва III Исавра (717-

¹ Императоры этой династии: Ираклий I (610-641гг.), его сыновья Константин III и Ираклий II (641г.), сын Константина III Костас II (641-668гг.), его сын Константин IV (668-685гг.), его сын Юстиниан II (685-695 и 705-711гг.).

741гг.), который, в свое время, будучи начальником фемы Армениак, способствовал восшествию этого императора на престол. Завладев константинопольским престолом уже как глава фемы Опсикий, он опирался на своих родственников, армян-придворных, а также на Армениакское войско, командующим которого назначил одного из своих сыновей [20, р. 22; 25, р. 107]¹.

Армянские полководцы наиболее отличились при Македонской (Армянской) династии – в конце IX – XI вв., когда Византия переживала период беспрецедентного расцвета и территориального расширения. Главным фронтом продолжал оставаться восточный, где благодаря разгрому сил павликиан (872г.) и в результате ослабления Арабского халифата Византия смогла вновь утвердить свое доминирование. И здесь в главной роли были армяне: Млех, Иоанн Куркуас (назначение которого в 923г. domestikом Востока ознаменовало начало решительного наступления Византии на восток) и его брат Феофил, Варда Фока (середина Xв.), domestikи Востока и затем полководец-император Никифор II Фока (963-969гг.) и Иоанн I Цимисхий (969-976гг., внук Феофила Куркуаса), действующие под командованием последних Лев Фока (брат Никифора), Михаил Бурцес, domestikи Востока Млех (сын вышеупомянутого Млеха), Варда Склерос, в период правления Василия II – Варда Фока и другие. На европейских фронтах (где главным врагом империи выступала Болгария) себя проявили Никифор Фока (конец IXв.) и его тезка император, старший Млех, Никетас Склерос (в Xв., в ходе борьбы с болгарями он отличился и как одаренный военный дипломат), императоры Иоанн Цимисхий и Василий II, в царствование последнего – Григор Таронаци, Теодракиец. На морском поприще в Xв. Отличился будущий император Роман Лакапен (командующий самосской морской флотилией, а затем всем имперским флотом), Алексей Муселе (командующий имперским флотом). Многие талантливые армянские полководцы проявили себя и в XIв.

В результате побед, одержанных имперскими войсками под предводительством армянских полководцев (до первой половины XIв.), у арабов были отвоеваны значительные территории (юго-восток Анатолии, северо-запад Ассирии и Междуречья, Крит и Кипр), завоевана Болгария, верховную власть Византии признали другие балканские и ближневосточные христианские страны, были отбиты атаки русских и др. Византия вновь обрела статус владычицы морей.

И византийцы по достоинству ценили своих армянских полководцев. Новым Ахиллом считалось первое военное лицо государства Манвел Мамиконян, сделавший блестящую карьеру при императорах Михаиле I, Льве V, Михаиле II и Феофиле (811-842гг.), будучи главнокомандующим Армениаков и domestikом сколов. Командующий основанной им самим к северу от киликийской Таврии

¹ В претензиях на престол обвинялся также глава фемы Армениак Алексей Муселе (792г.).

фемой Люкандос (914-934гг.) Млех-старший, как предполагается, благодаря своим подвигам стал прототипом главного героя византийского эпоса «Дигенис Акрит» [20, р. 44; 14, р. 23; 25, pp. 21 sqq.]. Более двадцати лет (923-944гг.) возглавлявший Восточные войска и практически всегда побеждавший Иоанн Куркуас был признан Траяном или Белисарием своего времени¹. Особенно большой резонанс в византийской истории имела вторая половина Хв., когда усилиями армянского императора и полководцев византийское оружие одержало блестящие победы. Греческий историк Лев Ерец, главным героем своей работы, посвященной событиям этого периода, сделал прославившегося в войнах против арабов Никифора II, которого называли «бледная смерть сарацин». Историк сравнивает императора с Гераклом, а описываемую эпоху – с героическим прошлым древних греков [4, с. 145]. О впечатлении, оставленном армянами на греков, свидетельствует «Сказание о Феофилакте», в котором прославлены подвиги отца императора Романа I, незаменимого полководца и дипломата армянского происхождения Феофилакта Абастактоса. В память византийцев впечаталась историческая победа полководца Петронаса Мамиконяна над арабами в Мелитенском сражении 863г. Связанные с этим сражением события и легли в основу другого эпического произведения – «Песни о сыне Армуриса» [4, с. 147]. Высоко ценился армянский воин вообще. Действительно, понятия «армянин» и «храбрец» в Византии выступали как синонимы, а армянские военные подразделения пользовались славой лучших в византийской армии [27, с. 141; 14, pp. 21-23].

Постепенно укреплялись позиции армян и в столичном Константинополе, административно-политической сфере империи. Армянским дворянам (в частности, Аршакуни, Мамиконяны), еще с Vв. нашедшим убежище в империи, порой доверяли высокие должности (например, имеющий большое политическое значение пост мажордома – доверенного лица императора). При династии Аморикиев (820-867гг.) Мамиконянам даже удалось достичь политической власти. К этому княжескому роду принадлежала Феодора – жена императора Феофила (829-842гг.), сына основателя династии Михаила II. Она же была регентшей при несовершеннолетнем сыне Михаиле III (842-867гг.). В 856-866гг. центральная власть в Византии принадлежала брату Феодоры – Варде Мамиконяну. Все важные политические посты были сосредоточены в руках его родственников и близких. Общее руководство вооруженными силами осуществлял вышеупомянутый Петронас, брат Феодоры и Варды.

При Аморийской династии армяне достигли и престола патриарха Константинопольского: в 837-842гг. его занимал Иоанн Грамматик, в 858-867гг. –

¹ Римский император Траян (98-117гг.) пользовался славой одного из лучших полководцев своего времени. Такая же слава была у византийского полководца VIв. Белисария.

родственник Феодоры и Варды Фотий¹.

По наблюдению Николая Адонца, Мамиконяны были очень близки к созданию собственной династии в Византии, чему помешал государственный переворот 866-867гг. [25, р. 106]. Примечательно, однако, что переворот совершила группа деятелей армянского происхождения во главе с Василием. Это свидетельствует о большом политическом весе армян в империи [20, р. 27]. Василий основал так называемую Македонскую (Армянскую) династию (867-1056гг.)², с правлением которой связан самый блистательный период истории Византии. Примечательно, что в этот период главные фигуранты не только политической, но и политической жизни империи были по происхождению армянами [20, р. 34; 25, рр. 21, 108].

Через некоторое время после восшествия на престол император Василий I окружил себя деятелями-армянами. Среди них были мэр (эпарх) Константинополя Мариан – сын Петранаса Мамиконяна, главнокомандующий вооруженных сил Никифор Фока и фактический руководитель гражданской администрации Стулиан Зауцес. Перед смертью император доверил последнему общий контроль над всеми политическими и церковными вопросами. До самой смерти (896г.) Стулиан был одним из самых влиятельных людей в империи и сумел выдать свою дочь замуж за императора Льва VI.

После восшествия на престол несовершеннолетнего Константина VII Порфирогенета (913г.) между несколькими группировками развернулась борьба за власть. Две из них возглавляли армяне – адмирал Роман Лакапен и полководец Лев Фока (сын Никифора). Еще одну группировку возглавлял главнокомандующий Константин Дука (организатор заговора 913г.), которого поддерживали многочисленные армяне. После краха заговора он передал командование Льву, а командование военно-морскими силами – Роману. Во дворце действовал опекунский совет, в состав которого входили влиятельные армяне, в том числе ло-

¹ Позже патриархами армянского происхождения были брат императора Льва VI Степан (886-893гг.) и сын Романа I Феофилакт (925-956гг.). Конечно, роль армян в византийской церкви этим не ограничивалась. В разные века армяне занимали разные духовные степени и, в основном, возглавляли храмы или брали на себя политически значимые миссии. В частности, Византия им обязана формированием конгрегации монахов на святой горе Афон (выше у нас уже был повод упомянуть Афанасия). Эта организация была создана под покровительством императора армянского происхождения Никифора II. А в 971г. армянин-император Иоанн I составил первый устав братства [28, էջ 321].

² Прямые представители этой династии: Василий I (867-886гг.), его сыновья Лев VI и Александр (912-913гг.), сын Льва VI Константин (913-959гг.), его сын Роман II (959-963гг.), его сыновья Василий II (976-1025гг.) и Константин VIII (1025-1028гг.), дочери последнего Зоя (1042г.) и Феодора (1042, 1055-1056гг.). Кроме того, в династию входят тесть и сопрестольник Константина VII, армянин по происхождению Роман I Лакапен (919-944гг.), второй муж жены Романа II, армянин Никифор Фока (963-969гг.), зять Константина VII, также армянин Иоанн I Цимисхий (969-976гг.), а также мужья Зои: Роман III Аргир (1028-1034гг.), Михаил IV Пафлагон (1034-1041гг.) и Константин IX Мономах (1042-1055гг.).

готен (заведующий внешними делами империи) Фома. Наконец, борьба за престол завершилась победой Романа, который стал сопрестольником императора и реальным властелином страны. Он также собрал вокруг себя армянских полководцев и администраторов, выдал свою дочь за Константина VII, сделал трех своих сыновей соправителями и предполагаемыми престолонаследниками, а четвертого сына – патриархом, фактически объединив светскую и церковную власть [20, р. 36]. В 944г. Константин Порфирогенет посредством переворота восстановил собственную власть, вновь опираясь на значительное число армян.

Помимо императорской династии, в византийской истории Xв. представлены многочисленные влиятельные армянские роды, которые однозначно доминировали, в первую очередь, на военном поприще – Фока, Куркуасы, Склеросы, Муселе, Крениты, Куртики, Бурцесы, Торникяны, Теодракийцы. Свидетельством их влияния являются не только занимаемые ими многочисленные ответственные должности (преимущественно военные), но и то, что представители одного и того же рода продолжали оставаться на своих должностях, независимо от происходивших в IX–X вв. переворотов. Представителям первых двух из вышеперечисленных родов даже удалось в Xв. ненадолго завладеть престолом. Это были Никифор II Фока и Иоанн I Куркуас (Цимисхий), которые женились, соответственно, на вдовствующей императрице и принцессе. При этих императорах-полководцах, большую часть своего правления проводивших в походах, и в начале правления императора Василия II (также талантливого полководца) (963-985гг.) политическое управление государством полностью находилось в руках армянина, дальновидного и хитрого политика Василиоса Нопоса (незаконнорожденного сына императора Романа I).

XI век стал последним веком политического авторитета армян. Большинство из отмеченных выше деятелей все еще продолжали занимать высокие посты, выдвинулись также Апокапы, Бакураяны, Кекавмены, Далассены и др. Дольше всех продержались происходящие от таронских Багрануни Таронитесы и Торникяны. Они занимали важные военные, административные и судебные должности, соответственно, до половины XIIв. и начала XIVв.

IV

В IXв. в Византии начался культурный подъем, который не прерывался вплоть до падения империи в XVв. У истоков этого подъема также стояли армяне [20, р. 27]. Пожалуй, крупнейшим деятелем культуры армянского происхождения был патриарх Фотий (во второй раз вошел на престол в 877-886гг.), который приложил огромные усилия для научно-культурного возрождения империи. Будучи блестящим знатоком античного литературного наследия, он был вели-

чайшим эрудитом в истории империи и обладателем поистине энциклопедических знаний. Разумный политический и церковный деятель, прогрессивный мыслитель и врач, тонкий ценитель литературы и оригинальный критик, законодатель художественного вкуса, он заложил в Византии основу нового интеллектуального рационалистического движения, стержнем которого был неутолимый интерес к античности.

Фотию принадлежит состоящий из краткого пересказа 280 произведений античной и ранневизантийской литературы и комментария к ним сборник «Мириобиблион, или Библиотека». Многие античные сочинения известны нам только благодаря труду Фотия. Круг его интересов для того времени был необразимо широк: грамматика, риторика, поэзия, философия, право, математика, география, астрономия, биология, агрономия и т.д. Фотий был также одаренным педагогом и создал вокруг себя кружок ученых. У него учились славянские просветители братья Кирилл (настоящее имя Константин) и Мефодий. Создав на основе греческого письма славянское, они по поручению патриарха и Варды Мамиконяна в 863г. начали в Моравии миссионерско-просветительскую деятельность. Учениками Фотия были также сыновья императора Василия I (в том числе будущий император Лев VI). Патриарх был смелым политическим теоретиком: в своем философском трактате «Ампилох» он выдвигает идею о том, что структура государства predetermined не волей Божьей, а людьми – в соответствии с их опытом. Фотию принадлежит теория о «двух властях», согласно которой власть императора и власть патриарха равны и взаимодополняют друг друга [4, сс. 43-44, 71, 145, 303, 314, 319, 323, 383, 618; 10, с. 63].

Старшим современником Фотия был другой патриарх – Иоанн Грамматик. Он был приближенным и советником императоров Льва VI и Михаила II, учителем императора Феофила. Получивший разностороннее образование, этот искусный политический деятель и оратор-спорщик вошел в историю как инициатор возобновления иконоборчества¹ в 815г. и главный идеолог этого движения. Как настоящий теолог, он также был знатоком античной философии и внушил императору Феофилу мудрую мысль о том, что управление государством должно опираться на свет науки. После окончательной победы иконопочитания (842г.) Иоанн подал в отставку и посвятил себя научной деятельности. На берегу Босфора, в имении своего брата он создал подземную лабораторию, где проводил какие-то научные эксперименты [4, с. 298; 29, т. 2 513-515].

Деятели армянского происхождения вновь институционализировали византийскую науку. Лидирующая роль в этом принадлежит Варде Мамиконяну, который, будучи просвещенным человеком, морально и материально поддер-

¹ Об иконоборчестве см. ниже.

живал ученых. Усилиями Варды в 843г. был основан учебный центр сначала в столичной церкви Сорока младенцев. Затем, в 845г. в императорском дворце Магнавра был вновь открыт Константинопольский университет¹, где преподавали философию, грамматику, геометрию, астрономию. Первым главой и преподавателем университета был племянник Иоанна и друг Варды Лев Математик (Лев Философ). В университете он преподавал философию, приправленную древнегреческой литературой и математикой. Его ученики преподавали остальные предметы. Лекции были проникнуты духом свободомыслия и свободны от предубеждений.

Известный ученый прославился своей деятельностью еще при императоре Феофиле, а слава его достигла до дворца багдадского халифа. Этот ученый-энциклопедист занимался математикой, биологией, астрологией, прикладной механикой, писал эпиграммы, демонстрируя глубокое знание античной философии. Как искусный инженер, он построил в царском дворце выполняющих под давлением воды сложные движения металлических механических животных и дерева, а также поднимающийся специальной кнопкой до потолка императорский престол. Созданные ученым приборы использовались, чтобы произвести впечатление на иностранных гостей и монархов, и зачастую имели важное политическое значение. При помощи маяков Лев изобрел также действующий на больших расстояниях световой телеграф, имевший важное информационное и военное значение. Льву принадлежит также идея использования букв вместо математических символов, которая фактически заложила начало современной математики. Ученый написал также труды об античных математиках, сыграв значительную роль в сохранении их научного наследия [4, сс. 296, 299, 310, 317, 376, 394; 29, т. 509-510, 522-532].

Одним из учеников Льва был преподающий грамматику в Магнавре Комитас Грамматик – автор ряда эпиграмм и комментатор гомеровского эпоса [4, с. 394; 29, т. 510]. В том же веке творил еще один византийский математик армянского происхождения – Багарат Скиастес.

Армянину Василиосу Ялимбанийцу (IXв.) принадлежит одно из крупнейших произведений византийской церковной географии – так называемая «Нотия N1», где перечислены и описаны византийские церковные фемы. Произведение это является компиляцией сведений самого Василиоса и авторов VI-VII вв., дающей важную информацию о территориальной структуре христи-

¹ Последний был основан еще императором Теодориком II (408-450гг.) в 425г. В VI-VII вв. в условиях упадка или закрытия других философских центров (вследствие религиозной политики государства и арабских завоеваний) он остается единственным значительным центром науки и образования в империи. Однако в «темные века» (VII-VIII вв.) это учреждение также практически перестало действовать, а последними очагами просвещения оставались монастыри и частные школы со своими ограниченными возможностями [29, т. 501-502].

анской церкви в период раннего средневековья в Средиземноморье [4, с. 350].

Возобновленная армянскими деятелями IXв. государственная протекционистская деятельность в области просвещения набрала силу при следующей – Македонской (или Армянской) династии. К чести происходившего из низших слоев общества императора Василия I, он хорошо понял роль науки в жизни государства. Его сын, Лев VI Мудрый, и внук, Константин VII Порфирогенет, стали выдающимися представителями и меценатами так называемого «Македонского возрождения» византийской культуры.

Лев Мудрый считался философом на византийском троне. Именно он придал целостность государственной структуре империи. В частности, это касается развернутой им активной законодательной деятельности (под девизом «очищения старых законов») и систематизации дворцовой иерархии. В его разножанровом творчестве помимо законов (новелл) важное значение играло одно из лучших средневековых исследований военной теории – «Тактика». Последняя основана не только на теоретической мысли античности и ранневизантийского периода, но и на огромном опыте полководцев – современников императора (в первую очередь Никифора Фоки-старшего). Здесь описывается военная структура государства, фемские порядки, тактика. По своей теоретической обоснованности и богатству содержания «Тактика» является вершиной византийской военно-стратегической мысли [4, сс. 29, 73-76, 227, 277-291, 371; 30, сс. 43, 65, 275].

Император Лев оказывал покровительство возрождавшемуся в то время византийскому театру, получившему при дворе полуофициальный статус. Известен и первый актер той эпохи – некий Ваган, присутствовавший на трапезах императора и осмеливавшийся давать ему советы [19, с. 238].

Император Константин VII посвятил себя изучению самых разных областей науки. По его поручению и при его участии были подготовлены и изданы энциклопедические труды, относящиеся к разным сферам (право, язык, сельское хозяйство, военное дело, зоология, медицина, музыка и т.д.). С его именем связано составление познавательно-поучительного сборника, состоящего из 53 тематических разделов и содержащего выписки из произведений греческих авторов прошлого. Перу Константина принадлежит и целый ряд исследований, посвященных дворцовым празднествам и приемам («О церемониях»), проблемам внешней политики империи («Об управлении государством»), истории современного административного устройства Византии («О фемах»), о жизни основателя династии («Биография Василия»). В них представлены чрезвычайно важные исторические, географические, этнографические сведения о Византии и сопредельных странах (в том числе Армении). Императорам Льву и Константину приписывается также создание музыкальных произведений [4, сс. 95-98, 347-349, 371, 560].

В Хв. действовал сын вышеупомянутого Фомы – историограф Иосиф Генесий [20, р. 25]. По заказу Константина Порфирогенета он написал «Книгу царств», охватывающую историю Византии с правления Льва V до Василия I.

В том же веке был создан приписываемый императору Никифору II Фоке стратегический трактат, являвшийся практическим пособием для ведения войны против арабов на Востоке. Он содержит чрезвычайно ценные свидетельства о произошедших в этот решающий период военной истории империи переломных изменениях в византийской армии [30, с. 48].

По наблюдению одного из греческих исследователей, в средневековой греческой литературе самый оригинальный трактат, имевший политическое звучание, – написанные в 1070-ые гг. «Поучения» одаренного полководца и правителя, глубокого мыслителя, армянина Кекавмена. Это произведение – зеркало, прекрасно и во всей целостности и самых разных тонкостях отражающее византийскую действительность того времени (быт, социальные отношения, политическая жизнь). Написанные на основе богатого опыта автора «Поучения» адресованы его собственным детям. В них Кекавмен хочет видеть богобоязненных и трудолюбивых, рациональных и предусмотрительных, сдержанных и осторожных людей, которые не потеряются в полной опасностей и интриг византийской жизни. Произведение имеет и историческую ценность, описывая события X-XI вв. [20, р. 47; 4, сс. 161-168].

Византийская культура периода «Комнинского возрождения» (конец XIIв.-XIIIв.) представлено немногочисленными армянскими деятелями. Представителями византийской литературы этого периода были армянские писатели XIIIв. Георгий, Дмитрий и Ефремий Торникяны. Первый из них был интеллектуальным сподвижником принцессы Анны Комнин, второй занимал министерскую должность логотетоса. Писателем и теологом был Никифор Василякис (середина XIIIв.). В конце того же века учеником знаменитого греческого ученого Никиты Хониата был писатель Георгий Вардан (в дальнейшем митрополит острова Керкира).

К XIVв. относится научная деятельность продолжателя дела Льва Математика Николая Артавазда. Его математические исследования посвящались счетному искусству, календарю и геометрии. Ему принадлежит открытие о приближительном извлечении квадратного корня [29, гл 537].

V

Беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть то большое место, которое на протяжении веков занимали в жизни Византии армянские деятели (императоры, военные, чиновники, священнослужители, деятели культуры) и византийские армяне в целом. Адонц по праву называл их «истинными мастеровыми визан-

тийского царства» [25, с. 9]. Дает ли это основания называть эту империю «греко-армянским» государством? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно представить, какой была византийская цивилизация и, в первую очередь, положенная в основе этой цивилизации структура общественных отношений, ее соотношение с армянской и, наконец, реальное место в ней византийских армян¹.

По самой общей формулировке, данной одним из исследователей, сущность византийства заключалась в органическом единстве трех основных компонентов: греческого (преемственность древнегреческой культуры), римского (римская государственно-правовая система) и христианского [3, с. 22]. Хотя такая формулировка не дает возможности представить реалии полностью, однако помогает понять главное отличие Византии от других средневековых государств (в том числе, Армении) – наличие этатизма, или высокоразвитой государственности. Централизованная государственная власть со своей политической доктриной, скрупулезно разработанным правом и юстицией, перешла в наследство от поздней Римской империи. В VI-VIII вв., когда Византия пережила большой политический и экономический упадок, а новые социальные силы еще находились в процессе становления, государственная машина в целом смогла сохранить свою упорядоченную и эффективную структуру [32, сс. 33-36]. Этим была обусловлена та огромная роль, которую играли государство и служебный аппарат в общественной жизни. Если сформированная в средневековой Армении или Западной Европе феодальная иерархия на первый план выдвигала частную власть военно-помещичьего класса, то единственной законной формой византийской власти признавалась общественная, а единственным носителем власти – государство. Следовательно, свою позицию в обществе, как правило, мог обеспечить только тот, кто был причастен к государственной власти. Воплощением Государства и Закона был божественный император. Наделенный почти безграничной властью, он рассматривался как заместитель Бога, единственный истинный властелин цивилизованного мира (ойкумены), защитник православной веры и римского права.

В период домината (III-IV вв.) идеологически подкованный византийский абсолютизм, по сути, опирался на античные светские традиции и ценности; подкрепленные христианским демократизмом, они и через столетия проявляли удивительную жизнеспособность. Сам император был не хозяином своих подданных (таковых теоретически не существовало), а предводителем «светской общины», которая «избирала» его и за благополучие которой он нес ответственность перед Богом и «Богоизбранным народом». Государство провозглашалось как *ἔννομος*

¹ Об общих чертах структуры византийского общества см. 19; 10 (особенно сс. 35-102), 3; о структуре средневекового армянского общества см. 31 (особенно с. 240 и далее).

πολιτεία – «правовая организация граждан», в которой общественные отношения интерпретировались при помощи демократической фразеологии – равенство всех перед законом и верховенство закона. Государственная власть, в принципе, была доступна всем слоям общества, и признавалось право каждого «благочестивого гражданина» стать императором. Обожествлялась не личность императора, а занимаемое им положение. Соответственно, не были закреплены наследственность власти и такое понятие, как «царствующая династия».

Однако за этой кажущейся демократией скрывался государственный абсолютизм, делающий политическую жизнь общества формальной [10, с. 35]. В Византии, считающейся правовым государством, не было ни одного правового органа, ограничивающего власть императора. Организация экономики была полностью поставлена на службу государственным интересам. Так, над всем ходом деятельности торгово-ремесленных коллегий, производством и сбытом товаров был установлен скрупулезный государственный контроль. Главный производитель в Армении и Западной Европе – крестьянская община, находилась под частной властью феодалов (князей) и возглавляющего их иерархию самодержца. В Византии, наоборот, большинство сел находилось в непосредственном подчинении государству: села были прикреплены к разным государственным учреждениям и были призваны служить их нуждам. Среди христианских государств Византия выделялась также соотношением государство-церковь: в идеале сосуществующая в гармонии с государством церковь фактически подчинялась ему. Здесь она была лишена той монополии на грамотность, той экономической независимости и свободы от налогов, той доли власти, какие имели церкви в других христианских странах, в том числе в Армении. Если армянская церковь с течением времени подверглась феодализации, то в Византии она была реорганизована в соответствии с бюрократической структурой империи.

В целом, государственный абсолютизм привел к фактической незащитности различных организаций (церковь, монастырские братства, сельские общины, городские советы, ремесленные и торговые коллегии и пр.) перед государством, изменчивости всех социальных групп (кроме семьи), относительному акорпоративизму и антииерархизму [10, сс. 47, 49]. Все это было совершенно не характерно для Армении и других христианских государств средневековья, имеющих классическую развитую структуру. Специфика византийского общества особенно заметна по его элите. До XIV в. аристократию здесь составляли должностные лица (гражданские и военные) самого разного социального происхождения. В деклассированной Византии аристократия выступала не как класс родовой знати, обладающий наследственными правами (тем более, замкнутый), а как окружение императора, «двери» которого были открыты перед

всеми одаренными людьми [10, сс. 49-50, 89, 227; 19, с. 62]. Идея знатного происхождения не имела существенного значения. Следовательно, любой армянский князь, вступивший в это окружение, должен был на равных относиться, скажем, к крестьянину, добившемуся высокого положения, и, тем более, подчиняться ему, если тот добивался императорского трона¹. Нестабильным принципам «чести» и «верного служения», положенным в основу армянской и западноевропейской феодальной иерархии, византийская аристократия противопоставляла эгоцентризм и индивидуализм. В отличие от родовой знати Армении и Европы, основой экономической мощи византийской элиты было не землевладение, а занимаемый пост – со всеми вытекающими отсюда злоупотреблениями.

К нестабильности социальной структуры и культу личности прибавлялась многонациональная и многоконфессиональная мозаика империи, и все это вместе взятое в свою очередь способствовало централизации государства [10, сс. 48, 81].

Византия воспринимала себя не только как преемницу античного мира, но и как вершину истории человечества, благодаря Божьему промыслу идущей вперед с библейских и древнеримских времен, в которой уже построено Царство Божие на земле. Существующие византийские порядки провозглашаются идеальными [10, с. 88], и изменения в них не предвидятся. Консерватизм, верность греко-римским и православно-христианским ценностям характеризуют сущность византизма в разных сферах жизни – право, экономика, искусство, литература и т.д., но наиболее выражено в государственном устройстве и обосновывающей его идеологии. В ее основе не создание нового, а утверждение и укрепление существующего.

С этой точки зрения, пожалуй, наиболее характерен период со второй половины IXв. до XVв., когда Византия, «оправившись» от внутренних и внешних потрясений прошлого, вступила в период своего наибольшего расцвета и могущества. Деятельность представителей этого периода – в первую очередь, патриарха Фотия, Варды Мамиконяна, Льва Математика, императоров Македонской (Армянской) династии – проходила, если можно так сказать, под девизом установления «идеального порядка» (*τάξις*)² византийского сосуществования. Прежде всего, этот порядок был утвержден в области теории, породив уже упоминавшийся «Мириобиблион» Фотия (идеально структурированное литературное наследие античности) и многие другие произведения, произведения императора Константина VII (идеальный дворцовый церемониал, идеальная административная организация государства, идеальная система взаимоотношений с внеш-

¹ Например, крестьянское происхождение было у представителей Македонской династии и Романа I.

² Этот термин применялся в использованной нами литературе [4, с. 145], однако относился только к деятельности Фотия в области литературы. Мы считаем, что это понятие можно использовать в более широком контексте.

ним миром, идеальное сельское хозяйство и т.д.), созданные по инициативе того же императора знаменитые энциклопедические сборники (в которых были обобщены ценные знания и советы, относящиеся к разным сферам практической жизни), «Тактики» Льва VI и Константина VII (идеальная армия и военная организация), научно-исторический труд Генесия (идеальные исторические события)... и так далее, и так далее.

Обобщая представленные в разных произведениях идеальные образы, создается собирательный образ идеальной Византии, центральное место в котором, разумеется, уделяется образу идеального императора. В качестве такового историография «Македонского возрождения» представила Василия I [4, сс. 138-140].

Делалась попытка добиться соответствия реальности теории – в первую очередь, в вопросах, касающихся жизненных интересов государства. В сфере экономики это было установление государственных механизмов, контролирующих внешний торговый баланс империи и столицы, учреждение системы налогообложения, а также трансформация римских торгово-ремесленных коллегий (не позднее IXв.). Деятельность последних регулировалась и тщательно контролировалась согласно «идеальному» положению из «Книги епарха», датированной началом следующего века.

В сфере науки, как мы уже отмечали, происходит институционализация последней. Вероятно, в 845г. в задачи университета входила не только подготовка знающих и грамотных людей, в которых нуждалось находящееся на подъеме государство, но и систематизация античных и византийских научных знаний. При патриархе Фотии и его преемниках завершённый вид получило византийское церковное учение с соответствующим ему искусством живописи и идеальной архитектурой (армянский крестово-купольный тип). В творческой жизни всей Византии того времени главенствующим стало перенимание утвержденных в Константинополе идеальных и канонических норм, стремление к гомогенности культуры¹. При участии Фотия император Василий I начал, а Лев VI завершил крупную законодательную инициативу, осуществленную в духе римского права. Эта инициатива стала одним из главных достижений Македонской династии, благодаря которому в начале Xв. византийская государственность обрела свой классический вид [4, с. 227]. Важную роль в этом сыграло окончательное утверждение официальной иерархии. Примечательно одно существенное отличие византийского государства от Армении, где спарпетство выступало как главенствующий класс, а спарпет предводительствовал над военными. В отличие от этого, в иерархии империи ключевое значение имело финансовое

¹Этим классическая византийская культура существенно отличается от Армении, где каждая провинция могла иметь свою школу искусств.

ведомство, поскольку государственные финансы были главным рычагом императорской власти [19, с. 65; 31, էջ 522, 534].

Осуществление византийского идеала имело и внешнеполитическую направленность. Возрожденная императорами Василием I и Константином Порфирогенетом идея об исключительных правах единственной законной империи в ойкумене попытались реализовать последующие императоры – Никифор II, Иоанн I, Василий II. Этим нужно объяснять их захватнические устремления, в том числе и в отношении Армении.

Таким образом, очевидно то глубокое отличие и даже противоположность, которые существовали между византийской и средневековой армянской государственностью. Этим и объясняется та разлагающая политика в отношении армянской системы родовой знати и армянской церкви, которую Византия осуществляла на оказавшихся под ее владычеством армянских землях (будь то в V или XI вв.). Примечательно, что эту же политику с большим воодушевлением осуществляли также императоры и влиятельные деятели армянского происхождения. Интегрируясь в «римское» общество, усвоив его традиции, они становились поборниками последних в ущерб исконно армянским. Наличие многочисленных армян в империи, по сути, не дает каких-либо оснований называть ее «греко-армянской» или «армяно-греческой». Мы считаем, что вообще неуместно давать какую-либо этническую характеристику построенной на универсализме анациональной империи, где все «правоверные» христиане (независимо от своего происхождения) провозглашались «римлянами» – единственными настоящими гражданами цивилизованного мира.

* * *

Как бы официальная идеология ни объявляла византийские порядки идеальными и неизменными, изменения в жизни Византии, тем не менее, происходили. Изначально они происходили под воздействием императора и деятелей армянского происхождения и, надо полагать, не без влияния армянских ценностей. Изменениям и внешним влияниям способствовало, пожалуй, и то, что сама империя была полна противоречий и, как следствие, зачастую пребывала в процессе поиска и перманентного самоутверждения.

В VIIв. Византия пережила ряд реформ, инициатором которых был император Ираклий I (610-641гг.) [4, сс. 21, 60-62]. Девизом этих реформ было восстановление стабильности в пережившей потрясение империи и, в первую очередь, укрепление государственной власти. В частности, была выдвинута задача обеспечения преемственности государственной власти. Согласно унаследованному от Рима порядку, эту функцию выполнял сенат, легитимным образом пе-

редавая власть от одного императора другому. Однако жестокая гражданская война в начале века и иноземные вторжения привели к фактическому уничтожению общественной силы, составлявшей сенат (помещиков-магнатов). Следовательно, необходимо было ликвидировать зависимость легитимности власти от перипетий сенатской и внутривосточной жизни. В качестве средства обеспечения преемственности власти Ираклий (следуя примеру своего преемника Фоки, захватившего власть) избрал характерную для восточного государственного мышления систему возведения на престол. В качестве соправителей и престолонаследников император назначил двух своих сыновей. Тем самым предпринималась попытка укрепить принципы наследования власти и царствующих династий. Сам Ираклий, как мы уже отмечали, происходил из Малой Азии, точнее из Каппадокии, где довольно многочисленным было армянское и восточное население и сильны были связи с Востоком. Так что не нужно исключать восточного (иранского, армянского) влияния на действия Ираклия (тем более, если он действительно армянского происхождения). Предприятие этого императора попытался продолжить Константин IV (668-685гг.). Однако в то время шаги, направленные на обеспечение наследственной передачи власти, провалились и сохранились только как прецедент. В дальнейшем сын часто наследовал трон отцу, но только благодаря тому, что в свое время короновался как соправитель отца [10, с. 84]. Чаще, однако, на престол поднимался тот, кто своими действиями, предательством или заговором добивался власти в столице.

Для повышения авторитета государства среди живущего по эллинистическим традициям населения Востока Ираклий принял греческий титул «василевс» (буквально – царь), а греческий сделал языком государственного обращения вместо латыни. Были внесены существенные поправки и упрощения в работу государственный аппарат, чтобы повысить его эффективность.

Склонному к компромиссам во внутривосточной жизни Ираклию принадлежит религиозное положение о монофелитстве Христа [14, р. 39]. Оно призвано было примирить придерживающихся дуофизитов-халкидонян и монофизитов и консолидировать разобщенную Византию в тяжелой войне против персов. Сами персы, исходя из политических соображений, в собственной державе в качестве истинного христианского вероисповедания признали монофизитство (на Тизбонском соборе 615г.). Эта инициатива Ираклия дала краткосрочные результаты: в 681г. на Вселенском соборе халкидонство было восстановлено. Позднее, в 712г. император армянского происхождения Вардан Филиппик вновь утвердил монофизитство, однако статус государственного вероисповедания оно сохраняло лишь год [4, с. 46].

Другая судьба была уготована зародившейся при Ираклии системе фем,

которая, развиваясь в VII-VIII вв., постепенно заменила предшествующее деление империи на провинции и стала общей системой управления. Фемы были крупными военными и одновременно административными округами. Их правители или командующие (стратеги) были наделены полной властью на местах (военной, исполнительной, судебной) и подотчетны только императору. Социальной опорой фемских войск были местные вольные крестьяне – как аборигены, так и пришлые (в том числе многочисленное армянское крестьянство). После распада прежних феодально-помещичьих отношений вольное крестьянство (стратиоты) стали крупнейшим общественным слоем империи, основными производителями и налогоплательщиками и в VII-X вв. социальной основой армии. За военную службу стратиоты получали от государства наследственные имения и пользовались определенными льготами. Хотя фемская структура приводила к определенной децентрализации, она позволяла государству гибко использовать свои экономические и военные ресурсы и в дальнейшем постепенно достигать стабильности [6, с. 129; 20, pp. 18-19; 4, сс. 19, 290].

В целом, инициативы Ираклия и его ближайших наследников были еще далеки от своей конечной цели. Парадоксально, что сформировавшиеся или усилившиеся в ходе осуществления этих мер общественно-политические силы угрожали императорской власти. В столице личной власти императора мешало высшее чиновничество. Впрочем, обе эти силы рассматривали в качестве средства укрепления собственного влияния резкую централизацию государства. С другой стороны, единству государства угрожало своеволие военного командование фем, стремящееся по возможности нивелировать контроль центра и установить на местах власть феодального типа (частную и наследственную). В обеих враждующих группировках (так называемые «бюрократы» и «полководцы») встречались армяне. Особенно примечательны многочисленные и влиятельные армянские деятели фемской элиты: они и активно участвовали в политической жизни «полководцев», и возглавляли ее, и, по всей видимости, влияли на представления и претензии этой элиты. Выше уже отмечалась та особенность, что политическая власть феодала (фактически местного «монарха») на его территории сопровождалась и опиралась на земельную собственность. Такие тенденции наблюдаются у малоазиатской фемской элиты VII-VIII вв. Конечно, трудно однозначно утверждать, что именно малоазиатская элита стала инициатором подобных тенденций в жизни империи. Вероятно, в Византии существовали некие внутренние предпосылки для этого, и не будь государственного абсолютизма, страна, возможно, прошла бы тот же путь социального развития, что и Армения и средневековая Европа. Однако можно не сомневаться в том, что уже состоявшиеся армянские социальные институты и ценности должны были су-

щественно обусловить вышеуказанные тенденции. Получившие с началом формирования фем широчайшие полномочия военачальники стремились создать крупные феодальные поместья, присвоить доверенную им государством власть и взимаемые со стратиотов налоги, превратить последних в феодально-зависимое крестьянство. В конце VIIв. – начале VIIIв. между императором, «бюрократами» и «полководцами» развернулась вооруженная борьба. В ходе этой борьбы дважды свергался последний император династии Ираклия Юстиниан II (685–695, 705–711гг.), который применял репрессии против военных и константинопольской верхушки. В 711г. в результате переворота на престол взошел представитель «полководцев» Вардан Филиппик (711–713гг.). Однако вскоре он пал жертвой заговора халкидонских «бюрократов». Началась новая гражданская война, затем – раскол между фемскими войсками, одержавшими победу над «бюрократами». Находившаяся по соседству с Константинополем, но более слабая Опсиканская фема потерпела поражение от войск Анатоликов и Армениаков. Последние возглавляли, соответственно, предводитель малоазиатских феодалов Лев Исавр (император Лев IV (717–741гг.), основатель Исаврийской династии) и его зять Артавазд, которому он доверил управление проигравшей фемой.

С именем новой династии (717–802гг.) связана борьба иконоборцев и иконопочитателей, которая была фактическим продолжением предшествующей¹. С лозунгом иконоборчества (борьбы против изображений святых) выступили Исаврийские императоры и возглавляемая ими элита малоазиатских фем. Их поддерживало большинство епископов и местного населения, среди которых значительное число составляли отвергающие иконопочитание павликиане и монофелиты (армяне, ассирийцы). Истоки движения достаточно запутаны. Военная верхушка была настроена против накопившей значительное богатство в VII–VIII вв. и приобретшей крупные земельные угодья Константинопольской церкви и особенно против монастырей: последние стали серьезными конкурентами для фемской элиты, которая стремилась к переделу власти. Экономическое, а, следовательно, и политическое усиление духовенства беспокоило императора. Еще у Ираклийской династии были столкновения с высшим духовенством по поводу взаимоотношений мирской и духовной власти. Теперь же ситуация еще более обострилась, поскольку церковь и монастыри отнимали у испытывающего острую экономическую и военную нужду государства большие людские и материальные ресурсы. Перед императором стояла также важная задача усмирить фемские войска, предотвратить возможный раскол государства. Оказавшаяся перед реальной угрозой гибели империя нуждалась в мобилизации всех возможных средств. Иконоборчество стало идеологическим обосно-

¹ Подробнее об иконоборчестве см. 32, сс. 52 слл.

ванием направленных на это шагов [4, сс. 64-67]. Эта идеология, пожалуй, должна была подвергнуться армянскому влиянию: судя по тому, что почитание икон еще с VIII в. наиболее активно порицалось именно в армянской действительности [16, part I, pp. 66, 68; 32, с. 52]. А значительное количество армян приняло деятельное участие в этом движении.

При первом императоре-иконоборце Льве IV развернулся лишь предварительный этап борьбы. После смерти императора его зять Артавазд натолкнулся на оппозиционные силы Константинополя. Заняв столицу, он был помазан на царство (742-743гг.) и восстановил иконопочитание, запрещенное Львом в 726г. Однако в начавшейся гражданской войне иконопочитатели проиграли. Вернувший власть император Исаврийской династии Константин V (741-775гг.) и Лев VI (775-780гг.) только ужесточили борьбу с оппозицией и добились решительных успехов. Их непосредственной опорой выступала малоазиатская фемская армия, которая вскоре почти полностью оказалась под командованием армян: в 770 г. четыре из пяти фем Малой Азии (Анатолик, Буккелар, Армениак, Опсикиан) возглавляли армянские князья – соответственно Артавазд Мамиконян, Тачат Андзеваци, Вараз-Тироц Багратуни и Григор Мамиконян [18, էջ 91]. В 780г. они одержали важную победу над арабами в битве при Мараше. Императоры использовали фемское командование при решении политических проблем, но одновременно сдерживали его, стремясь сохранить стратиотов в непосредственном распоряжении государства и укрепить собственные позиции в столичных областях.

Конец VIII – первая половина IX вв. ознаменовались ослаблением движения иконоборцев, их расколом, новой активностью иконопочитателей и постепенным сближением сторон, приведшим к восстановлению иконопочитания на компромиссной основе. Однако еще до того радикально настроенные иконоборцы предприняли несколько попыток завладеть властью, утраченной ими в конце VIII в. Недовольные политикой иконопочитателей – императрицы Ирины (780-802гг.) и императора Никифора I (802-811гг.) – правители фем подняли целый ряд мятежей. В 790г. восстала возглавляемая армянским полководцем Алексием Муселе фема Армениак, и императрица на два года была свергнута с трона. Власть оказалась в руках военных, сплотившихся вокруг ее сына – Константина VI (Алексий Муселе, армянин Варда и др.). Однако поражение в войне с болгарами в 792г. и смерть Варды ослабили иконоборцев. Против социально-экономических позиций последний активно начал бороться император Никифор, натолкнувшийся на бурное сопротивление. В 802г. командующий фемой Анатолик Вардан «Турок» начал гражданскую войну, намереваясь завладеть престолом. Его безуспешную попытку в 808г. повторил другой армянский

полководец – Аршавир. Наконец в 813г. власть смог захватить предводитель Анатоликов Левон Арцруни (император Лев V, 813-820гг.). Он начал жестокое преследование всех своих идейных противников. Вновь восстановил иконоборчество, новым идейным лидером которого стал будущий патриарх Иоанн Грамматик. Репрессии Льва только разобщили фемскую элиту, которая была не очень заинтересована в обострении отношений со столичной верхушкой, особенно в условиях существующей в селах социальной напряженности. Крайним проявлением последней стало охватившее почти всю империю восстание Фомы Славянина (821-823гг.), в котором приняли участие также армянские стратиоты и павликиане и даже армянские полководцы. В этих условиях имела место определенная консолидация византийской элиты. Уже благодаря перевороту 820г. к власти пришла Аморийская династия (из крупнейшего малоазиатского города Аморион, в феме Анатолик), выражавшая интересы умеренных иконоборцев. Несмотря на определенное ужесточение борьбы против иконопочитателей, при патриаршестве Иоанна Грамматика (837-842гг.), в целом эта борьба переживала упадок. С одной стороны, этому способствовало тяжелое поражение фемских сил и уничтожение значительной части малоазиатской верхушки со стороны арабов в 838г. А супруга императора Феофила, Феодора Мамиконян, была тесно связана с чиновничье-предпринимательской элитой столицы и выступала сторонницей примирения обеих сторон. После смерти супруга она стала править империей и в 843г. восстановила культ икон, не пересматривая всех остальных результатов борьбы. В последующие десятилетия IXв. борьба между верхушкой Константинополя и Малой Азии шла только по поводу того, кто возглавит объединяющуюся элиту. Правление Феодоры означало превосходство чиновничьей верхушки, однако в 856г. после небольшого переворота к власти пришел брат Феодоры, Варда Мамиконян, отдающий предпочтение провинциальным военным кругам. Затем, в 866 и 867 гг. после убийства Варды и императора Михаила III роль государства вновь взяла на себя гражданское чиновничество во главе с Василием I (867-886гг.). Несмотря на восстания, поднятые армянскими полководцами Смбатом и, позднее, Иоанном Куркуасом, Василию, тем не менее, удалось сплотить вокруг себя малоазиатскую военную верхушку. Наиболее видным представителем последней был Никифор Фока, который принял на себя руководство вооруженными силами.

Тем самым завершился первый этап проходившей еще с VIIв. борьбы относительно путей развития Византии. В результате принципы бюрократического правления и центристремительные тенденции одержали верх над феодализацией страны. Фемская верхушка Малой Азии так и не сумела утвердить свою феодально-поместную власть на местах. Она была бессильна одновременно вес-

ти борьбу, с одной стороны, с пока еще социально мощным классом стратиотов, с другой стороны – против императорской власти и чиновничьими и предпринимательскими кругами Константинополя. Кроме того, формированию помещичьего класса мешали внешние вторжения: во второй половине VIIв. Малая Азия почти непрерывно подвергается нашествиям арабов. Только победа, одержанная в 740г. Львом III, на несколько десятилетий обезопасила страну, позволив развиваться поместному дворянству. Однако усмиряющие меры императора-иконоборца, враждебная политика правителей-иконопочитателей, крупное восстание Фомы Славянина, бедствия 838г. и, наконец, разрушительные войны против павликиан и арабов в 860 гг. нанесли тяжелый удар по экономическому положению фемской верхушки. Большая часть этой верхушки исчезла, в том числе с политической сцены удалились и армянские княжеские дома. Поместий больше не было, и для фемских военачальников единственным источником власти стали их официальные полномочия. Победа второй из двух вышеотмеченных тенденций в то время означала бы не только установление феодальной раздробленности, но и падение Византии. Единственным способом предотвратить это могла стать консолидация всех общественных сил (армии, бюрократии, духовенства, городских сословий, стратиотов) вокруг престола. Знаменателен тот парадокс, что большинство императоров и правителей, вышедших как из «полководцев», так и из «бюрократов», понимали это и, так или иначе, предпринимали средства для достижения искомой консолидации. Это процесс получил окончательный вид в конце IXв. усилиями императоров армянского происхождения, заложивших основу дальнейшего усиления Византии.

Расцвет Византии при Македонской династии был обусловлен именно укреплением целостности империи. С другой стороны, для этого времени были характерны новые существенные сдвиги, происходившие в глубинах общественной жизни. По сути, возрождались прежние тенденции феодализации страны, но уже в новых условиях и более решительно. С одной стороны, этому способствовал беспрецедентно долгий мир, которым Малая Азия наслаждалась с VIв. до второй половины XIв. Еще большее значение имели внутренние условия: быстрое расслоение и разложение прослойки стратиотов (связанные с прогрессирующими государственными оброками и углублением рыночных отношений, а также ужасным голодом 920-х гг., стихийными бедствиями 1030-х гг.), происходившее вследствие этого отделение класса средних, а затем и крупных землевладельцев от общины, новое стремление чиновничества приобретать имения (с конца IXв. до начала Xв.). Посягательства последних обретали поддержку в противоречивом земельном кодексе Македонской династии, внешне призванный защищать землевладение стратиотов. В свою очередь, законы о зем-

ле императоров Романа I, Константина VII и Василия II, направленные против увеличения числа провинциальной поместной знати, были непоследовательны и обеспечивали только временные результаты.

Рост крупного землевладения и формирование новой родовой знати уже в Хв. закладывает основу длившегося несколько веков процесса формирования нобилитета в византийском обществе. Возникают родовые династические фамилии¹, представления о наследственности элиты, естественном неравенстве людей. Придается важность заключению брачных уз между родами, созданию вокруг каждого рода клиентелы и даже собственных вооруженных отрядов. В процессе достижения влияния наличие поместий, зависимого крестьянства и родственных связей начинает восприниматься как альтернатива государственным должностям [10, сс. 58-60; 4, сс. 81-82]. В системе «благородного» образа жизни важное значение обретают воинские таланты и навыки. Происходящие сдвиги отражаются в литературе, где придается большое значение военной теме, главными героями становятся аристократы и полководцы нового типа, восхваляется храбрость императоров-полководцев на поле боя [4, сс. 74, 81, 139, 141]. Аристократизация общества влияла и на императоров Македонской династии, у которых начинает формироваться феодальный принцип легитимности царствующей династии.

Влияние армянских реалий на вышеупомянутые процессы несомненно, хотя среди 300 новых родов, появившихся на политической арене в то время, армянскими были, в лучшем случае, 15% [26, с. 147]. Свидетельством этого влияния является не только созданный в духе аристократизма эпос «Дигенис Акрит», действие которого разворачивается в армянонаселенных областях империи, а главный герой – плод родовой среды, имеющей армянское происхождение. Примечательно то, что формирующуюся в X-XI вв. политическую борьбу родовой наследственной аристократии против столичной чиновничьей верхушки изначально возглавляли в основном роды армянского происхождения, что, пожалуй, говорит об их большей политической зрелости. Эта борьба, фактически явилась новым и более драматичным этапом стародавней конфронтации «бюрократов» и «полководцев», получившим вид борьбы между должностной и родовой аристократией. История в последний раз давала Византии время и возможность перестроить общественные отношения по более передовому, феодальному типу и трансформировать чрезвычайно централизованную абсолютистскую систему правления в децентрализованную иерархию. Конфликтующие стороны, при этом, развернули борьбу с максимальным напряжением сил².

¹ До IXв. в Византии фамилиями обладали, пожалуй, только армянские княжеские роды.

² Подробнее см.: 32, сс. 180 слл.

До второй половины Хв. борьба на начальном уровне велась и ограничивалась стремлением укрепить позиции провинциальной верхушки. Имели место неудавшиеся попытки переворота, возглавляемые греческим аристократом Андроником Лукой (906г.) и его сыном Константином (913г.). Неудачей закончилась и борьба армянского военачальника Льва Фоки за власть. Наоборот, победа адмирала Романа Лакапена (919г.) означала очередной успех официальных кругов.

Опубликовав ряд экономических законов, направленных против провинциального поместного дворянства, новый император одновременно стремился приблизить к себе малоазиатские роды – армян Куркуасов и Муселе, греков Аргюросов и др. В частности, полководцу Иоанну Муселе было доверено командование восточными войсками, Алексею Муселе – военно-морскими силами. Семейная власть Лакапенов пала в 944г. вследствие внутренней борьбы в столичной элите. Константин VII и Роман II продолжили политику угождения военной элите, отдавая предпочтение таким армянским родам, как Фока, Липсы, Куртики. В середине века именно в их руках были сосредоточены главные военные должности: командиром императорской гвардии был Манвел Куртик, командиром отряда наемников – Константин Липс, доместики Востока и Запада – братья Никифор и Лев Фока. В среде провинциальной военной верхушки в то время превалировали настроения компромисса с гражданской верхушкой. Принципом компромисса руководствовались даже занявшие трон путем военного переворота императоры-воины Никифор II Фока (963-969гг.) и Иоанн I Цимисхий (969-976гг.). В это время, в связи с блестящими победами, одержанными на фронтах империи в 960-970гг., значительно возросли авторитет и политическое влияние военных. С другой стороны, в распоряжении военных не было таких вассальных сил, которым можно было бы доверять в ходе внутривосточной политической борьбы. Личные гвардии феодализирующихся магнатов были еще далеки от того, чтобы стать профессиональными вооруженными силами наподобие рыцарства. Опирались на стратиотов тоже было нереально из-за их быстрого экономического разложения. Последнее обстоятельство вообще представляло угрозу для всей империи. Будучи настоящим стратегом, Никифор II это понимал. Поэтому, придя к власти, он осуществил реформу армии: из общей массы стратиотов были вычленены имущие крестьяне (средние землевладельцы), составившие социальную основу только созданной тяжелой конницы (катафрактов). Были сокращены взимаемые с них налоги при условии самостоятельного несения собственных военных расходов. Были сделаны нововведения и в области вооружений и тактики. Реформа Никифора существенно повысила качество армии: именно катафрактам империя была обязана вышеупомянутыми победами. Инициатива императора армянского происхождения могла иметь и

более далеко идущие социально-политические последствия: перед Византией фактически открывалась возможности профессионализации армии, которая постепенно была бы перестроена по принципу феодальной иерархии.

Попытка императора-воина Хв. – мирно и на компромиссной основе привести к власти поместную военщину – провалилась. Взамен борьба переместилась на военное поприще – во главе с более радикально настроенным Вардой Фокой и Вардой Склеросом [32, с. 217]¹. Еще в 969г. после убийства императора Никифора его племянник Варда Фока в Кессарии провозгласил себя императором, однако потерпел поражение от породнившегося с Иоанном Цимисхием Варды Склероса, который был назначен domestikом Востока. После загадочной смерти Цимисхия, когда вся власть сосредоточилась в руках евнуха Василия Нофы, лишенной должности Склерос сам поднял мощное восстание (976-979гг.), стремясь получить власть. К нему примкнули полководцы-армяне Михаил Бурцес, Роман Таронит, братья Григорий и Баграт Таронаци, Саак Врахамиос, Константин Гаврас, командор Михаил Куртик, руководивший флотом повстанцев, и др. Силы повстанцев преимущественно состояли из армян, обладавших доминирующими позициями в восточных провинциях империи. Верные правительству войска, во главе с Петром Фокой, потерпели поражение, после чего повстанцы двинулись на Константинополь. По иронии судьбы, правительство направило против Склероса Варду Фока, пользующегося в родной Каппадокии политическим влиянием. По сути, только благодаря такому расколу между провинциальными аристократами, да и то ценой значительных усилий удалось подавить восстание. Вскоре, однако, эта аристократия (в том числе Варда Склерос) сплотилась вокруг Фоки, который в 987г. был провозглашен императором и поднял новое крупное восстание (987-989гг.). Его поддержала вся Малая Азия и, в первую очередь, армянские силы. Правительственные войска вновь потерпели поражение, и столица опять оказалась под угрозой. Два Варды впервые обсуждали вопрос разделения империи по феодальному принципу: в случае победы Фоке должна была отойти европейская часть Византии, включая Константинополь, а Склеросу – азиатская². Императору Василию II удалось спасти ситуацию только за счет подмоги из Руси и многочисленных европейских наемников.

После подавления восстания Склероса и Фоки император Василий II инициировал гонения против провинциальной аристократии. Имена многих из них были захвачены, на других были возложены тяжелые финансовые обязательства, нанешие значительный вред экономике землевладельцев³. В противо-

¹ В целом, в 976-1081 гг. было примерно 50 заговоров и мятежей [19, с. 154].

² Фока, однако, вероломно арестовал Склероса, намереваясь единолично завладеть престолом [19, с. 157].

³ Кстати, император следовал совету взятого в плен Варды Склероса – нагрузить помещиков службой и налогами, не давая им усилиться [19, с. 69]. Судя по совету Склероса, провинциальная верхушка прекрасно осознавала свою социальную силу.

вес им Василий начал активно набирать наемные (в основном иностранные) войска. Их услугами империя пользовалась и раньше, но только в этот период стала возрастать их роль в армии. На средства, вытребованные у провинциальной элиты и полученные от победоносной войны, император угождал солдатам, а также духовенству и городскому чиновничеству, не препятствуя росту поместий последних. Одновременно император укреплял собственную власть, единолично распоряжаясь государственными делами.

Ослабевшая в результате политики Василия провинциальная военная элита почти на тридцать лет прекратила сопротивление. Только в 1020 гг. начался новый период заговоров и мятежей, продлившийся почти шестьдесят лет. Первые из них все так же возглавляли армянские претенденты на престол: Никифор Фока (1022г.), Константин Далассен (1028 и 1042 гг.), Георгий Маниак (1042г.), Лев Торникян (1047г.) и др. Однако эти мятежи уступали в мощи предыдущим. Армянские семьи, взявшие на себя в Хв. руководство вооруженной борьбой и основную тяжесть ответного удара, теперь уже начинали уступать возмечившимся за их спиной греческим родам. Переломным моментом очередного усиления политической борьбы стал период правления Константина IX Мономаха (1042-1055гг.), когда власти попытались пойти по пути фактического уничтожения беспокойного военного руководства. Полномочия фемских стратигов были резко урезаны, их низвели до уровня гарнизонов местных крепостей. Чтобы не допустить превращения катафрактов в вассалов провинциальной аристократии, их воинская повинность была заменена денежными выплатами. На эти средства государство содержало профессиональную армию наемников, руководство которой доверялось бездарным, но безгранично преданным государству евнухам. Были также расформированы те вооруженные отряды армянских князей, которые перешли на службу империи вследствие завоевания Византией в Хв. большей части Армении. Военная аристократия Малой Азии и Балкан ответила на эти меры новыми заговорами, гражданскими войнами и государственным переворотами, в конечном итоге которых в 1081г. к власти пришла греческая династия Комнинов.

Дальнейшее социально-политическое развитие Византии не входит в рамки нашей статьи. Довольствуемся только констатацией того, что победа Комнинов запоздала: с одной стороны, внешние нападения, с другой – закостенелая структура империи уже не позволили Византии выбраться из создавшегося положения. Действия Комнинов (1081-1185гг.) по реорганизации империи были не последовательны и всего лишь отсрочили падение империи [19, с. 64; 10, с. 101].

Возможно, Византия могла бы спастись, если бы во второй половине Хв. выиграла возглавляемая армянской знатью провинциальная аристократия. Этой

победы, однако, не случилось, потому что пока отсутствовали необходимые единство и политическая зрелость прогрессивных сил. Самодержавие при Македонской династии было очень сильно, и оно не было полностью преодолено и в дальнейшем, вплоть до конца существования империи мешая развитию феодальных отношений. Победа Вардасов, конечно, вовсе не означала бы арменизацию Византии (в той или иной степени). Наоборот, начавшийся в Византии с X-XI веков процесс феодализации предполагал в империи постепенное усиление этнического сознания и внутреннюю усобицу на этой почве. По понятным причинам национализация империи должна была идти по пути эллинизации. Уже в XI в империи осуществлялась дискриминация в отношении негреков, осуждалось наличие раба-грека, складывалось негативное отношение к многонациональности государства, все более последовательно отождествлялись понятия «грек» и «римлянин» [19, сс. 30, 207, 209; 32, сс. 83, 86].

Этот процесс по-разному отразился на византийских армянах. Для издавна утвердившегося в империи и в основном живущего в греконаселенных областях халкидонского армянства (в том числе подавляющее большинство нобилитета армянского происхождения) это означало слияние с преобладающей нацией. При династии Комнинов, которые, по-видимому, отдавали предпочтение аристократическим родам греческого происхождения, армянские дворяне оказывались в основном на втором плане. Утратив прежние позиции в армии, они занимали преимущественно административные и церковные должности или удалялись в провинцию – подальше от столичной жизни, или же, наконец, исчезали с исторической арены [26, сс. 154, 163-168]. Наоборот, в восточных армянонаселенных провинциях империи, где в X-XI вв. значительно возросло число армян-монофизитов и взамен ужесточилась ассимиляционная политика империи, главенствующими стали усиление межнациональной напряженности и сепаратизм [20, pp. 51-52]. Проявлением последнего в условиях сельджукских завоеваний (1070-1080гг.) стало создание армянских княжеств. Наиболее жизнеспособным среди них оказалось Киликийское царство, куда позднее перебралась часть армянской родоплеменной аристократии Византии.

По сути, после XIв. армяно-византийские цивилизационные связи стали утрачивать былую интенсивность. Сама Византия, расчленяемая и уменьшавшаяся под ударами врагов, оказалась не в состоянии выполнять роль цивилизационного центра христианского мира, постепенно уступая ее Западной Европе. Соответствующие изменения (конечно, не сразу) отразились и на внешнеполитических предпочтениях восстановленного в Киликии армянского государства.

VI

Эта статья, безусловно, далека от целостного представления культурологического аспекта армяно-византийских связей. Однако использованный в ней метод, как нам кажется, позволяет увидеть в новом свете как связи между двумя странами, так и деятельность армян в Византии. То обстоятельство, что в Армении собственная цивилизация сформировалась позже сопредельных, к тому же диаметрально противоположных цивилизаций, придало ей гибкость, сделало «открытой». Армения или армянство, сумев обеспечить свою самобытность, одновременно вступила в активный культурный взаимообмен с другими, более того – стала своеобразным культурным посредником между культурами и, наконец, в лице своей тогдашней «диаспоры» принимала участие в развитии сопредельных цивилизаций. Таким образом, армянская культура обладала наилучшими данными для того, чтобы участвовать в глобализационных процессах. В ряду древних и средневековых глобализационных процессов наиболее значимым для Армении стало образование византийского сообщества (ойкумены). Принятие христианства в Армении и на Западе – с одной стороны, победа ислама на Востоке – с другой, сделали Византию основным цивилизационным партнером Армении (до XI-XII вв.). Две эти страны были не только и не просто соседями. Несколько веков Византия выступала в качестве центра того христианского единства, неотъемлемой частью которого осознавало себя и армянство. Активные взаимоотношения центрального византийского и локального армянского полюсов только стимулировали обоюдное духовное развитие. Одновременно, функционирование Византии в качестве центра послужило распространению армянских культурных достижений на Западе. В обоих случаях большую роль сыграло наличие в империи социально активного армянства. Результатом этой активности стало принятие в Византии не только армянских культурных, но и, надо полагать, социальных ценностей. Мы не сочли нужным использовать эпитет «армянская» для характеристики этой империи. Несмотря на влияние армянских ценностей, они не составляли основу общественных отношений в Византии. А проявляющие активность византийские армяне не являлись правящей политической силой как *этническая группа* и в основном были носителями мощных византийских (римских) традиций греческого образца. В обладающей средневековым мировоззрением и, тем более, основанной на универсалистских принципах Византии этническое самосознание явно уступало осознанию религиозной и государственной принадлежности. Пожалуй, византийцы, если рассматривать их в некоей совокупности, не позиционировали себя как отдельный этнополитический субъект империи. Тем более отсутствовала консолидация. Вместо этого в жизни анациональной империи мы

видим их вовлеченными в борьбу между разными и даже противоположными социально-политическими течениями («бюрократы» и «полководцы», иконоборцы и иконопочитатели, должностная и наследственная аристократия) – борьбу, не имеющую ничего общего с армянскими национальными интересами. А когда Византия вступила на путь национального становления (с X-XI вв.), основной тенденцией этого пути стала эллинизация, жертвами которой стали давно укоренившиеся в империи армяне. Однако, с другой стороны, все вышеизложенное свидетельствует о восприимчивости укоренившихся в Византии армян к чужим ценностям, их способности интегрироваться, а следовательно – высокой степени социализации.

Вся мировая история и, в частности, история армянского народа, недвусмысленно свидетельствуют: лучшими перспективами духовного развития обладают народы, находящиеся в активном творческом сотрудничестве с другими обществами. Парадигмой такого сотрудничества может выступать только пропорциональность двух полюсов национальной идентичности – собственных и заимствованных ценностей. Она призвана обеспечить взаимовыгодную интеграцию разных обществ. В случае Армении чрезвычайно важна история ее связей с Византией. Эта история – свидетельство усвоения чужих ценностей на армянской земле и, наоборот, представления собственных ценностей другим. С этой точки зрения, у многих аспектов армяно-византийских связей наблюдаются (или потенциально могут наблюдаться) параллели с нынешними армянскими реалиями. Следовательно, уроки, извлекаемые из истории этих связей, актуальны при решении сегодняшних проблем. Что касается национальной самобытности византийского армянства, то здесь поводом для размышлений становится осмысление другой парадигмы: необходимость сохранения пропатриотического мышления армянами, оказавшимися вдали от родины.

Январь, 2007г.

Источники и литература

1. *Մտեփանյան Ա.*, Պատմության քաղաքակրթական չափումը // Հայոց պատմության հիմնահարցեր. Հայկական լեռնաշխարհը՝ հայոց և համաշխարհային քաղաքակրթության բնօրրան. Ջեկուցումների հիմնադրույթներ, Ե., 2003:
2. *Յուզբաշյան Կ.*, Բագրատունյաց շրջանի Հայաստանը՝ միջազգային իրավունքի տեսանկյունից, Պատմա-բանասիրական հանդես, N 1, Ե., 1975:
3. *Медведев И.*, Правовая культура Византийской империи, СПб, 2001.
4. *Культура Византии*, т. II, М., 1989.

5. Eusebius Caesariensis. Oratio tridecennalis, www.ucalgary.ca/~vandevsp/Courses/texts/eusebius/euseprai.html.
6. *Удальцова З., Литаврин Г.*, Возникновение и формирование феодальных отношений в Византии IV-XI вв. // История средних веков, т. I, М., 1990.
7. Յովհաննէս Դրասխանակերտցի, Պատմութիւն հայոց, Ե., 1996:
8. Մատթէոս Ուռհայեցի, Ժամանակագրութիւն, Ե., 1991:
9. *Laurent J.*, L'Arménie entre Byzance et l'islame depuis la conquête arabe jusqu'en 886, Lisbonne, 1980.
10. *Каждан А.*, Византийская культура X-XII вв., М., 1968.
11. Սովնէս Խորենացի, Հայոց պատմություն, աշխարհաբար թարգմ. Ս. Մալխասյանցի, Ե., 1968:
12. Հայկական Սովետական Հանրագիտարան, Ե., 1974-1987:
13. *Տեր-Ներսեսյան Ս.*, Բյուզանդիա և Հայաստան // Լրաբեր հասարակական գիտությունների, N 1, Ե., 1970:
14. *Der-Nersessian S.*, Armenia and the Byzantine Empire. A Brief Study of Armenian Art and Civilization, Cambridge, Mass., 1945.
15. *Удальцова З.*, Культура Византии IV-XV вв. // История средних веков, т. I, М., 1990.
16. The Cambridge Medieval History, Cambridge, 1966, vol. 4, The Byzantine Empire.
17. *Teteriatnikov N.*, Multiplication of the Chapels in Early Georgian and Armenian Churches and Their Significance for the Middle Byzantine Architecture, 6th Conference of Byzantine Studies, 1981, www.byzconf.org/1981abstracts.html
18. *Աղնց Ն.*, Մամիկոնյան իշխանուհին բյուզանդական գահի վրա // Պատմական ուսումնասիրություններ, Փարիզ, 1948:
19. *Литаврин Г.*, Как жили византийцы, СПб, 1997.
20. *Charanis P.*, The Armenians in the Byzantine Empire, Lisbon, 1963.
21. Scriptores Historiae Augustae, Triginta tyranni, XXXII.3, Divus Aurelius, XXVII.1, www.thelatinlibrary.com/sha.html
22. Պրոկոպիոս Կեսարացի, Գաղտնի պատմություն, թարգմ. Հ. Բարթիկյանի, Ե.:
23. *Բարթիկյան Հ.*, Հայկական նախարարական տոհմանվան եզակի հիշատակություն բյուզանդական աղբյուրներում // Հայ-բյուզանդական հետազոտություններ, հ. 1, Ե., 2002:
24. *Treadgold W.*, The Size of the Byzantine Army (300-900 A.D.), 16th Conference of Byzantine Studies, 1991, www.byzconf.org/1991 abstracts.html.
25. *Adontz N.*, Études arméno-byzantines, Lisbonne, 1968.
26. *Каждан А.*, Армяне в составе господствующего класса Византийской империи (XI-XII вв.), Е., 1975.
27. *Диль Ш.*, Основные проблемы византийской истории, М., 1947.
28. *Բարթիկյան Հ.*, Մեծ Լավրայի առաջնորդ Թեոկտիստոսի հայերեն ստորագրությունը // Հայ-բյուզանդական հետազոտություններ, հ. 1, Ե., 2002:
29. *Աղնց Ն.*, Հայ Գիտական դեմքեր Բյուզանդիայում // Պատմական ուսումնասիրություններ, Փարիզ, 1948:

30. Кучма В., Военная организация Византийской империи, СПб, 2001.
31. Արնոց Ն., Հայաստանը Հուստինիանոսի դարաշրջանում, Ե., 1987:
32. История Византии, С. Сказкина, т. II, М., 1967.

ARMENIAN-BYZANTINE CIVILIZATION LINKS

Artyom Sargsyan

Resume

The whole world history and the history of the Armenian nation in particular have unambiguously come to prove that only the nations which are in active creative cooperation with other communities have the best perspectives of spiritual development. The paradigm of such cooperation may only become the proportionality of the two poles of national identity – their own and the adopted values. It is called to ensure mutually beneficial integration of different societies. In case of Armenia it is extremely important its ties with Byzantium. This history is an example of adopting foreign values on the Armenian land and, to the contrary, representation of their own values to the others. From this standpoint one can draw a parallel among many aspects of Armenian-Byzantine ties and up-to-date Armenian realities. Accordingly, the lessons taken from the history of these ties are actual in solving the problems today. As for national originality of Byzantine Armenians, than the comprehension of another paradigm is a matter of concern: the necessity to preserve pro-patriotic way of thinking by the Armenians inhabited abroad.

Памятка автору

Журнал «21 Дар» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены на армянском, русском или английском языках, печатно (в двух экземплярах) и на дискете, в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтами «*Times New Roman*», «*Sylfaen*» (русский, английский) и «*Sylfaen*», «*Arial LatArm*» (армянский), размером 11.
2. Страница статьи должна соответствовать формату А4 и иметь поля: слева 1.0 см, справа 3.0 см, сверху и снизу 2.5 см. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие аннотации и резюме. Резюме приводится на языке, отличном от языка самой статьи.
3. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье. При неоднократной ссылке на один и тот же источник в квадратных скобках после номера источника указывается номер страниц на языке оригинала («էջ» на армянском, с. на русском, р. на английском, французском и т.д.), например: [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература» приводится их список в сквозной нумерации по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом размером 10, например:
 1. Шарипова Р., Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, М., 1986.
 2. Մարգարյան Ա., Երկրի մրցակցային ռազմավարությունը տնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ Դար», # 1, էջ 5, 2003:
 3. Yasha Lange, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.
 4. <http://www.oecd.org/dsti/sti>, March 1, 2001.
4. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *Al-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, արար.).

Редакционный совет

«21-й ВЕК» ЖУРНАЛ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОНДА «НОРАВАНК»
Редакционный совет

Республика Армения, 0026, г. Ереван, ул. Гарегина Нжде, 23/1
www.noravank.am
e-mail: 21dar@noravank.am, office@noravank.am
Телефон: + (374 10) 44 38 46
Факс: + (374 10) 44 04 73

Подписано к печати 08.01.2009г.
Учредитель: научно-образовательный фонд «Нораванк»

Бумага офсетная, формат 70x100 1/16
Усл. п. л. 15, Тираж 300
Шрифт: Sylfaen
Свидетельство: 01Ш 000234
Издательство ООО «Гаспринт»